

А.П. ЕРМОЛИН

РЕВОЛЮЦИЯ И КАЗАЧЕСТВО

А.П. ЕРМОЛИН

РЕВОЛЮЦИЯ И КАЗАЧЕСТВО

(1917-1920 гг.)

Москва «Мысль» 1982

ББК 63.3(2)71 9(С)2

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент —

доктор исторических наук В. Д. Поликарпов

Ермолин А. П.

Е 74 Революция и казачество* (1917—1920 гг.). —М.: Мысль, 1982.—224 с.

85 к.

В книге исследуется сложный процесс острой классовой борьбы во всех казачьих районах России в период Октябрьской революции и гражданской войны. На обширном архивном материале, данных периодической печати того времени, научно-исторической и мемуарной литературы показан сложный и противоречивый переход трудовых казаков на сторону Советской власти, раскрывается руководящая роль ЦК РКП (б), СНК, В. И. Ленина и местных большевистских организаций в разгроме казачьей контрреволюции в 1917—1920 гг.

0505030000-191

Е -----48-82

004(01)-82

ББК 63.3(2)71

Е74

© Издательство «Мысль», 1982

ВВЕДЕНИЕ

«Победа Октября, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС о 60-летию Великого Октября, — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»¹.

Дальнейшее углубленное изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции прямо отвечает задаче, сформулированной еще XXV съездом партии. В его документах особо отмечается, что в области общественных наук необходимо продолжить работу по научному обобщению всемирно-исторического опыта КПСС. В развитом социализме мир видит прямое продолжение пролетарской революции. Сегодняшние свершения советского народа являются продолжением дела Октября, практическим воплощением ленинских идей².

Сложные процессы классовой борьбы в период 1917—1920 гг. касались и казачьих областей России. Там, указывал В. И. Ленин в 1919 г., движение к победе социалистической революции «шло не так быстро и не тем путем, как шло в Петербурге и в Москве — в центре России»³. Рассмотрение и изучение этой темы имеют важное теоретическое и практическое значение в решении вопроса о союзниках рабочего класса в победе и защите социалистической революции. Общие закономерности всемирно-исторической победы пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии дополняются некоторыми специфическими особенностями борьбы большевиков за победу власти Советов в казачьих областях страны. В статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» В. И. Ленин, имея в виду прежде всего Урал, Сибирь, Дон и Северный Кавказ, подчеркивал, что в годы гражданской войны именно здесь «мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции. Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина»⁴. Это явление объяснялось в первую очередь социально-экономическими причинами, особенностями расстановки классовых сил в казачьих районах, наличием в них «особого

3

состава» населения, прочно «державшегося за традиции монархии и средневековья...»⁵. В этих ленинских положениях раскрывается одна из основных причин затяжного характера гражданской войны в казачьих регионах страны, которые характеризовались наличием здесь малочисленного промышленного пролетариата, неполноправного нерусского населения и «иногогороднего» крестьянства, с одной стороны, и привилегированного казачества, сохранившего «особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»⁶, — с другой. Контрреволюционные силы весьма искусно использовали местные социально-политические условия для организации выступлений против

социалистической революции. Международный империализм и внутренняя контрреволюция стремились превратить казачьи области России во всероссийский плацдарм для борьбы против власти диктатуры пролетариата.

Борьба за победу Советской власти с самого начала стала ареной ожесточенной гражданской войны сил революции с силами внутренней и внешней контрреволюции, от исхода которой в те годы не раз зависела судьба молодой Республики Советов.

Первостепенное значение для правильного понимания происходивших событий в казачьих областях имеют произведения В. И. Ленина, в которых дана исчерпывающая научная характеристика и анализ главных процессов классовой борьбы в этих областях страны. Раскрывая политику и тактику Коммунистической партии и Советского правительства по отношению к казачьим массам в годы гражданской войны, В. И. Ленин в своих высказываниях, письмах, телеграммах, записках партийным, советским и военным работникам Дона, Северного Кавказа, Южного Урала, Сибири характеризует процессы, происходившие в казачьих регионах, оказывает практическую помощь местным большевистским организациям в их борьбе за казачьи массы.

Первоисточниками для данной темы являются статьи, речи, письма, телеграммы и воспоминания партийных и государственных деятелей, военачальников, непосредственно осуществлявших ленинские указания на Дону, Кубани, Тереке, Урале, в Сибири, Туркестане,— С. М. Кирова, М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлова, А. И. Микояна, М. В. Фрунзе, В. К. Блюхера, С. М. Буденного⁷.

4

Для литературы 20-х годов характерна противоречивая оценка отношения казачества к революционным событиям 1917—1920 гг. Объяснить это можно тем, что проблематика истории Великого Октября и гражданской войны в казачьих регионах только еще определялась, основное внимание авторы книг и статей уделяли военно-оперативным вопросам. Такие проблемы, как анализ соотношения и расстановки классовых сил в казачьих областях, определение позиций и места различных слоев казачества в вооруженной борьбе, политика Коммунистической партии по отношению к трудовым казакам, еще не стали темой исследования. Опубликованные работы в большинстве своем были написаны непосредственными участниками гражданской войны⁸. Нужно отметить труды военных историков, которые ценны большим документальным материалом, теоретический уровень многих исследований довольно высок. Значительный интерес в этом отношении представляют «Записки о гражданской войне» В. А. Антонова-Овсеенко. Автор приводит интересные факты, раскрывающие политическую позицию казачества в период калединского мятежа. Среди военно-исторических

исследований выделяется первый том труда Н. Е. Какурина «Как сражалась революция». Раскрывая классовый характер гражданской войны в казачьих областях юго-востока Европейской России, он писал в 1925 г., что основой белоказачьих армий «являлись кулацкие круги казачества, давившие своей массой на казаков-середняков»⁹.

Советская историография гражданской войны в казачьих районах рождалась в ожесточенной борьбе с буржуазно-помещичьими, эсерово-меньшевистскими и другими враждебными научному коммунизму концепциями. Апологеты буржуазии пытались (и пытаются!) извратить сущность гражданской войны и представить ее не как борьбу пролетариата против эксплуататоров, а как вооруженную борьбу между разными отрядами рабочих и крестьян, якобы порожденную кознями большевиков.

В творениях белоэмигрантской казачьей контрреволюции гражданская война в казачьих регионах изображалась не как результат острых классовых противоречий, а как борьба сословная. Извращая действительность, фальсификаторы утверждают, что все казачество как монолитная общественная группировка выступило против Советской власти, что социалистическая

5

революция была привнесена в казачьи регионы из центра страны на штыках красногвардейцев¹⁰. С белоэмигрантскими писаниями о сословном характере гражданской войны в казачьих районах перекликались, как отмечает К. А. Хмелевский, измышления троцкистов о том, что основу казачьей контрреволюции составляла сословная казачья связь тружеников с богачами¹¹. Считая все казачество контрреволюционной массой, искажая факты, ревизионисты старались доказать, что трудовое казачество враждебно настроено по отношению к Советской власти.

На необходимость классового подхода к анализу всех событий в районах казачества указал апрельский Пленум ЦК РКП (б) 1925 г. В специальной резолюции «По вопросу о казачестве» подчеркивалась роль казацкой бедноты в борьбе за власть Советов¹². Это позволило многим исследователям уже на первом этапе изучения гражданской войны поднять вопросы о классовых и сословных моментах в борьбе за власть Советов в казачьих областях, о роли казаков-фронтовиков в происходивших событиях, об общности коренных интересов трудящихся казаков, крестьян и рабочих¹³. В работе И. И. Ульянова «Казаки и Советская республика» (Л., 1929) отражена деятельность лучших представителей фронтового казачества по разработке декретов об организации власти Советов и решению земельного вопроса в казачьих районах, по развертыванию большевистской агитации среди казачества, по подготовке и проведению I Всероссийского съезда трудового казачества. Автор анализирует гибкую политику Коммунистической партии, направленную на отрыв трудовых масс казачества от контрреволюции, привлечение их на сторону власти

Советов; он последовательно проводит мысль об общности коренных интересов трудящихся казаков, крестьян и рабочих; показывает, как в ходе острой классовой борьбы трудовое казачество порывало с сословными предрассудками, переходило на сторону революции.

К одному из первых исследований, дающих анализ деятельности подпольных большевистских организаций и партизанского движения в тылу у Колчака, относится книга М. Голубых «Уральские партизаны. Поход отрядов Блюхера и Каширина в 1918 г.» (Екатеринбург, 1924). Давая характеристику первых рабоче-казачьих

б

партизанских отрядов, действовавших на территории Южного Урала, автор показывает процесс их объединения под руководством большевиков, но в то же время, не проанализировав процессы классовой борьбы в казачьей среде, делает неверный вывод, что все трудовые казаки, за исключением лишь небольшой части бедноты, были враждебны к декретам Советской власти.

Серьезную попытку дать дифференцированный анализ роли казачества в гражданской войне предпринял Н. Евсеев. Его наблюдение, что «не все казаки пошли за атаманом-бандитом в Сибирь», соответствует действительному положению. «Казаки прятались, а потом сдавались Красной Армии. Иногда сдавались целые сотни и полки, сдавая и своих арестованных офицеров»¹⁴.

В то же время некоторые авторы несколько упрощенно анализировали сложные социально-экономические процессы, происходившие в казачьих областях. Признавая, что к Октябрю 1917 г. казачество в классовом отношении дифференцировалось, такой крупный и оригинальный исследователь, как Н. Л. Янчевский, утверждал, однако, что не классовые противоречия, а сословные связи являлись определяющими в гражданской войне на Дону и Северном Кавказе. Он писал, что «события 1917—1920 гг. на Юго-Востоке протекали в чрезвычайно сложных условиях... Казачество крепко держалось за свои привилегии, и его борьба с бесправным «иногогородним» населением... определилась тотчас же после Февральской революции». Преувеличивал сословный момент в гражданской войне И. Гольдентул. «Казаки и иногородние, — писал он, — это два главных класса, самое крупное расслоение, между которыми проходит резкая грань». То же утверждал Г. Ладоха. «Основным моментом, определившим особый ход развития гражданской войны на Кубани, явились, — по его мнению, — те взаимоотношения, которые исторически создались между казачеством и иногородним населением области»¹⁵.

Весьма интересны вопросы, поставленные А. В. Голубевым. Рассматривая социально-экономические отношения внутри самого казачества, причины изменения позиции широких масс кубанского казачества к лету 1920 г., их нежелание вновь связывать свою судьбу с

буржуазно-помещичьей контрреволюцией, он приходит

7

к важному выводу, что политическая нейтральность трудового кубанского казачества привела к краху авантюры Врангеля. «В процессе борьбы с врангелевскими десантами, — отмечал автор, — мы еще не получили в лице казачества нового союзника в борьбе с реакцией, но уже совершенно отчетливо обнаружили, что реакция его лишилась. Колебание казачества в отношении к Советской власти в дальнейшем еще было неизбежно, но стать организованным оплотом остатков помещичье-буржуазной монархии в борьбе с Советской властью казачьи области уже не могли. Исторические пути реакции и казачества разошлись, и разошлись навсегда»¹⁶. Несмотря на то что работы периода 20-х годов еще недостаточно глубоко и подчас несколько упрощенно трактовали некоторые вопросы, касающиеся изучения истории Великого Октября и гражданской войны в казачьих областях, они все-таки внесли большой вклад в накопление и обобщение конкретно-исторического материала, помогающего раскрыть сложные социальные процессы, происходившие в казачьей среде.

В 30-х — первой половине 50-х годов появляется ряд работ, где всесторонне анализируется классовая позиция казаков в рассматриваемый период, подчеркивается руководящая роль Коммунистической партии в борьбе за власть Советов в казачьих районах¹⁷. Многие советские исследователи справедливо критиковали тех авторов, которые рассматривали казачество как сплошную контрреволюционную массу. В нашей литературе уже отмечалось, что подобное освещение событий мешало объективному раскрытию сложности обстановки в казачьих районах¹⁸. Так, в книге Ф. Попова «Дутовщина» (Москва — Самара, 1934) говорится о реакционности всего оренбургского казачества. Но это положение опровергается фактами (приводимыми самим автором), свидетельствующими о борьбе рядовых станичников под руководством большевиков против офицерско-кулацких кругов и о разложении белоказачьей армии. Ф. Попов делает вывод, что недостаточная работа оренбургских партийных организаций весной 1918 г. среди трудовых казаков и чехословацкий мятеж активизировали борьбу казачьих верхов против Советской власти.

Необходимо отметить работу С. М. Петрова «Борьба с дутовщиной» (Челябинск, 1937), в которой

8

систематизирован и обобщен накопленный к тому времени фактический материал. В результате автор смог осветить ряд важных вопросов борьбы большевиков за власть Советов на территории Оренбургского казачьего войска. В военно-историческом исследовании В. Ф. Воробьева «Оборона Оренбурга (апрель—май 1919 г.)» (М., 1938) освещается героическая деятельность революционных войск, оборонявших Оренбург весной 1919

г.; автор отмечает активное участие казачьей бедноты в борьбе с дутовцами, говорит о наметившемся в средних слоях казачества сдвиге в сторону Советской власти.

В книге Ф. Е. Огородникова наряду с характеристикой боевых действий против Колчака предпринимается попытка дифференцированно проанализировать отношение различных слоев казачества к социалистической революции. Он пишет: «Революция была враждебно встречена старыми казаками и казачьей верхушкой, молодежь из фронтовиков, участвовавшая в Февральской буржуазно-демократической революции, была против монархических настроений»¹⁹. Автор приводит немало фактов, свидетельствующих о недовольстве и разложении белоказачьих войск, о нежелании рядовых казаков вести войну против Советской власти.

Яркая картина острой классовой борьбы на Кубани дается Н. Т. Лихницким. На большом фактическом материале автор показывает создание бедняцко-середняцкого союза крестьянских и казачьих масс в боях за победу социалистической революции. Говоря о значении этого союза, он пишет: «Нельзя забывать, что Советская власть в казачьих областях вовсе не была принесена извне на штыках красногвардейцев и солдат. Эти штыки сомкнулись в начале 1918 г. в одну колонну с бедняцко-середняцким казачеством и иногородними, и этот союз обеспечил победу, ибо он был классовым союзом сил, основные интересы которых на стороне революции»²⁰. Вторжение германского империализма и поворот вправо весной 1918 г. середняцкого казачества в связи с началом первых аграрных преобразований, подчеркивает автор, явились основной причиной развязывания гражданской войны на Кубани. Характеризуя роль сословного момента в разжигании вооруженной борьбы на Кубани, он приходит к выводу, что «сословные антагонизмы наиболее сильны были в тех отделах

9

Кубанского войска, где больше всего развито кулачество...»²¹.

Большое значение для дальнейшей глубокой и всесторонней разработки истории классовой борьбы на Дону и Северном Кавказе имело фундаментальное исследование И. Разгона «Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе» (М., 1941). На большом документальном материале автор вскрывает роль империалистической интервенции в обострении вооруженной борьбы в казачьих районах; показывает борьбу местных партийных организаций по привлечению трудовых масс казачества на сторону пролетарской революции.

Советская историография гражданской войны в казачьих районах постепенно пополняется крупными исследованиями, в которых привлечен широкий и многообразный круг источников. Советские историки все более глубоко показывают позицию различных слоев казачества в событиях

1917—1920 гг., деятельность Коммунистической партии и ее местных организаций по мобилизации трудовых казаков на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией, вскрывают роль империалистической интервенции в разжигании и обострении гражданской войны в казачьих областях. В 50-х годах решениями партии были созданы необходимые предпосылки для дальнейшего повышения теоретического уровня исследовательской работы, что позволило расширить ее источниковедческую базу. К 40-летию Советской власти по проблемам Октябрьской революции и гражданской войны на Дону, Северном Кавказе, Южном Урале, в Казахстане, Сибири было издано несколько сборников документов и материалов, воспоминаний участников революционных событий²². Выпуск такой литературы приблизил к исследователям значительный и ценный материал, хранящийся в архивах страны.

Неоценимое значение для работы над темой имеет подготовленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) — РКП (б) с местными партийными организациями» (1957—1974 гг.). Большую роль в расширении источниковедческой базы периода Октября и гражданской войны в казачьих областях страны сыграли публикации восьми томов «Дekretов Советской власти» (1957—1980 гг.). Эти документы позволяют проследить

10

отдельные этапы первых социалистических преобразований в казачьих регионах, глубоко и всесторонне раскрыть политическую и организаторскую работу ЦК партии и Совнаркома под руководством В. И. Ленина среди казачества. Огромную помощь в дальнейшей разработке важнейших проблем истории гражданской войны в казачьих районах оказывает сборник ленинских документов «Военная переписка (1917—1920 гг.)» (М., 1956). Особую ценность представляет также трехтомная публикация документов и материалов «Из истории гражданской войны в СССР» (т. I. М., 1960; т. II. М., 1961; т. III, 1961).

Важным событием в историографии Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР явился выход третьего тома многотомной «Истории КПСС»²³. Ни в одном из ранее вышедших трудов не содержалось столько фактического материала о деятельности Центрального Комитета партии, сколько приведено в данной работе. Значительный интерес при этом представляет анализ изменений в политике по отношению к казачеству осенью 1919 г., обеспечивших перелом в настроении трудового казачества в пользу Советской власти²⁴.

Важное значение в исследовании ленинского теоретического наследия по истории классов и политических партий в России имеет выход из печати в 1970 г. книги «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» (М., 1970), подготовленной Академией общественных наук при ЦК КПСС. Эта книга представляет собой историографический очерк, где в

систематизированном виде раскрывается ленинская концепция истории классов и политических партий в России.

Широкая панорама революционных событий в России, в том числе и в казачьих областях, раскрывается в капитальном обобщающем исследовании академика И. И. Минца «История Великого Октября» (т. 1. М., 1977; т. 2. М., 1978).

Впервые наиболее полно дается анализ социально-экономического положения казачества, его классового расслоения и своеобразия сословных отношений в казачьих областях в работах Л. И. Фурторянского, В. А. Золотова, В. Н. Ивановой, А. И. Козлова, Л. А. Селивановской, П. Г. Галузо, В. М. Самосудова, А. И. Долгих, Э. М. Щагина. Раскрывая факторы, породившие и

11

питавшие ожесточенную вооруженную борьбу в казачьих районах, авторы делают вывод о приоритете классовых, а не сословных антагонизмов в борьбе революционных сил с контрреволюцией. Выводы эти имели решающее значение для характеристики расстановки сил и особенностей вооруженной борьбы в казачьих регионах в ходе революции и гражданской войны²⁵. Интересна в этом отношении монография А. И. Козлова «На историческом повороте» (Ростов н/Д, 1977). Научная методика определения социального состава крестьянства и казачества, предложенная автором, позволяет показать роль и место классовых и сословных отношений не только на Дону, Кубани, Тереке, но и в других казачьих областях России, раскрыть истоки мучительных колебаний казачества в годы гражданской войны.

Важные вопросы истории классовой борьбы в районах сибирского, забайкальского, амурского, уссурийского и семиреченского казачества подняты в работах ученых Сибири, Дальнего Востока, Казахстана²⁶. Однако авторы не ставили своей задачей рассмотреть казачество отдельной темой. Казачья проблема, как правило, дана попутно с решением ряда задач борьбы за власть Советов в этих регионах.

Особенности классовой борьбы в районах оренбургского и уральского казачества освещены в монографии видного участника гражданской войны на Урале и в Сибири Г. Х. Эйхе. Автор уточняет и развивает уже высказанную им в 20-х годах точку зрения о дифференцированном подходе к казачеству²⁷.

В статьях, посвященных Октябрю и гражданской войне в Оренбургском крае, опубликованных в конце 50-х и в 60-х годах, авторы приводят новый фактический материал о роли трудового казачества в борьбе за власть Советов²⁸.

Об истории создания союза рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и казачества в период революции и гражданской войны пишет Н. К. Лисовский. Из его работ по этой проблеме особенно заслуживают

внимания две книги: «Октябрь на Южном Урале» (Челябинск, 1957) и «Разгром дутовщины (1917—1919 гг.)» (М., 1964).

Значительный научный интерес представляют исследования Л. И. Футорянского²⁹. Автор прослеживает

12

«казачий вопрос» с классовых позиций и показывает несостоятельность воззрений на казачество как на сплошную контрреволюционную массу.

Историография гражданской войны немыслима без монографии Л. М. Спирина «Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.)» (М., 1968). В книге глубоко анализируется тактика пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии в годы гражданской войны по отношению к мелкобуржуазным слоям населения, прежде всего к крестьянству, и как часть этой проблемы — отношение к казачеству. На новом фактическом материале показываются огромные трудности, которые пришлось преодолеть большевикам в борьбе за трудовое казачество, анализируются некоторые их ошибки и просчеты в этом вопросе.

Большой вклад в изучение казачьей проблемы в период Октябрьской революции и гражданской войны на Дону и Северном Кавказе внесли работы К. А. Хмелевского, Л. И. Берза, В. А. Золотова, Г. В. Малащенко, Л. А. Этенко, Ю. К. Кириенко, В. И. Иванова, П. Г. Чернопицкого, Н. Г. Спиридонова, А. З. Дьякова, Д. З. Коренева, Б. П. Екати, Г. Г. Долунца, Р. Х. Гугова, В. Н. Сергеева, А. М. Сединой³⁰. Содержащийся в них огромный фактический материал позволяет определить позиции отдельных слоев казачества на различных этапах борьбы за власть Советов, дает возможность по-новому подойти к оценке некоторых важных особенностей гражданской войны в казачьих областях России.

Однако наряду с достижениями в изучении проблемы классовой борьбы в казачьих районах в 1917—1920 гг. имеются и серьезные недостатки. Если в 20-х годах некоторые историки изображали казачество как сплошную реакционную массу, то теперь подчас допускается другой крен — обеление казачества, преувеличение его революционной роли в борьбе за власть Советов. Эта тенденция прослеживается в монографии Д. С. Бабичева. Преувеличивая степень социального расслоения казачества и недооценивая значение сословного момента, который осложнял классовую борьбу на Дону, Бабичев утверждает, что в борьбе за победу Советской власти «трудовое казачество выступило революционной силой, тесно связанной с рабочим классом и его авангардом — большевистской партией»³¹.

13

В советской историографической литературе такая точка зрения подвергнута обоснованной критике³².

За последние годы стало больше издаваться мемуарной и биографической литературы о видных деятелях красного казачества, прославленных героях и полководцах гражданской войны³³. Основная цель

этих произведений — показать подлинную историю трудового казачества.

Можно сделать вывод, что советскими историками проделана значительная работа по изучению рассматриваемой проблемы, накоплен большой фактический материал. Однако, несмотря на успехи, в ее исследовании остается крупный пробел — нет пока обобщающей работы, раскрывающей сложные процессы классовой борьбы во всех казачьих областях России в период Октября и гражданской войны. Исследование данной темы позволит хотя бы в предварительном порядке подвести итоги проделанной работы и наметить новые вопросы.

Для изучения автор выделил следующие проблемы: ленинская характеристика социально-экономических и политических процессов, происходивших в казачьих областях и казачестве накануне и в период свершения социалистической революции; борьба Коммунистической партии, ее местных организаций за сплочение бедняцко-середняцких слоев казачества вокруг пролетариата; деятельность подпольных большевистских групп в станицах и в белогвардейских воинских частях; формирование губернскими и уездными комитетами РКП (б) казачьих частей Красной Армии; выяснение места и значения событий в казачьих регионах в общем ходе гражданской войны; укрепление союза рабочего класса с трудовым казачеством в условиях решающих побед и перехода к мирному советскому строительству; критика буржуазных концепций, интерпретирующих казачество как общественную группировку, монолитно выступавшую против Советской власти, мотивы которой были якобы отличны от мотивов всероссийской контрреволюции.

Методологической основой и важнейшим историческим источником при решении поставленных в книге проблем явились произведения В. И. Ленина, постановления съездов и конференций Коммунистической партии, пленумов ЦК, протоколы съездов и конференций

14

РКП (б), постановления всероссийских съездов Советов, определяющие политику Советского государства по отношению к казачеству.

К группе источников, освещающих деятельность партийных и советских органов, примыкают материалы из центральных и местных газет. Отчеты и заметки о партийных конференциях и заседаниях Советов, о большевистской агитации в войсках и тылу белоказаков, о ходе классовой борьбы в отделах и станицах помогают восстановить живую ткань событий, проследить осуществление политики партии в казачьих областях.

Значительные материалы о начальном периоде борьбы с казачьими атаманами, о формировании большевиками красноказачьих отрядов содержатся в документальных и мемуарных сборниках, посвященных гражданской войне на Дону, Северном Кавказе, Южном Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане, а также в публикациях общего характера о борьбе советского народа с интервентами и белогвардейцами.

При освещении работы подпольных большевистских организаций на территории казачьих областей, боевых действий революционных казачьих отрядов, а также ряда других вопросов большое значение имеют воспоминания большевиков, непосредственных участников революции и гражданской войны, которые во многом дополняют и восполняют документальные сведения.

О разложении белоказачьих войск, о росте революционного брожения в станицах, о нежелании революционной части казаков-фронтовиков, станичной бедноты воевать против Советской власти говорится даже в белогвардейских газетах и других источниках, исходящих от деятелей контрреволюции. Разумеется, материалы из враждебного лагеря нуждаются в пристальной критической проверке. При откровенной тенденциозности белогвардейских источников в них, однако, содержится определенный фактический материал, а также вынужденные признания, которые объективно позволяют глубже и всесторонне раскрыть ряд важных вопросов исследуемой темы.

Кроме выявленных и уже опубликованных документов в работе использованы материалы, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), характеризующие политику партии в казачьем вопросе

15

(фонды 17, 19, 70, 133); архивные фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) — Совета Народных Комиссаров (ф. 130), Казачьего отдела ВЦИК (ф. 1235), агитационно-инструкторских поездов ВЦИК «Октябрьская революция» (ф. 1252) и «Красный казак» (ф. 5009).

Документы, запечатлевшие ход военных действий против казачьих атаманов, процесс формирования красноказачьих отрядов, деятельность большевистского подполья, имеются в Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА).

Кроме того, в работе использованы материалы местных партийных и государственных архивов (Ростова-на-Дону, Краснодар, Орджоникидзе, Грозного, Оренбурга, Свердловска, Челябинска, Алма-Аты, Иркутска, Читы, Хабаровска).

Несмотря на недостатки и пробелы в отдельных группах источников, совокупное использование всех видов имеющихся материалов позволяет проследить историю острей классовой борьбы в казачьих районах России в годы гражданской войны, показать сложный и противоречивый процесс перехода трудовых казаков на сторону Советской власти, раскрыть руководящую роль партии большевиков в разгроме белогвардейцев и интервентов.

Глава I

УСИЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ОБЛАСТЯХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД СВЕРШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Социально-экономическое положение казачества накануне Октября

Казачество появилось в XV—XVI вв. в условиях обострения классовой борьбы в феодально-крепостнической России. Казаки были в основном выходцами из крепостных крестьян, бежавших наряду с холопами, стрельцами, посадскими людьми на окраины страны в поисках лучшей доли, где они с оружием в руках защищали не только свою свободу, но и границы государства от набегов внешних врагов.

Самодержавие старалось уничтожить автономию казачьих областей, подчинить казаков центральной власти. Класс феодалов в свою очередь был обеспокоен тем, что ряды казачества постоянно пополнялись притоком «голытьбы» из центра крепостной России.

Соблюдая интересы господствующего класса, царизм вел беспощадную борьбу с казачьими вольницами. Это неизбежно вызывало недовольство трудового казачества и крепостных, и они стихийно поднимались на борьбу со своими угнетателями. Не случайно именно казачьи районы Дона и Приуралья в XVII и XVIII вв. стали очагами зарождения, а трудовое казачество — застрельщиком и организующим ядром крестьянских войн под руководством Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева.

Царизм, применяя тактику кнута и пряника, сохраняя за казачеством ряд привилегий и льгот в экономической и социально-политической жизни, постепенно превратил это особое сословие в послушного выразителя своей внутренней и внешней политики.

С ростом рабочего, крестьянского и национального движения в стране повышается и роль казачества как военной силы и опоры царизма. Самодержавие демонстрирует свое расположение к казакам, подчеркивая «особый казачий дух, особенный патриотизм, стараясь

17

внушить им мысль, что они являются лучшими сынами России»¹.

И основная масса казачества довольно долго «верой и правдой» служила реакционным силам России. Возникает вопрос: каковы же истоки той силы, которая побуждала большинство казачества верно служить враждебным ему силам, классовым врагам?

Ответ на этот вопрос дает ленинский анализ социально-экономического положения казачества как социальной группы. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин отмечал, что казачество является «привилегированным

крестьянством»², которое находится в особых условиях, характеризующихся сословной и областной замкнутостью, типичной для чисто феодальных отношений. Отмечая обилие земли, находящейся в руках казачества, он подчеркивал, что это слой землевладельцев «самых зажиточных»: «казаки в среднем имеют по 52 дес. на двор, крестьяне — по 11 дес.»³, причем свыше 30 десятин на двор имеет «подавляющее большинство всего числа казаков» Европейской России. Усматривая в казачьем землевладении существующую «муниципализацию», которая порождала «сословную и областную замкнутость крестьян», В. И. Ленин относил казачьи области к самым патриархальным⁴. Этот реакционный характер «землевладения за службу» определил сохранение в казачьем обиходе многих средневековых черт вплоть до Октября 1917 г.⁵

Ленинская характеристика социально-экономического положения казачества показывает, что царизм, щедро наделяя казаков землей «за службу», создавая им ряд правовых привилегий, сумел превратить казачество в орудие полицейской силы, в оплот монархии. До 1917 г. в России было 11 казачьих войск, численность которых составляла около 4,5 млн. человек; в том числе: в Донском войске — 1 487 тыс., в Кубанском — 1 339 тыс., в Оренбургском — 553 тыс., в Забайкальском — 260 тыс., в Терском — 251 тыс., в Уральском — 235 тыс., в Сибирском — 164 тыс., в Семиреченском — 59 тыс., в Амурском — 50 тыс., в Уссурийском — 44 тыс., в Астраханском — 37 тыс.⁶ Состоявшийся летом 1917 г. съезд енисейских казаков (красноярские и иркутские) принял решение организовать Енисейское казачье войско. Но дальше принятия этого решения съезд не пошел. Енисейское казачье войско так и не было создано⁷.

18

Важнейшая особенность аграрных отношений в казачьих областях накануне Октября заключалась в том, что сельское население делилось на сословия, земельные наделы которых существенно различались по своим размерам. Это сыграло немаловажную роль в расстановке классовых сил в казачьих регионах в годы гражданской войны. В среднем земельные наделы казачьих хозяйств были больше крестьянских, в чем и состояла основная привилегия казачьего сословия.

В казачьих областях европейской части России накануне Октября была значительная диспропорция в земельном обеспечении казаков и крестьян, особенно иногородних. Так, терскому казачеству, составлявшему 19,5% населения области, принадлежало около 30% всех земель, а если взять земли, наиболее удобные для обработки, то более 50% их принадлежало казакам⁸. Донское казачество, составлявшее 42,3 % населения Донской области, владело 80,2 % всей земли, а крестьянство — 10 %⁹. На Кубани 42,8% казачьего населения принадлежало 78,8 % земли, а крестьянам — 2,8 %¹⁰. Оренбургское казачество, составляя около трети всего населения губернии, владело 70 % пахотных земель. В азиатской части страны разрыв

в казачьем и крестьянском землевладении был меньше заметен, элементы сословного антагонизма ощущались слабее. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Уральскому, Семиреченскому, Сибирскому, Иркутскому, Забайкальскому, Амурскому войскам показывают: 3,2 % казачьих хозяйств были безземельными, 28,8 % — беспосевными; у крестьян этих областей безземельных насчитывалось 6,5%, беспосевных — 12,8 % ¹¹.

По роду владения и пользования казачьи земли делились на три категории: станичные (их называли еще юртовыми), находившиеся в пользовании станиц и поселков, откуда казаки получали свои пай (наделы) в качестве материального обеспечения своей военной службы; земли войскового запаса, откуда нарезались новые казачьи пай, шло дополнение станичных наделов до узаконенной нормы, служили источником доходов для войсковой казны путем сдачи их в аренду и т. д.; офицерские и чиновничьи земли, находившиеся в потомственном владении атаманско-кулацкой верхушки.

Положение «О поземельном устройстве казачьих войск» от 21 апреля 1869 г. устанавливало уравнильное
19

землепользование среди казаков. Учитывая самостоятельное снаряжение казака на военную службу, Положение определяло размер казачьего пая на одну мужскую душу не менее 30 дес. Анализируя аграрные отношения казачества накануне Октября, необходимо различать два совершенно разных вопроса: землевладение и землепользование. Если казенная войсковая статистика наделяла казака немалым количеством земли, то действительное землепользование его со временем становилось все менее соответствующим офицерской войсковой статистике.

Отмеченное явление объяснялось рядом существенных особенностей, вытекавших из практики казачьей общины. Одна из них состояла в том, что у казаков надельная (юртовая) земля распределялась между станицами. Из этих земель выделялся пай каждому казаку, когда он достигал 17-летнего возраста. Но станичные юрты не целиком делились на пай, так как они предназначались для удовлетворения не только индивидуальных, но и общинных нужд казаков (сенокосы, общие пастбища и т.д.). Дополнительная прирезка земли станичным юртам практиковалась в чрезвычайно редких случаях. Поэтому средний размер казачьего земельного пая всегда находился в прямой зависимости от размеров юрта и численности казаков в станичном обществе. Но так как совершался непрерывный естественный прирост численности казаков, земельный пай постоянно уменьшался во всех станицах. С 30 дес., определенных законом, к 1917 г. пай казака фактически сократился в среднем в Оренбуржье до 20, на Тереке — до 18,8, на Кубани — до 12,5, на Дону — до 12 дес. Если же исходить только из удобной земли, на которой и строилось хозяйство, то в среднем рядовое

казацье хозяйство заседало на Тереке 15,3, на Дону—10, в Оренбуржье — 8,5, на Кубани — 7,7 дес.¹² В районах Сибирского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского казачьих войск, где имелся громадный фонд свободных земель, наделы казаков с течением времени почти не уменьшились. Из 25 млн. дес. земли, находившихся в распоряжении Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачества, до 1914 г. была освоена $\frac{1}{10}$, а остальные $\frac{9}{10}$ представляли собой «почти что пустынный район»¹³.

Рост капитализма в России втягивал и казачьи области в товарное обращение, вел к разрушению казачьего

20

общинного землевладения, которое с каждым годом все более погружалось в пучину неразрешимого для него кризиса. Это усиливало процесс классовой дифференциации, порождало и обостряло классовую борьбу среди казаков. Отдавая себе отчет в том, что ухудшение условий землепользования казачества вызовет нежелательные настроения в его среде, царское правительство держит курс на то, чтобы создать прочную опору для трона в лице зажиточного меньшинства — казачьих верхов. С этой целью офицерам, военно-чиновничьей верхушке правительство выделило крупные земельные участки вначале в пожизненное, а с 1875 г. — в потомственное пользование. Размер потомственного пользования определялся генералам от 1200 до 3000 дес., штаб-офицерам и чиновникам — от 450 до 800, обер-офицерам — от 150 до 430 дес.¹⁴

Как результат поощрительной политики самодержавия к 1917 г. в Оренбургском казачьем войске у 958 генералов, офицеров и чиновников сконцентрировалось 367 198,5 дес., что составляло в среднем по 381 дес. в расчете на душу мужского пола. В первом округе был 331 офицерский участок общей площадью 17 901,42 дес., или в среднем по 540 дес. на душу мужского пола. При этом 28 хозяйств владели участками свыше 1000 дес. каждое, а некоторые — свыше 3000 дес.¹⁵

Более точное представление о классовой дифференциации оренбургского казачества мы получаем, зная площадь посева на одно хозяйство. В среднем рядовое казачье хозяйство заседало 8,5 дес., офицерское — 44 дес. В некоторых местах посевные площади в офицерских хозяйствах были значительно выше. Так, в Сакмарской станице Оренбургского уезда весной 1918 г. на 5 тыс. рядовых приходилось 59 369 дес. пахоты, а 14 офицеров имели 1934 дес., т. е. на хозяйство рядового казака приходилось в среднем 12 дес. пахотной земли, а на офицерское — 138 дес.¹⁶

В руках 143 семей донской казачьей верхушки находилось более 750 тыс. дес. земли. Так, полковнику Орлову-Денисову принадлежало 29 тыс. дес. земли; генерал-майорам Митрофанову, Кутейникову, Кульгачеву и полковнику Чернозубову — почти по 15 тыс. дес. каждому. В то же время

на долю бедняцкого казачьего хозяйства в среднем приходилось 4—5 дес.¹⁷ В одной из крупнейших станиц Терека — Гребенской Кизлярского отдела 21

четыре семьи казацкой старшины этой станицы засевали 40 % посевной площади юртовой земли¹⁸. На Кубани офицерские и жалованные участки составляли 1 млн. дес., а «так как они нарезаны были из лучших угодий и в самых лучших местах, то по своей ценности они составляли не менее 40 % тех земель, которые принадлежали казачеству». В Баталпашинском отделе Кубанского войска зажиточная группа, составлявшая 7 в всех казачьих хозяйствах, сосредоточила в своих руках 44 % всего посева, а 41,8% бедняцких хозяйств имели лишь 19,35 %¹⁹.

Роль надельной земли в хозяйстве рядовых казаков все больше уменьшалась, так как офицерские хозяйства получали наиболее удобные и плодородные земли. Станичные юрты, как правило, имели неудобные очертания, вклинивались друг в друга, полосами тянулись от станицы к станице, страдали длинноземельем, достигавшим 30—50 верст. Характерна в этом отношении корреспонденция в газете «Оренбургский край» (1906, № 67). Казаки писали, что их земельные паи начинаются у станицы Павловской, а кончаются у Илецкой Защиты, т. е. за 50 верст, а вокруг Павловской находятся в основном офицерские участки. В результате рядовые казаки вынуждены арендовать землю или у офицеров, или в соседних казачьих станицах. Условия аренды оказывались наиболее невыгодными для казачьих низов. Так, в Оренбуржье мелкие удобные участки сдавались в аренду по 18 руб. за десятину, аренда крупных участков, производимая кулаками, стоила от 58 коп. до 5 руб. за десятину²⁰. При этом вокруг сдачи земли в аренду процветали взяточничество и спекуляция.

Периодический уравнильный передел земли приводил к чересполосице, оскудению казачьих земель. К тому же они разбазаривались казачьими верхами. Пресловутая казачья община не могла уберечь казачество от расслоения. Интересен наказ оренбургских казаков станицы Рассыпной, в котором они писали, что «душевой надел доведен до минимума и земли не хватает для прокормления семьи»²¹.

Казачья беднота обычно сдавала в аренду свои участки по низкой цене. Нередко паевые наделы казаков по решению станичных правлений сдавались в аренду за долги, за неисправное выполнение ими повинностей. Все это разрушало казачье землевладение, вело к разорению и обезземеливанию казачьей бедноты. Доверенные жителей 22

Грязнушенского поселка станицы Кизильской войска Оренбургского просили в 1907 г. войсковое правление не утверждать в аренду их наделов, «так как общество терпит крайнюю нужду и недостаток в земле»²².

Факты свидетельствуют, что хотя в землепользовании казачества

накануне социалистической революции преобладала еще феодальная собственность на землю, однако уже и здесь наблюдался переход к созданию буржуазной собственности. Доля частного землевладения, приобретаемого за деньги меньшинством, значительно возрастала. Земля все больше втягивалась в торговый оборот. Внутри общины созрели капиталистические отношения. Происходило обогащение меньшинства за счет разоряющейся массы²³.

Разложение казачьей земельной общины в условиях капиталистического хозяйствования нарастало с каждым годом. В казачьих станицах, с одной стороны, вырастала и все более укреплялась кулацкая зажиточная верхушка, а с другой стороны, увеличивалось количество маломощных хозяйств и бедноты. Казачество перестало быть единым целым. Оно, как и иногородние, как и крестьяне в центре России, делилось на бедняков, середняков и кулаков. В. И. Ленин, характеризуя процесс классовой дифференциации казачества, в статье «Русская революция и гражданская война» писал: «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев...»²⁴ В то же время дифференциация казачества отличалась по своему качеству от крестьянской. Так, в России среди крестьян 64% составляла беднота, 20% — середняки и 15 % — кулаки; среди казачьих хозяйств Дона и Кубани бедняцких хозяйств было 25—30 %, кулацких — 15—20, а основную массу составляли средние хозяйства — около 60%. Такое же соотношение классовых групп было и в Терском казачьем войске²⁵.

Следует отметить, что данные о классовой дифференциации казачества европейской части страны, приводимые исследователями, в какой-то мере не совпадают, особенно при определении бедняцких и середняцких групп. Так, Н. Л. Янчевский основной массой казачества Дона и Северного Кавказа считает середняка²⁶; о том же говорит И. П. Борисенко, который приводит следующие цифры: бедняки—13—25%, середняки — 60—65, кулаки — 10—15%²⁷. Из этих подсчетов исходят также

23

Н. Т. Лихницкий, С. Бойков²⁸. П. В. Семернин и В. П. Зайцев в свою очередь приводят следующие данные: середняки — 45—62 %, бедняки — 30—33, кулаки — 21—23%²⁹. Л. И. Футорянский, проанализировав большой статистический материал, пришел к выводу, что в 1912 г. из 528,6 тыс. казачьих хозяйств (всех войск, за исключением Оренбургского и Амурского) 210 тыс. (39,8%) были бедняцкими, 184,6 тыс. (34,9%) — середняцкими и 133,5 тыс. хозяйств (25,3%) — кулацкими³⁰.

Не вдаваясь в оценку источников, на основании которых исследователи приводят названные цифры, характеризующие степень классовой дифференциации казачества, отметим, что во всех случаях наиболее значительную группу составляют казаки-середняки. В свое время было высказано верное наблюдение: «Большинство казачества — середняки.

Нельзя привлечь казаков без того, чтобы не привлечь к себе всех середняков, и, наоборот, привлекая середняка, мы привлекаем казака»³¹. Именно этот вывод в данном случае и представляет наибольший интерес.

В районах Донского, Кубанского и Терского казачества середняк являлся центральной фигурой и среди коренных крестьян (53,8%), беднота составляла 29,9%, кулаки — 16,3%. У иногородних крестьян преобладала беднота — 56,4%, середняцких хозяйств насчитывалось 31,8 %, кулацких — 11,8 %³².

Основным контингентом среди казаков и крестьян — старожилы азиатской части страны, как показывают подсчеты ряда исследователей, также являлся середняк³³.

В. И. Ленин, характеризуя крестьянство юга Европейской России, говорил, что «это богатое крестьянство; там середняки похожи на кулаков»³⁴. Ленинское определение относительно донского и северокавказского середняка в определенной мере можно отнести и к середняку других казачьих регионов страны. Будучи зажиточнее середняка Центральной России, этот слой казачества с большим опасением относился ко всяким перспективам революционных преобразований, особенно в землевладении. Однако, являясь тружеником, середняк объективно тяготел к союзу с пролетариатом, хотя собственническое начало его двойственной натуры было весьма сильно развито. А. И. Козлов подчеркивает, что «для осознания своих подлинных классовых интересов

24

такому середняку требовалось и времени несравненно больше. Чтобы обрести собственный опыт, он должен был пройти более длинную и более трудную дорогу, преодолеть куда большее число собственных ошибок и заблуждений, чем более бедный середняк Центральной России»³⁵. Эти особенности крестьянско-казацкого середняка казачьих областей необходимо учитывать при объяснении причин его колебаний в годы гражданской войны.

В отличие от страны в целом в казачьих областях с высоким удельным весом зажиточного середняка и буржуазно-кулацкой верхушки, относительно немногочисленной бедняцкой прослойкой пролетарские и полупролетарские массы в численном отношении не располагали перевесом сил. Оторванность этих районов от промышленных центров России создавала дополнительные трудности в борьбе за победу сил социалистической революции. Поэтому исход классовой борьбы в казачьих областях между пролетариатом и буржуазией больше чем где-либо зависел от колебаний и поведения средних слоев населения, главным образом среднего крестьянства и казачества.

Несмотря на несомненное расслоение внутри казачьей общины, большинство казаков в предреволюционные годы было обеспечено землей лучше крестьян. Вот почему В. И. Ленин, предвидя последствия

революционной ломки землевладения и осуществления национализации земли, подчеркивал, что казаки, как мелкие землевладельцы, находясь в привилегированном положении, «не могли бы не противиться крестьянской революции, не могли бы не защищать привилегии частной собственности на землю»³⁶.

Казачество на пути к социалистической революции

Первая мировая война резко ухудшила положение трудовых масс казачества, ускорила его классовую дифференциацию. Только по Донскому войску к августу 1915 г. было мобилизовано 125 тыс. казаков, по Кубанскому — более 97 тыс.³⁷ Масштабы мобилизации казачьего населения были намного выше, чем гражданского населения. Таких масштабов мобилизации казачество еще не испытывало. Война потребовала непосильных затрат не только

25

бедняцких, но и середняцких хозяйств по снаряжению на службу. Подавляющее число их осталось без мужской рабочей силы. Массовая мобилизация казаков на войну, сокращение посевных площадей и падение урожайности, резкое повышение цен на сельскохозяйственный инвентарь и товары первой необходимости — все это приводило к разорению хозяйств трудового казачества.

Недовольство продолжавшейся войной, неисчислимые ее беды — человеческие жертвы, разруха в стране, голодный паек, бессмысленная жестокость — выветривали «ура-патриотизм» казачества и шовинистические настроения первых дней войны. Империалистическая война явилась для казаков-фронтовиков той встряской вне родной станицы, которая ускорила их классовое прозрение. Фронтное казачество, состоявшее в основном из казаков младших и средних возрастов, оказавшись изолированным на длительный срок от традиционного казачьего быта, начинало выходить из-под влияния старшего поколения — наиболее консервативного защитника казачьих сословных традиций и верных слуг самодержавия.

На фронте казаки несли большие потери за чуждые им интересы. В тылу их по-прежнему использовали как военно-полицейскую силу для подавления выступлений рабочих и крестьян. В годы войны они полной мерой извели все тяготы и лишения, связанные с нею. Свой политический опыт они обретали дорогой ценой. Контакты на фронте с рабочими и крестьянами, одетыми в солдатские шинели, большевистская антивоенная агитация помогали фронтовому казачеству глубже осознавать происходящие события. Сквозь пелену сословных предрассудков в их сознании под влиянием нараставших в стране революционных битв пробиваются ростки классового понимания единства интересов с рабочими

и крестьянами. Под влиянием борьбы рабочего класса и большевистской агитации передовая часть армейского рядового казачества совместно с солдатами начинала проявлять открытое неповиновение непосредственному начальству на фронте и в тылу.

В октябре 1916 г. на Гомельском распределительном пункте общее недовольство войной вылилось в восстание, в котором участвовало 4 тыс. солдат и казаков³⁸. В казачьих фронтовых частях начинают появляться

26 случаи отказа от выполнения палаческих функций. Так, в конце 1916 г. казаки 2-й Туркестанской казачьей дивизии отказались усмирять одну из пехотных дивизий, «оказавшую неповиновение». В начале 1917 г. 4-я Донская казачья дивизия приняла участие в братании с немецкими солдатами. А незадолго до Февральской революции казаки 4-го и 1-го Донских казачьих полков, специально вызванные с фронта в Петроград для наведения «порядка», отказались разгонять демонстрации рабочих³⁹. Эти факты свидетельствовали о том, что передовая часть армейского казачества накануне Февральской революции поддерживала требования общедемократических преобразований и революционного выхода из войны. Но в массе своей вплоть до Февральской революции трудовые казаки «слепы по установившейся веками традиции за привилегированными слоями»⁴⁰.

Революционное настроение казаков-фронтовиков передавалось и в станицы. Но там процесс пробуждения политического сознания протекал более медленно. Сословные рамки и традиции казачества, консервативность казаков-станичников старших возрастов, свободных в основном от тягот воинской службы, являлись преградой на пути проникновения революционных идей в станицы и хутора.

В тяжелые годы войны ленинская партия, борясь за привлечение армии на сторону революции, проводила агитационно-пропагандистскую работу в казачьих частях на фронте и в тылу, привлекая к этой работе и самих казаков. Правдивое слово большевистских агитаторов способствовало прояснению классового сознания казачьих масс⁴¹. Так, политическая работа большевиков на фронте вылилась впоследствии в декларацию Сибирской казачьей дивизии, требовавшую «расказачивания» и одинакового со всем трудовым крестьянством решения казачьего земельного вопроса. Процесс разложения этой дивизии зафиксирован в многочисленных приказах⁴².

На фронте в 8-м Уральском казачьем полку большевистскую агитацию проводил член РСДРП с 1905 г. И. С. Ружейников; в 1-м Астраханском полку агитационную работу возглавил член партии с 1905 г. М. А. Аристов; в Оренбургском запасном казачьем полку идеи большевиков проводил И. Ф. Киселев; в 1-й и 2-й Забайкальских казачьих дивизиях — большевики Г. П. Богомягков и П. Н. Атавин⁴³.

Самоотверженная работа партии большевиков в армии пробуждала политическое сознание казачества. Первыми частями, втянутыми в революционные события, оказались казаки Петроградского гарнизона. Решительная борьба пролетариата Петрограда, большевистские лозунги, призывавшие рабочих и солдат к братанию с казаками, ускорили переход рядового казачества столичного гарнизона на сторону революционных сил в дни Февраля⁴⁴. События показали отрицательное отношение трудового казачества к монархии. В «Известиях ВЦИК» отмечалось: «...в 1917 г. казаки помогли свергнуть самодержавие»⁴⁵. Это обусловило мирный этап в развитии буржуазно-демократической революции в казачьих областях страны.

После свержения самодержавия в стране установилось двоевластие: диктатура буржуазии, осуществляемая Временным правительством, и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в лице Советов. Реальной властью являлись Советы, которых поддерживали народ и армия, а официальной — Временное правительство. «Тогда, — писал В. И. Ленин, — власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное правительство и Советы»⁴⁶. В этом было заложено глубокое противоречие революции, которое должно было привести к новым политическим кризисам, к острой борьбе пролетариата с буржуазией за власть.

Как и в Петрограде, ведущей силой в привлечении казаков в Советы на местах выступал рабочий класс. В ряде губернских городов казачьих областей Советы возникли сразу как органы рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Это способствовало росту пролетарского влияния на трудовые массы казачества. По такому пути в начале марта 1917 г. пошло создание Советов в Красноярске, Екатеринодаре, к концу марта — в Новочеркасске, Грозном, Новороссийске⁴⁷. В ряде городов казачьих областей возникали Советы солдатских и казачьих депутатов, которые потом сливались с Советами рабочих депутатов. Таким путем шло создание Советов в Уральске, Благовещенске, Пятигорске⁴⁸.

В некоторых губернских центрах казачьих областей сразу создавались Советы казачьих депутатов, которые затем объединялись с Советами рабочих и солдатских депутатов. Так, в Омске под руководством большевиков

бедное казачество образовало свой Совет⁴⁹. В начале июля 1917 г. возник Оренбургский Совет казачьих депутатов, который тогда же слился с Советом рабочих и солдатских депутатов⁵⁰.

Создание Советов в станицах и особенно в казачьих поселках и хуторах было явлением редким и проходило весьма медленно. Так, на Дону они были созданы в Усть-Медведицком округе, в слободе Михайловке, в

станциях Урюпинской, Каменской, на Парамоновских рудниках, в ряде станций Сибирского казачьего войска. В первых числах марта 1917 г. Советы возникли в Апшеронской, Усть-Лабинской и в ряде других кубанских станций⁵¹. Однако даже в тех отделах и округах, станциях и хуторах, где Советы были созданы, они не обладали реальной властью. Все дела по-прежнему продолжали вершить военно-сословные организации казачества с теми же самыми атаманами и чиновниками.

Казачи, входившие в Советы, в большинстве своем находились под политическим влиянием меньшевиков и эсеров. В первоначальный период это объяснялось не только теми общими причинами, которые были характерны в целом для всей страны того времени, но и некоторыми специфическими особенностями — наличием сословной и областной замкнутости, а также меньшим процентом среди казачества бедняков в сравнении с крестьянством.

Своеобразие политического положения в казачьих областях в период двоевластия заключалось в том, что диктатура буржуазии осуществлялась здесь не только комиссарами Временного правительства и гражданскими комитетами, но и военно-сословными организациями казачества. Таким образом, в казачьих районах страны, как и по всей стране, образовалось двоевластие, хотя здесь оно не получило такого полного развития, как в центре России. Вместе с тем наличие двоевластия как в стране, так и в губернских центрах казачьих областей, а также, за редким исключением, в некоторых станциях и хуторах оказывало революционизирующее воздействие на трудовых казаков, развивало среди них общедемократическое движение.

После Февральской революции двоевластие складывается и в армии. С одной стороны, почти во всех без исключения казачьих частях были созданы комитеты, подобные Советам не только по форме, но и по

содержанию. С другой стороны, действовала верхушка командного состава армии — казачий генералитет и офицеры, защищавшие классовые интересы Временного правительства.

В казачьих комитетах в тот период, так же как и в Советах, преобладало влияние меньшевиков и эсеров. Однако некоторые казачьи комитеты возглавляли члены РСДРП (б) или казаки, сочувствовавшие большевикам. Так, руководство дивизионным казачьим комитетом 1-й Оренбургской дивизии, воевавшей на румынском фронте, с самого начала находилось под влиянием большевиков. Такое положение объяснялось тем, что дивизия была сформирована из троицких и верхнеуральских казаков, станции которых находились поблизости от южноуральских горных заводов и поддерживали с ними связь. В результате революционно-демократические тенденции настолько прочно вошли в сознание состава этой дивизии, что не только рядовые, но и некоторые офицеры прониклись доверием к

действующим в частях большевикам. Во 2-м запасном казачьем полку Оренбургского казачьего войска на полковом митинге, обсуждавшем Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в полковой комитет были избраны в основном трудовые казаки. Комитет возглавил Н. Д. Каширин⁵².

В пяти из восемнадцати казачьих полков Оренбургского войска комитеты находились под большевистским влиянием, что составляло 27,7 % всего количества полковых комитетов⁵³. Председателем комитета 5-й Донской дивизии был избран И. А. Дорошев, член РСДРП (б) с июня 1917 г. Большое влияние на идейное воспитание казаков оказал уральский казак И. С. Ружейников, член РСДРП (б) с 1905 г., избранный в солдатский исполнительный комитет Юго-Западного фронта⁵⁴. Комитеты, во главе которых стояли большевики, осуществляли фактическое руководство в воинских частях⁵⁵. Но поскольку руководство большинством казачьих комитетов в тот период принадлежало эсерам и меньшевикам, они, как правило, поддерживали Временное правительство и были заражены «революционным оборончеством».

Таким образом, двоевластие, сложившееся в армии, было характерно и для казачьих частей как на фронте, так и в тылу. Однако в казачьих частях были сильнее позиции казачьих верхов и офицерства, и это мешало

30

росту политической сознательности трудового казачества, затрудняло упрочение его союза с пролетариатом и крестьянством.

В новых, легальных условиях партия большевиков спланировала трудящиеся массы на борьбу против реставрации монархии, за закрепление завоеваний революции, за ее дальнейшее развитие. «Наша партия, — писал В. И. Ленин, — оказалась с массами, с революционным пролетариатом...»⁵⁶

В новой исторической обстановке роль пролетарской партии резко возросла. Перед ней возникли сложные задачи: выработать стратегию и тактику борьбы за массы, за дальнейшее развитие революции, за создание ее политической армии. Судьба революции, исход борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом в большой степени зависели от того, на чьей стороне окажется многомиллионная масса мелкой буржуазии. В. И. Ленин указывал, что одним из союзников пролетариата на втором этапе революции является «широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения в России». И эту массу, подчеркивал он, надо «стараться просветить и организовать прежде всего и больше всего»⁵⁷.

Борьба партии большевиков за трудовое казачество в период подготовки социалистической революции была частью данной задачи. Противостоящие силы также сознавали, что от позиции казачества в немалой степени зависел исход развернувшегося в стране классового

противоборства.

Через свою газету «Правда» большевики старались воздействовать на трудовые массы казачества, привлечь их на сторону революции. «Правда» часто освещала работу местных Советов казачьих и солдатских депутатов, доступно разъясняла сущность большевистского понимания задач революции в свете ленинских Апрельских тезисов. Благодаря «Правде» Апрельские тезисы были не только обсуждены, но и одобрены рядом казачьих комитетов⁵⁸. Большое воздействие на политическое самосознание казачества оказывали большевистские газеты «Социал-демократ», «Солдатская правда», «Кавказский рабочий», «Прикубанская правда», «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов». Эти и ряд других центральных и местных большевистских газет

31

помещали письма фронтового казачества, станичной бедноты, публиковали разнообразные материалы о жизни казачьих областей, станиц, о политике Временного правительства по отношению к казачеству и т. д.

Основной формой устной агитационной работы среди воинских казачьих частей и населения станиц являлись митинги и собрания, проводимые по инициативе местных большевистских организаций. Так, состоявшееся в Омске 6 мая 1917 г. общее собрание депутатов Омского казачьего гарнизона по инициативе большевиков приняло решение, требующее упразднения казачества и слияния его со всеми трудящимися «для создания единой мощной силы»⁵⁹. Стержнем большевистской агитации в казачьих частях, как и вообще среди солдатской массы, были вопросы текущего момента: о войне и мире, о земле, о власти, нерешенных задачах Февральской революции, и в первую очередь разъяснение путей окончания войны, не изменившей своего империалистического характера. В мае 1917 г. под влиянием большевистской агитации в 1-й Оренбургской дивизии началось движение, направленное против реакционного офицерства и складывающихся контрреволюционных организаций, а также против наступления на фронте. И. Д. Каширин в своих воспоминаниях писал: «Известие о свержении царизма в рядовых массах казачества на фронте было встречено восторженно. От нового правительства казаки ждали мира, но вскоре им пришлось разочароваться в своих надеждах, так как Временное правительство выступило за продолжение войны до победного конца»⁶⁰. Среди казаков поднимался протест. Они все более проникались доверием к призывам большевиков.

15 мая 1917 г. на собрании подразделений 6-го Оренбургского казачьего полка, размещавшегося в Фергане, принимается решение об изгнании контрреволюционно настроенных командира полка и нескольких офицеров, избирается новое командование⁶¹. К этому решению присоединились и сотни полка, стоявшие в Семиречье⁶². В первой половине мая 1917 г. в двенадцати казачьих полках, прибывших на Дон для

переформирования, была смещена значительная часть реакционного командования⁶³. Удаление реакционных офицеров, переход к выборности командного состава свидетельствовали о революционизации казачьих частей, как и всей армии, ускоряли процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

32

Однако развитие революции на данном этапе тормозило специфическое препятствие — «революционное оборончество», которым в первую очередь были заражены казаки как представители военного сословия.

Под влиянием борьбы рабочего класса и большевистской агитации в казачьих частях постепенно выветривалось оборонческое настроение. Уже в период двоевластия протест против войны охватил 18,3 % всех казачьих полков и вылился в братание. Само по себе братание было стихийной формой борьбы за прекращение войны. Задача большевиков состояла в том, чтобы направить эту стихийную форму движения фронтового казачества в организованное русло, с ясными политическими целями. В «Правде», «Солдатской правде», «Окопной правде» и других большевистских газетах были опубликованы ленинские статьи «Значение братанья», «Фактическое перемирие», а также «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», которое от имени ЦК РСДРП (б), Петербургского комитета и редакции «Правды» было отпечатано в виде листовок в количестве 200 тыс. экземпляров и направлено на фронт⁶⁴. «Солдатская правда» постоянно пропагандировала организованное братание, призывала окопников смелее пользоваться этим могучим средством борьбы с войной. Армейские большевики, находившиеся в первых рядах братавшихся, вели за собой массы, пресекали провокации командных верхов.

Братание разрушало угар шовинизма, которым были заражены казаки, способствовало постепенному прояснению классового сознания трудовой массы казачества. Несмотря на угрозы со стороны командного состава, братание в 1-й Оренбургской казачьей дивизии начиная с апреля 1917 г. не прекращалось⁶⁵. 26 июня в секретной сводке штаба верховного главнокомандующего сообщалось, что наиболее решительное сопротивление наступлению на Западном фронте оказывают 1-й и 8-й Сибирские казачьи полки. Тогда же о нежелании идти в бой заявили казаки 2-го Уральского, 29-го Донского казачьих полков и ряда других воинских частей кубанского и забайкальского казачества⁶⁶.

Передовая часть армейского рядового казачества классовым чутьем угадывала в братании один из наиболее верных революционных путей к окончанию войны и все с большим упорством становилась на этот путь.

33

Однако в целом пробуждение и рост политического сознания трудовой массы казачества после победы Февральской революции шли значительно медленнее, чем этот же процесс среди солдат и крестьян. В условиях

двоевластия соотношение классовых сил открывало путь к развитию революции в мирных формах. «Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была суть дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции»⁶⁷. Поскольку главным препятствием на этом пути являлось бессознательно-доверчивое отношение масс к власти буржуазии, необходима была терпеливая разъяснительная работа партии в массах.

Временное правительство лихорадочно искало силы, с помощью которых можно было бы круто повернуть ход событий в свою пользу. Одной из таких сил по планам контрреволюции являлось казачество. Опираясь на его верхи, реакция стремилась превратить казачьи войска в ударный кулак для подавления революции и установления единовластия буржуазии. С этой целью в Петрограде 23 марта 1917 г. собрался первый «общеказачий» съезд. На него прибыли «представители» 11 казачьих войск страны, в подавляющем большинстве офицеры и чиновники. Казачьи верхи, используя свое численное большинство, захватили руководство съездом в свои руки и добились принятия угодных им решений. Было провозглашено создание «Союза казачьих войск», с помощью которого офицерско-кулацкие круги надеялись сплотить все казачество России в борьбе против революции. Представители трудового казачества на съезде вели упорную борьбу против реакционной элиты. 27 марта их делегаты покинули съезд и создали Центральный Совет казаков, который с самого начала своей деятельности установил тесные связи с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, с казачьими полками столичного гарнизона, с фронтом и казачьими областями⁶⁸. Таким образом, съезд этот, с одной стороны, способствовал консолидации сил реакционного казачества в масштабах всей страны, а с другой — показал, что попытка офицерско-кулацких кругов создать единый казачий фронт обречена на поражение. В дни работы съезда не только наметился, но и организационно оформился начавшийся раскол между низами и верхами казачества.

34

С целью создания единого казачьего фронта для борьбы с нараставшей революцией 7 июня 1917 г. в Петрограде созывается второй Всероссийский казачий учредительный съезд. На него прибыло около 600 делегатов, представлявших в основном верхи станичного и армейского казачества. Российская и иностранная контрреволюция не преминула поддержать инициативу казачьих верхов и приветствовать в их лице блюстителей «законности и государственности в стране». Фальсифицировав выборы делегатов на съезд, его организаторы добились того, что представители трудового казачества на нем оказались в меньшинстве. Председателем съезда был избран войсковой старшина А. И. Дутов. Такой состав съезда определил заранее характер его резолюций. Они безоговорочно одобрили и поддержали политику Временного правительства, игнорируя тем самым

Советы, призвали вести войну до «победного конца», сохранить и укрепить сословную обособленность казачества⁶⁹. «Казачество в настоящий исторический момент нужно, как никогда», — заявил в своей речи на съезде лидер октябристов Гучков. Он призвал казаков оказать помощь в борьбе с «внутренним врагом», демагогически заверяя, что в этом будет заключаться «великая не полицейская, а политическая роль» казачества. Керенский льстиво именовал казаков «защитниками от насилия и посягательства на свободу народа». Глава кадетов Милюков в своей длинной речи откровенно натравливал казаков на Советы и большевиков, призывая к разгрому революционного движения⁷⁰.

14 июня съезд посетили представители специальной миссии из США во главе с сенатором Руттом и итальянский посол Карлотти, которые выразили надежду, что «казаки окажут России неоценимые услуги» и помогут довести «войну до полной победы»⁷¹.

Представители трудового казачества, недовольные реакционными решениями большинства казачьей верхушки съезда, повели упорную борьбу. «Товарищи казаки, — говорил на съезде представитель уральского казачества Горшков, — мы, собравшиеся делегаты всех казачьих войск, в большинстве своем — те же рабочие или те же крестьяне. Поэтому я считаю, что у нас одна прямая дорога вместе с крестьянским и рабочим классом. Нам нужен тесный контакт с Советом рабочих и крестьянских депутатов»⁷².

35

Острая борьба на съездах между верхами и низами казачества говорила о стремлении трудовых казаков, особенно их беднейшей части, к демократическим преобразованиям всей казачьей жизни и быта. И хотя офицерско-кулацким кругам удалось на съездах отстоять свои классовые интересы почти по всем вопросам, но достигнуто это было в обстановке ожесточенной борьбы, что свидетельствовало о нараставших противоречиях в казачьей среде. Однако мелкобуржуазность и сословная ограниченность основной массы трудового казачества мешали правильно оценить создавшееся положение.

Июльские события прервали мирное развитие революции и означали, как указывал В. И. Ленин, временную победу контрреволюции. Фактическую власть в стране захватила буржуазия. Путь контрреволюции расчищали меньшевики и эсеры. Вот почему В. И. Ленин особое внимание уделял разоблачению связи мелкобуржуазных партий с кадетами. Блок с кадетами, писал В. И. Ленин, логически подвел их к июльскому финалу. Согласившись на вызов в столицу реакционных войск, меньшевики и эсеры фактически стали «участниками и пособниками контрреволюционного палачества». Отметив, что этим актом они отдали государственную власть в руки военной клики, В. И. Ленин указывал: «Теперь это — юнкера, реакционные казаки... Вот эти палачи, это — реальная власть»⁷³. Он

предостерегал, что именно верхушка казачьих войск — ярые враги революции.

Изменившиеся условия требовали от партии выработки новой тактики, которая позволила бы наиболее эффективно осуществить оставшуюся неизменной стратегическую установку на социалистическую революцию. В своих работах «Три кризиса», «Политическое положение», «К лозунгам», «Начало бонапартизма», «Уроки революции» и других В. И. Ленин дал научный анализ обстановки в стране, нового соотношения классовых сил, обосновал необходимость свержения Временного правительства путем вооруженного восстания. Этот новый курс был закреплен в решениях VI съезда РСДРП (б). Важнейшая задача партии, указывал съезд, состояла в том, чтобы всей своей идейной и организаторской работой в массах ускорять назревание общенационального кризиса, готовить массы к свержению власти буржуазии путем вооруженного восстания⁷⁴.

Задача агитационной работы большевиков в условиях

36

разгула военной клики заключалась в том, чтобы разъяснить рядовому казачеству, что реакция отводит ему позорную роль палача и душителя революционного народа. Большую работу по политическому просвещению казачьих масс проводил Центральный Совет казаков, преобразованный в партию трудового казачества. В связи с этим 12 июля 1917 г. ВЦИК принял решение создать казачью секцию. На первом заседании секции казаки избрали ее председателем А. Г. Нагаева. Всем комитетам казачьих воинских частей была разослана телеграмма с сообщением о создании при ВЦИК казачьей секции и с предложением прислать по одному представителю для постоянной работы. Приезд представителей армейских казачьих частей активизировал работу бюро секции⁷⁵. Все это способствовало организационному и идейному сплочению вокруг Советов трудового казачества.

В середине июля по инициативе большевиков партия трудового казачества обратилась к рядовым казакам с призывом отказаться от участия в карательных экспедициях. В результате казачьи части все чаще уклонялись от исполнения полицейских функций. В конце июля — первой половине августа неоднократно сообщалось о нежелании казаков исполнять карательные функции. Трудовые казаки Семиречья сорвали карательную экспедицию против солдат и крестьян Лепсинского выступления⁷⁶. В 8-м Сибирском казачьем полку подъесаул П. Токарев отказался вести сотню на разоружение одной из воинских частей, «оказавшей неповиновение»⁷⁷.

4 августа 1917 г. верхи донского казачества на закрытом заседании Малого войскового круга приняли решение о вступлении в блок с партией кадетов. Находившиеся в Петрограде 1, 4 и 14-й Донские казачьи полки, узнав об этом сговоре, заявили свой протест. 11 августа объединенное

заседание полковых и сотенных комитетов названных полков приняло решение: «Трудовое казачество не может входить в блок с буржуазными партиями, считая, что их программы для него совершенно неприемлемы»⁷⁸. Свой решительный протест по поводу соглашения с кадетами заявило правление казаков Юго-Западного фронта. Выступление против блока с кадетами, отказ от исполнения полицейских функций свидетельствовали о нежелании значительной части армейского казачества быть покорным орудием в руках контрреволюции.

S7

После расстрела июльской демонстрации в Петрограде буржуазия взяла курс на установление в стране открытой военной диктатуры. В этих реакционных планах важная роль отводилась казачьей контрреволюции. Империалистическая буржуазия стремилась превратить казачьи области в плацдарм, опираясь на который она рассчитывала окончательно разгромить революцию. Не случайно на втором Всероссийском казачьем съезде в резолюции о политическом устройстве страны говорилось: «Россия должна быть неделимой демократической республикой с широким местным самоуправлением»⁷⁹. Для казачьих верхов «широкое местное самоуправление» являлось тем средством, с помощью которого предоставлялась возможность захватить власть в казачьих областях в свои руки, оторвать казачьи войска от влияния пролетарских центров страны, еще больше замкнуть казачьи области, сделать их автономными и превратить в концентрированные пункты по собиранию всей русской контрреволюции.

Еще до июльских событий в Петрограде Кубанское войсковое правительство объявило о разрыве с иногородними и вышло из состава областного исполкома, созданного в апреле 1917 г. Вслед за этим в области было ликвидировано большинство Советов и гражданских комитетов. Вся власть на Кубани перешла в руки войскового правительства и казачьих атаманов. Большой войсковой круг на Дону также принял решение упразднить областной исполком Совета, передав власть войсковому правительству. 4 августа Войсковой круг терского казачества постановил: «Предоставить войсковому атаману чрезвычайные полномочия, необходимые для решительной борьбы с изменниками и предателями отечества... Ходатайствовать перед Временным правительством о введении смертной казни»⁸⁰.

Офицерско-кулацкие круги казачьих войск азиатской части страны в июльские дни развернули организованное наступление на позиции, завоеванные революционно-демократическими силами после победы Февральской революции. Казаков, ведущих агитацию за упразднение войскового сословия, лишали казачьего звания, отбирали у них земельные наделы и выселяли из станиц⁸¹. Для агитации за сохранение «доблестных казачьих войск» командование направило с фронта в станицы специальные

делегации, состоявшие преимущественно из офицеров

38

и старорежимных казаков-служак⁸². «Желтая» пресса развернула по этому поводу шумную кампанию. Станицы и поселки были наводнены листовками с воззваниями и призывами следовать за «своими старшими братьями» — Донским, Кубанским и другими войсками, высказавшимися за сохранение казачества и установление единовластия войсковых правительств. Запугивая рядовых станичников перспективой земельного уравнивания с крестьянством, кулацкая верхушка сумела сбить с толку и повести за собой значительную массу трудового казачества. Под ее влиянием станичные и поселковые сходы Уссурийского, Амурского, Забайкальского войск летом 1917 г. высказались за сохранение казачьего звания. Однако это решение станичники обуславливали тем, что сохранение казачества допускалось при сокращении сроков казачьей службы и отнесения всех расходов, связанных с нею, на счет государства. О каком-либо переделе войсковых земель с крестьянами казаки, судя по дошедшим до нас документам, и не помышляли⁸³. Так, Троицко-Савский съезд представителей 1-го отдела Забайкальского войска, состоявшийся в июне 1917 г., принял резолюцию, в которой говорилось: «Ни одна пядь казачьих земель не может быть отчуждаема... войско владеет, пользуется и распоряжается своими землями и недрами самостоятельно и независимо»⁸⁴. Третий съезд Амурского войска, проходивший в августе 1917 г., постановил сохранить казачье звание, войти в состав Союза казачьих войск, возратить войску земли в границах, установленных генералом Духовским еще в 1894 г., но отрезанных позднее в пользу казны для нужд переселенцев-крестьян⁸⁵. Подобные требования явились результатом поворота в июльские дни «мелкобуржуазных масс к союзу с контрреволюционной буржуазией...»⁸⁶. Поворот этот особенно проявился в среде казачества.

Реакция, стремясь оградить казачьи части от влияния революции, пытается свести их вместе, собрать в один ударный кулак для борьбы против «внутреннего врага». 17 июля 1917 г. командование 1-й Кубанской казачьей дивизии предложило объявить Каледина походным атаманом и создать единую армию из всех 11 казачьих войск. В августе из общевойскового подчинения было выделено 100 тыс. казаков, готовых, как заявил Совет Союза казачьих войск, «исполнить любой его приказ»⁸⁷.

39

Установление в казачьих областях единовластия войсковых правительств, стремление создать единую казачью армию, оформление блока Донского круга с кадетами — все это способствовало подготовке корниловщины. Важным звеном в ее подготовке стало Государственное совещание, созванное Временным правительством в Москве 12 августа 1917 г. Участию представителей казачества в этом сборище заговорщиков

русская и иностранная буржуазия придавала большое значение. Контрреволюция надеялась, что казачество снова выполнит ту же полицейскую роль, что и в 1905 г. Однако надежды буржуазии использовать против революции казачьи части не оправдались. Так, решение Ставки Верховного главнокомандования перебросить в Москву к началу открытия Государственного совещания 7-й Оренбургский казачий полк осуществить не удалось⁸⁸. Основные требования контрреволюции высказал на совещании атаман Области войска Донского Каледин⁸⁹. Есаул 7-го Оренбургского казачьего полка А. Г. Нагаев, возражая генералу, взявшему на себя миссию говорить от имени всего казачества, заявил: «Не стравливайте казачество с народом. Не воскрешайте дней позора казачества, когда было оно приспособлено самодержавием для его целей. Казачество не доверяет Совету Союза казачьих войск, от которого здесь говорил генерал Каледин. Рядовое казачество не пойдет за вами против народа»⁹⁰.

Боевым штабом по разгрому корниловского мятежа являлся ЦК РСДРП (б). На основе указаний В. И. Ленина Центральный Комитет партии составил специальное письмо о борьбе с корниловщиной. 31 августа и 3 сентября оно было отправлено почти в 500 местных партийных организаций⁹¹. Ход событий показал, что директивы ленинского ЦК дошли даже до большевистских организаций казачьих областей Сибири и Дальнего Востока.

В дни борьбы с корниловским заговором большевистская агитация получила невиданный размах. Со всей большевистской непримиримостью партийные агитаторы разоблачали меньшевиков и эсеров, разъясняли сущность и опасность авантюры Корнилова, мобилизовывали массы на ее разгром. Уже 28 августа на станцию Луга к казакам 1-й Донской казачьей дивизии были направлены члены местного Совета, солдаты, а также посланцы петроградского пролетариата и столичного гарнизона. Они раздавали казакам листовки Центрального и Петербургского комитетов,

40

большевистские газеты, разоблачали гнусную ложь корниловцев о якобы начавшемся в Петрограде прогерманском «большевистском восстании»⁹². Особенно сильное впечатление на казаков производила безграничная решимость рабочих и солдат защищать революцию. В результате казаки категорически отказались от похода на Петроград.

Корниловцы потерпели фиаско и в попытке использовать против революции Уссурийскую казачью дивизию, которая была остановлена в Нарве. 29 августа агитаторы-большевики во главе с В. Э. Кингисеппом провели ряд митингов в полках и сотнях. Казаки принимали решения об аресте прокорниловски настроенных офицеров. Так, полковой комитет Амурского полка постановил арестовать командира полка и 11 офицеров, «дабы пресечь их вредную деятельность в пользу Корнилова»⁹³. Собрания

полковых комитетов 1, 4 и 14-го Донских казачьих полков, находившихся в Петрограде, категорически осудив корниловский мятеж, также заявили о поддержке власти Советов.

Мощный революционный подъем трудящихся во главе с рабочим классом захватил в те дни все казачьи части под Петроградом. Один из руководителей мятежа, генерал Краснов, признавал: «Большая часть офицеров Приморского драгунского, 1-го Нерчинского, 1-го Уссурийского и 1-го Амурского казачьих полков была арестована драгунами и казаками. Офицеры 13-го и 15-го Донских казачьих полков были в состоянии полуарестованных. Почти везде в фактическое управление частями вместо начальников вступили комитеты»⁹⁴.

Сообщение о наступлении Корнилова на Петроград вызвало взрыв негодования по всей стране. В адрес ЦИК, Петроградского Совета и других руководящих центров, а также массовых организаций потоком шли телеграммы, письма, резолюции собраний и митингов, в которых выдвигалось решительное требование вооруженным путем подавить заговор, осуждалась коалиция меньшевиков и эсеров с кадетами⁹⁵.

Провал корниловского мятежа неотделим от подавления контрреволюционного очага на Дону, руководимого атаманом Калединым. Заговорщики планировали отсюда нанести удар по пролетарским центрам России. Осуществляя свои планы, Каледин выехал в северные

41

округа войска Донского с целью мобилизовать казаков на помощь Корнилову⁹⁶. На Дон по его приказу отзывались с фронта казачьи части, чтобы затем их двинуть на Москву и Петроград.

Только быстрые и организованные действия рабочих и большевистских организаций Донбасса, Харькова, Ростова-на-Дону, Царицына, Саратова, Самары, Воронежа и многих других городов позволили в короткий срок ликвидировать контрреволюционную опасность на юге страны. 1 сентября 1917 г. казаки Каменского гарнизона заявили протест по поводу корниловского мятежа и потребовали выяснить причастность к нему атамана Каледина. С такими же требованиями выступили казачьи гарнизоны на станциях Чир и Миллерово. Против заговора высказалось также население станиц Каменской, Нижне-Чирской, Урюпинской и ряда других, находившихся по соседству с пролетарскими центрами⁹⁷. Донское казачество, на которое так рассчитывала внутренняя и внешняя контрреволюция, отказалось поддержать заговор. «Каледин прямо «ездил поднимать Дон», — писал В. И. Ленин, — и все же Каледин массового движения никакого не поднял в «своем»... в оторванном от общерусской демократии казачьем крае!»⁹⁸

Борьба трудящихся против корниловщины принимала острый характер. 29 августа Оренбургский Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов принял резолюцию, осуждавшую контрреволюционное выступление

Корнилова. В тот же день большевики провели в городе многотысячный митинг рабочих, солдат и казаков местного гарнизона, на котором руководитель оренбургских большевиков А. А. Коростелев вскрыл цели корниловского заговора. Вместе с рабочими и солдатами казаки, присутствовавшие на митинге, осудили мятеж⁹⁹. Наряду с агитационной работой среди казачьих масс большевики Оренбуржья приняли ряд мер для предупреждения контрреволюционных выступлений в губернии. На предприятиях, в учреждениях были созданы комитеты военно-народной охраны и установлены усиленные караулы из рабочих, солдат и казаков воинских частей, сочувствующих большевикам. В начале сентября 1917 г. по инициативе большевиков Омска в городе состоялось собрание казаков местного гарнизона. В принятой резолюции говорилось: «Восставшему генералу Корнилову за захват власти в свои руки и тем изменникам, которые

42

шли с ним сознательно, выразить полное презрение и просить подвергнуть их всей строгости закона»¹⁰⁰.

Мощное и повсеместное выступление трудящихся, руководимых пролетариатом и его партией, против корниловщины парализовало силы казачьей контрреволюции во всероссийском масштабе. Этим в решающей степени и объясняется тот факт, что открытых вооруженных выступлений в поддержку корниловско-калединской авантюры в казачьих областях не произошло. Анализируя расстановку классовых сил во время корниловского мятежа, Б. И. Ленин оценивает также политическую позицию казачества. Корниловщина показала, писал он в статье «Русская революция и гражданская война», тот в высшей степени знаменательный факт, что «большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии и лишь офицерство с верхами зажиточного Казачества вполне корниловское», и уточнил: «...исторически доказанной является, после опыта 26—31 августа, крайняя слабость массового казаческого движения в пользу буржуазной контрреволюции»¹⁰¹.

В то же время в силу специфических особенностей военно-сословной организации казачества, сохранения в хозяйстве, жизни и быте казаков многочисленных средневековых черт социальная борьба внутри казачества носила более скрытый характер, чем классовая борьба в крестьянской среде. В силу этих причин полного классового раскола среди казачества накануне Октября еще не произошло. Именно поэтому В. И. Ленин, характеризуя политическую обстановку в стране в сентябре 1917 г., делал вывод, что в казачьих областях России «можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»¹⁰². Ленинская оценка казачества вскрывает сложное переплетение классовых и сословных моментов в казачьих областях страны накануне Великого Октября. Эта своеобразная особенность была характерна для всех этапов борьбы за

Советскую власть в этих регионах.

Победа над корниловщиной возродила к активной политической жизни Советы, освобождая их от засилья меньшевиков и эсеров. В сентябре 1917 г. началась массовая большевизация Советов, которая отражала новую расстановку классовых сил, стремительное нарастание в стране общенационального кризиса. Всеобщее нарастание в стране революционного движения, руководимого пролетариатом и его партией, оказывало свое воздействие и на казачью массу.

43

Партия большевиков все решительнее выступала против попыток контрреволюции привлечь на свою сторону казачество. Чрезвычайно важное значение в решении этой задачи имел завершившийся осенью 1917 г. раскол большевиков с меньшевиками. Создание самостоятельных большевистских организаций во всех центрах казачьих областей играло немаловажную роль в усилении влияния большевиков на казачьи массы. Создавались новые организации и группы большевиков в станицах. В 1917 г. ЦК РСДРП (б) осуществлял руководство и поддерживал постоянную связь с партийными организациями и группами более чем 20 станиц¹⁰³. Однако основная масса станичного казачества оставалась еще в стороне от революционных событий. Особенно медленно большевистские идеи проникали в станицы и хутора, удаленные от промышленных центров. Мелкобуржуазная природа трудового казачества и его сословная замкнутость мешали ему осознать свои подлинные классовые интересы.

Несравненно быстрее росло влияние большевиков на казачьи части фронта и тыловых гарнизонов крупных промышленных центров. Особенно большое внимание в канун Октября партия большевиков уделяла агитационной работе среди казачьих частей, дислоцировавшихся в обширном районе вокруг Петрограда. Большевики, выполняя прямые указания В. И. Ленина, повели усиленную агитацию среди армейских частей казачества. В конце сентября 1917 г. В. А. Антонов-Овсеенко в письме из Гельсингфорса в ЦК РСДРП (б) писал, что «казаков здесь через край много, но они ребята не плохие. Работа среди них ведется вовсю»¹⁰⁴. В. И. Ленин в письме И. Т. Смилге рекомендовал «для систематической пропаганды среди казаков, находящихся в Финляндии» организовать и послать к ним лучших агитаторов из матросов и солдат¹⁰⁵. 13 октября 1917 г. в письме «К рабочим, крестьянам и солдатам» он вновь обратил внимание большевиков на эту задачу: «Идите же все по казармам, идите в казачьи части, идите к трудящимся и разъясняйте народу правду...»¹⁰⁶.

О размахе большевистской агитации в 1, 4 и 14-м Донских казачьих полках, находившихся в столице, убедительно говорит приказ военного министра Временного правительства А. И. Верховского: «Казачьи части в Петрограде застоялись и попадают под большевистскую пропаганду,

44

поэтому прошу произвести смену этих полков другими». Не случайно Совет Союза казачьих войск вынужден был обратиться к верховному главнокомандующему с просьбой запретить в казачьих частях выступления большевиков¹⁰⁷.

Результативность агитации партии большевиков проявлялась прежде всего в растущих антивоенных, а затем и противоправительственных настроениях, в нежелании нести полицейскую службу. Только на Юго-Западном фронте отказались подавлять волнения 1-я Кубанская и 2-я сводная казачьи дивизии, 2-й Запорожский, 11-й Чугуевский и 12-й Донской казачьи полки¹⁰⁸. Состоявшийся в середине октября 1917 г. съезд казаков 3-й армии принял решение просить Временное правительство освободить их от карательной службы. Резолюция подобного содержания была принята и на конференции казаков Юго-Западного фронта¹⁰⁹.

Против использования казаков в карательных целях выступали и казачьи тыловые части. Газета «Оренбургский казачий вестник» неоднократно сообщала, что казаки предпочитают отправку на фронт «лишь бы не нести военно-полицейскую службу в тылу». Чрезвычайный войсковой круг оренбургского казачества на своем заседании 3 октября 1917 г. вынужден был принять симптоматичное решение: «Просить Временное правительство кзачьи строевые части от несения полицейской службы освободить совершенно», так как это унижает войсковое звание казака¹¹⁰. Принятие подобного решения фронтовыми и армейскими комитетами, а также рядом войсковых кругов свидетельствовало о растущем сознании казачьей массы.

В рядах трудового казачества росли требования общедемократических преобразований и революционного выхода из войны. Рядовые казаки все активнее включались в борьбу за переход власти в руки Советов. Так, делегаты 1-й Оренбургской казачьей дивизии на Войсковом круге, заседавшем в конце сентября 1917 г., заявили, что спасение Родины они видят в единении казаков с Советами и солдатскими комитетами¹¹¹. 3 октября 1917 г. по инициативе большевиков состоялось общее собрание казаков Омского гарнизона. Казаки приняли решение создать Совет строевых и нестроевых частей Сибирского казачьего войска, чтобы «отстоять свои права и защитить интересы трудового казачества»¹¹².

45

Росло политическое размежевание казачества. Наиболее четко оно определилось в среде фронтового казачества, а также в гарнизонах крупных пролетарских центров, где было сильно влияние партии большевиков. В станицах, особенно в удаленных от промышленных городов, высвобождение бедняцких и тем более середняцких слоев казачества из-под влияния офицерско-кулацких кругов было делом нелегким и проходило с большими трудностями.

В. И. Ленин в ряде статей, написанных в сентябре — октябре 1917 г.,

сделал вывод о необходимости взятия власти большевиками путем вооруженного восстания. В качестве одного из главных доводов в пользу восстания В. И. Ленин выдвигал подготовку Временным правительством «второй корниловщины». Безнаказанность активных корниловцев, в том числе и Каледина, писал он, «яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстанавливает корниловщину»¹¹³.

Внутренняя и международная контрреволюция, разрабатывая программу «второй корниловщины», как обычно, большие надежды возлагала на казачество. 21 октября 1917 г. на секретном совещании в Петрограде руководителей военных миссий США, Англии и Франции английский генерал Нокс, критикуя Временное правительство, заявил: «Я не заинтересован в правительстве Керенского: оно слишком слабо. Желательна военная диктатура, необходимы казаки»¹¹⁴. Мобилизуя «вторую корниловщину», послы США и Англии в России Фрэнсис и Бьюкенен установили тесные связи с контрреволюционной казачьей верхушкой. Они вынашивали проект создания ударного кулака контрреволюции в казачьих областях, и в первую очередь на юго-востоке Европейской России. 16 октября 1917 г. Бьюкенен в беседе с донской казачьей делегацией и представителем члена Совета Союза казачьих войск Калмыковым заявил: «Англия уверена, что в тяжелый момент, переживаемый Россией, казаки, всегда стоявшие на почве государственности и порядка, вместе с другими живыми силами страны помогут Родине безболезненно выйти из тяжелых условий жизни»¹¹⁵. Правительство США принимает секретное решение о предоставлении займа Каледину¹¹⁶.

Временное правительство, осуществляя свои планы по созданию военного плацдарма контрреволюции в казачьих областях страны, заявило о предоставлении им

46

автономии. Это сепаратистское решение преследовало цель изолировать казачество от пролетарских центров, двинуть его на подавление революции. В тесном контакте с ЦК партии кадетов атаман Каледин приступил к созданию так называемого Юго-Восточного союза казаков Донского, Терского, Кубанского, Астраханского, Оренбургского, Уральского войск и горцев Кавказа под лозунгом «оздоровления России с окраин». В соответствии с этой доктриной войсковые правительства с помощью Ставки стягивали на Дон, Кубань, Терек, Южный Урал казачьи части с фронта, создавали здесь большие запасы оружия и боеприпасов. Запасные пехотные полки, в первую очередь те, которые находились под влиянием большевиков, выводились с территории казачьих областей. Контрреволюция усиленно концентрировала казачьи части вокруг Петрограда, Москвы, Минска и ряда других пролетарских центров страны.

Осенью 1917 г. казачья контрреволюция перешла в наступление и в

станциях. Спекулируя на сословных предрассудках трудовых казаков, на их боязни потерять земельные и правовые привилегии, офицерско-кулацкие круги сумели тогда повести за собой основную массу середняцкого и некоторую часть беднейшего казачества. Так, если весной многие округа и станицы Амурского, Уссурийского, Забайкальского казачества голосовали за расказачивание, то осенью выступили с требованием не только сохранения казачьего сословия, но и объединения всех войск от Урала до Приморья в «великое Сибирское казачье войско». Беднота, выступавшая против сословной связи с казачьими верхами, за объединение с трудящимся крестьянством своей области, не встречала на станичных сходах широкой поддержки. На проходившем с 18 августа по 4 сентября втором войсковом съезде забайкальского казачества тон задавали офицерско-кулацкие круги. Направленная в адрес Временного правительства верноподданническая телеграмма гласила: «Мы, представители станиц и делегаты фронтовых частей, заявляем правительству спасения страны и свободы, что оно вполне может рассчитывать на всемерную нашу поддержку в его трудной и ответственной работе по воссозданию боевой мощи армии и возведению прочного правопорядка в стране»¹¹⁷. Съезд большинством голосов принял решение «по-прежнему сохранить свое историческое почетное звание казака»¹¹⁸, Станичные и запасные войсковые земли

47

признавались неотъемлемой и неприкосновенной собственностью забайкальской казачьей общины.

В свою очередь третий съезд Уссурийского войска (3—14 октября 1917 г.) высказался не только за сохранение казачьего сословия, но и за вступление в контрреволюционный «союз казачьих войск»¹¹⁹. Состоявшийся в сентябре 1917 г. в Омске второй съезд Сибирского казачьего войска также носил явно контрреволюционный характер. Вопреки решению первого съезда казаков была принята резолюция о сохранении казачьего сословия, об упразднении Советов на территории войска и восстановлении в станицах власти атаманов. В знак протеста против этих контрреволюционных решений представители казачьей бедноты покинули съезд¹²⁰.

Заседания Оренбургского войскового круга (открылся 20 сентября 1917 г.), его решения, как обычно, выражали интересы казачьих верхов. Съезд поддержал идею калединцев о создании Юго-Восточного союза казачьих войск. «Нам нужно устроить свою казачью федеративную республику,— говорил Дутов на круге,— мы, казаки, есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией»¹²¹. Эти сепаратистские устремления, направленные на изоляцию казачества от общерусской демократии, провоцировали возможность использования трудовых казаков в борьбе против революции.

На заседание Оренбургского войскового круга были приглашены

представители донского и уральского казачества и посланы делегации в Астраханское и Уральское казачьи войска, устанавливались связи с сибирскими и терскими казаками. Атаманом Оренбургского войска круг избрал Дутова. Провозглашение атаманом оренбургского казачества вместо престарелого генерал-майора Мальцева активного контрреволюционера и способного демагога, каким являлся полковник Дутов, председатель Совета Союза казачьих войск, ускорило в определенной мере консолидацию сил будущего контрреволюционного мятежа на Южном Урале.

Сопротивление демократически настроенной части казачества круг подавлял круто. Вот одно из его решений: «За внесение раздора и смуты в казачьи части лишать казаков казачьего и офицерского званий», что и претворялось в практику. 3 октября 1917 г. были исключены из войска и лишены казачьего звания есаул А. Г. Нагаев, бывший член I

48

Государственной думы Т. И. Седельников и др.¹²²

Подобным образом контрреволюция действовала и в других районах. Войсковой круг астраханского казачества 25 сентября 1917 г. постановил отозвать казаков из Советов. Угрожая станичной бедноте лишением казачьего звания и земли, водных угодий, офицерско-кулацкие круги сумели навязать ей свои решения¹²³. Духом «самостийности» были пропитаны и заседания второй Кубанской войсковой рады, открывшейся в Екатеринодаре 7 октября. Казачьи верхи на ее заседаниях сформулировали программу необходимости «оздоровления» России. Смысл ее был раскрыт в речи члена Совета Союза казачьих войск Новосильцева. «При создавшемся положении,— говорил он, — создать государственную власть в России невозможно. Власть должна быть создана в провинции, в областях, а уж отсюда она направится к центру и там образуется. Необходимо провести, быть может, суровые и жестокие меры, но только это может спасти страну от гибели»¹²⁴. Второй Донской войсковой круг, созданный в начале сентября 1917 г., реабилитировал атамана Каледина, замешанного в делах корниловщины, и принял ряд постановлений, направленных на консолидацию сил нового мятежа. Товарищ войскового атамана М. Богаевский, выражая мнение казачьих верхов, заявил на круге: «Теперь постепенно назревает сознание, что Россию нужно спасать и в тылу, и на фронте, хотя бы это и пришлось сделать с оружием в руках. Мы, может быть, доживем и до этого. К такому выводу я пришел и не считаю нужным скрывать его от вас»¹²⁵. В этих словах заключалась программа не только донской, но и всей казачьей контрреволюции.

Прошедшие в августе—сентябре войсковые круги продемонстрировали поворот большинства казаков-середняков к союзу с контрреволюцией, наметившийся в казачьей среде летом 1917 г. Основной причиной такого поворота являлась боязнь лишиться сословных привилегий, усилившаяся

сростом вширь и вглубь борьбы крестьянской и казачьей бедноты за «черный» передел земли. Практика революции подтверждала ленинский вывод о том, что сословная замкнутость казачества и ее материальная основа — «муниципализация» создавали гарантии от революции¹²⁶. Это неизбежно вело к ожесточенной и длительной борьбе за победу диктатуры пролетариата в казачьих областях страны.

49

Нельзя согласиться с Д. С. Бабичевым, по мнению которого «складывавшаяся обстановка в станицах и казачьих воинских частях накануне Великого Октября... свидетельствовала о том, что основная масса трудового казачества пойдет одной революционной дорогой с пролетариатом и крестьянством России»¹²⁷.

Обман низов казачества его верхами явился также одной из причин того, что основная масса казаков-середняков поддержала требования главарей атамановщины, а некоторая часть трудового казачества была вовлечена в войну против Советской власти в первые дни революции. Подтвердилось, таким образом, предупреждение В. И. Ленина о том, что буржуазная гражданская война начнется обманом масс и сокрытием истинных целей движения¹²⁸. Главари контрреволюции, делая ставку на «единство» интересов всего казачества, соревновались в восхвалении «исторических заслуг» казаков перед страной и «славных традиций казачьей вольности». Они распространяли среди казачества ложные слухи о том, будто большевики «хотят отобрать земли у казаков и уничтожить казацкое сословие», провоцировали и запугивали их «ужасами» революции. Поднимая рядовых казаков против революции, офицерско-кулацкие круги апеллировали к патриотизму казачества, т. е. использовали «одно из наиболее глубоких чувств»¹²⁹, которое особенно прививалось казакам в течение столетий как представителям военного сословия. Надо учесть и то, что казаки в основной своей массе были мелкими собственниками. «А мелкая буржуазия, по ее экономическому положению, — указывал В. И. Ленин, — более патриотична и по сравнению с буржуазией и по сравнению с пролетариатом»¹³⁰. Конечно, патриотизм мелкой буржуазии — это патриотизм, который часто питает национализм. Мелкая буржуазия без помощи рабочего класса и его партии не способна самостоятельно возвыситься в своем патриотизме до уровня пролетарского интернационализма. Именно на этом мелкобуржуазном патриотизме и играла казачья контрреволюция. Офицерско-кулацкие круги обвиняли большевиков в разгроме и отступлении русских армий на фронте, в приближающейся якобы гибели России и т. д. Так, члены Войскового правительства оренбургского казачества, чтобы подогреть «патриотические чувства» казаков, перепечатали и разослали по станицам ноту союзных военных миссий при русской Ставке в Могилеве. В ней говорилось:

«Союзники заявляют, что если Россия приступит к переговорам о мире, то все ее союзники объявят России войну на основании договора 1914 года»¹³¹.

Исследуемый материал позволяет сделать вывод, что в казачьих областях при ведущих классовых противоречиях, спланировавших трудовое казачество с рабочим классом и трудящимся крестьянством в борьбе с помещиками и буржуазией, имели место и элементы сословного антагонизма, что проявилось уже в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Все это помогло реакции втянуть в контрреволюционные мятежи часть трудового казачества, прежде всего казаков старших возрастов. Но главную опору в борьбе с революцией казачьи атаманы нашли среди многочисленных экономически мощных верхов казачества. К ним примыкали кулаки из коренных и иногородних крестьян, помещичье-буржуазные верхи Северного Кавказа, Казахстана, Башкирии, Бурятии, Татарии. В ленинской резолюции о вооруженном восстании, принятой на заседании ЦК РСДРП (б) 10 октября 1917 г., в качестве одного из симптомов «второй корниловщины» был отмечен «подвоз к Питеру» и к другим пролетарским центрам России казаков. 17 октября в «Письме к товарищам» В. И. Ленин указывал, что «буржуазно-казацкая партия России» готовит гибель революции, что необходимо дать незамедлительный отпор корниловцам «второго призыва», так как «промедление в восстании смерти подобно»¹³². Даже если не все казачьи войска поддержат корниловцев «второго призыва», существовала реальная опасность использования их против революционного народа.

На первом этапе борьбы за казачьи части партия большевиков придерживалась тактики их нейтрализации, чтобы они не стали оружием в руках реакции. Но наибольшую гарантию от возможного выступления казаков против революции В. И. Ленин видел в переходе всей власти в руки Советов¹³³. Только движение революционных войск, писал он 8 октября 1917 г., привело бы «в несколько дней к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского...»¹³⁴.

Социалистическая революция подтвердила правильность ленинской оценки казачества. Находившиеся в Петрограде казачьи войска не поддержали Временное правительство, а часть их перешла на сторону революции.

Такая позиция казачества объяснялась прежде всего тем, что большевики имели в решающем месте, в решающий момент гигантский перевес революционных сил и поэтому «ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата... не могло быть и речи...»¹³⁵.

В казачьих областях большевики, руководствуясь ленинскими

указаниями, вели упорную борьбу против готовившихся мятежей. 4 октября 1917 г. постановление Омского Совета казачьих депутатов объявило Большой и Малый войсковые круги Сибирского казачьего войска контрреволюционными. Их председатели и некоторые члены были арестованы. 6 октября на митинге казаков, созванном большевиками, эти действия Совета казачьих депутатов были одобрены. По требованию казаков строевых частей Омский казачий Совет 20 октября установил контроль над военной канцелярией войска, назначив туда своих комиссаров. Трудовые казаки ряда станиц поддержали эти решения¹³⁶.

На заседании Оренбургского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 5 октября при обсуждении вопроса о предстоящем II Всероссийском съезде Советов большевики настойчиво боролись за принятие резолюции с требованием передачи власти Советам. Однако большинством голосов меньшевиков, эсеров и казаков резолюция была провалена¹³⁷.

Большевики Дона и Донбасса вели героическую борьбу против наступления калединщины. Состоявшаяся в начале октября 1917 г. областная конференция РСДРП (б) отметила необходимость усиления практической подготовки к вооруженному восстанию. 21 октября по инициативе большевиков при Ростово-Нахичеванском Совете создается отдел по борьбе с контрреволюцией во главе с И. В. Решетниковым. Председатель Луганского комитета партии К. Е. Ворошилов 10 октября сообщал в ЦК РСДРП (б), что рабочие Макеевки «объявили забастовку-протест против расквартирования казаков у них по рудникам и заводам»¹³⁸. Стачки подобного характера прошли и в других городах и шахтерских поселках Донской области. Под руководством большевиков началось вооружение рабочих и создание отрядов Красной гвардии.

Большевистские организации казачьих областей в условиях наступления контрреволюции в целом заняли

52

правильную позицию, добиваясь создания широкого революционного фронта. Эта тактика содействовала ускорению разрыва казачьих низов с верхами. Среди рядовых казаков росло недовольство политикой атаманов, но оно еще не вылилось тогда в открытые формы. Рабочие не создали вооруженных отрядов, способных повести за собой казацкие и солдатские массы.

Казачьи мятежи как важный компонент внутренней и внешней контрреволюции в течение длительного времени тщательно готовились реакционной военщиной, буржуазно-казачьими кругами, вдохновляемыми международным империализмом. В результате этого перевес сил в казачьих регионах после победы Великого Октября временно оказался на стороне контрреволюции. Это позволило казачьим атаманам захватить власть на Дону, Кубани, Тереке, в Оренбуржье, Семиречье, Забайкалье и в

других казачьих областях страны. Молодая Республика Советов вступила в жестокую борьбу с казачьей контрреволюцией и силами интервентов.

Глава II **МЕРОПРИЯТИЯ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ЛИКВИДАЦИИ ПЕРВЫХ ОЧАГОВ КАЗАЧЬЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ**

Пособничество Антанты в развязывании белоказачьих мятежей

Победа вооруженного восстания рабочих и солдат в Петрограде всколыхнула все контрреволюционные силы. В. И. Ленин на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов в докладе о ратификации Брест-Литовского мирного договора говорил, что в России «началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистической буржуазии»¹. Развязав ожесточенную борьбу против власти Советов, они тем самым подписали себе смертный приговор.

25 октября, получив первые сообщения о восстании в Петрограде, Каледин в телеграммах, отправленных Временному правительству, в Ставку Главковерха, Совету Союза казачьих войск, общесфронтному казачьему съезду в Киеве, атаманам всех казачьих войск и казачьим частям, заявлял, что Войсковое правительство считает «захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым» и готово оказать в тесном союзе с правительствами других казачьих войск «полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству». Атаман сообщал, что Войсковое правительство ввиду чрезвычайных обстоятельств «приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области»². Рассылая телеграммы подобного содержания, Каледин пытался сплотить контрреволюционные силы России вокруг казачества и вовлечь их в борьбу против Советской власти. Донское правительство не сомневалось, что все казачьи войска объединятся «в деле спасения России». Товарищ (помощник) войскового атамана М. П. Богаевский 26 октября заверял Ставку и Временное правительство в необходимости «без всяких колебаний искать поддержки в казачьих войсках»³. Подобные заверения калединцев говорили об их намерении возглавить выступления буржуазии во всероссийском

54

масштабе.

Воспринимая сообщение Каледина, атаман Кубанского войска Филимонов захватывает всю полноту власти в области, призывает казаков «сохранить верность Временному правительству и всеми силами поддержать его в борьбе с мятежниками». 28 октября Екатеринодарская

городская дума по инициативе меньшевиков и эсеров приняла резолюцию, которая победоносное восстание петроградского пролетариата называла «актом измены и государственным преступлением» и призывала население области «объединиться и напрячь все силы... для решительной борьбы с большевиками»⁴. Подобные резолюции, принимаемые в казачьих областях, свидетельствовали о том, что соглашательские партии поддерживали кадетско-калединское выступление против социалистической революции.

10 ноября 1917 г. под руководством казачьего атамана, депутата Государственной думы Караулова организовалось Терское войсковое правительство. Ссылаясь на необходимость решительных мер с анархией и грабежами, он объявил Терский край на военном положении и приказал привести в боевое состояние все казачьи войска⁵. Атаман Дутов в свою очередь захватил власть в Оренбурге, Троицке, Верхне-Уральске и призвал казаков к борьбе против Советской власти. Поднимая антисоветский мятеж, дутовцы планировали захватить Урал, отрезать Сибирь и Среднюю Азию от европейской части России, объединиться в районе Волги с Калединым и повести совместное наступление на центр страны. Осуществляя контрреволюционные замыслы, атаман 26 октября 1917 г. провозгласил себя единственной властью в Оренбургской губернии и, не считаясь с Советами, 27 октября 1917 г. особым приказом объявил Оренбург на военном положении. На территории Южного Урала были запрещены митинги, собрания, демонстрации, т. е. фактически устанавливалась военная диктатура. 1 ноября 1917 г. офицерско-кулацкие верхи Семиреченского войска, действовавшие в союзе с алашордынцами и при поддержке меньшевиков и эсеров, подняли мятеж против Советского правительства и установили в Семиречье открытую белогвардейскую диктатуру. Войсковой совет объявил, что «Семиреченское казачье войско берет со 2-го ноября 1917 г. всю полноту власти» и присоединяется к Юго-Восточному союзу⁶.

55

21 ноября в Благовещенске был опубликован приказ наказного атамана Амурского казачьего войска эсера И. Гамова о том, что «Войсковое казачье правительство временно взяло всю полноту власти»⁷. Подобные примеры можно продолжить.

Взяв на себя руководящую роль в организации борьбы против власти Советов, каледины стремились превратить Дон в основную базу контрреволюции. Сюда стекались все реакционные элементы, бежавшие из Центральной России. На Дону нашли прибежище главари всероссийской контрреволюции Милюков, Гучков, Родзянко, Алексеев, Деникин, Корнилов и многие другие. «Я рассматривал Дон, — прямо заявлял генерал Алексеев, — как базу для действий против большевиков»⁸. В начале ноября 1917 г. в Новочеркасске царские генералы при поддержке Каледина приступили к формированию из офицеров и юнкеров так называемой

Добровольческой армии. «Вокруг Каледина, — предупреждал В. И. Ленин, — группируются собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии»⁹.

Встав на путь вооруженного мятежа, казачьи верхи объявили Дон независимым от Советской России. Калединское правительство, оставляя за собой главную роль в начавшемся антисоветском движении, потребовало в начале ноября перенести местопребывание правительства Юго-Восточного союза из Екатеринодара в Новочеркасск. В середине ноября 1917 г. это правительство во главе с Харламовым вступает в переговоры с Украинской радой, Закавказским комиссариатом и другими белогвардейскими объединениями. Рассматривается предложение о совместной борьбе против Советской власти. Однако, по признанию генерала Деникина, «безвластие и бессилие областных правительств, отсутствие денежных средств и вооруженной силы, а главное — отсутствие опоры в народной массе лишили это начинание... всякого значения»¹⁰.

Большие надежды возлагались на общесфронтной казачий съезд в Киеве, созданный 22 октября Советом Союза казачьих войск. По приглашению калединцев съезд 5 ноября переехал из Киева в Новочеркасск. С 6 ноября возобновились его заседания. В своем выступлении на первом заседании съезда Каледин заявил, что «на Руси нет никакой власти». Богаевский усматривал спасение России в создании союза, именно в нем — «реальная сила, — подчеркивал он.

56

— И вы, общеказачий съезд, должны быть тоже кузнецами этого союза». Укрепление Юго-Восточного союза донская реакция рассматривала как путь решения основной задачи — «начать строительство власти в помощь новому Временному правительству»¹¹. Реакционные элементы съезда, опираясь на свое большинство, приняли резолюции о поддержке Юго-Восточного союза и непризнаний Советского правительства. В связи с тем, что большинство фронтовых частей казачества заявили протест по поводу принятых съездом решений, генеральско-офицерские круги поспешили его закрыть.

Политическое руководство борьбой против власти Советов осуществляла партия кадетов. В кадетско-калединском движении, по определению В. И. Ленина, нашла выражение буржуазно-помещичья контрреволюция¹². 28 ноября Совет Народных Комиссаров в обращении «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым» заявил, что гражданская война на Урале и на Дону «...открыта по инициативе и под руководством кадетской партии. Центральный комитет этой организации является сейчас политическим штабом всех контрреволюционных сил страны». СНК объявил партию кадетов партией врагов народа и призвал «всех революционных рабочих, крестьян, солдат, матросов, казаков» вести против нее и калединских войск самую беспощадную войну¹³.

Территориально понятие кадетско-калединского движения не ограничивалось пределами Дона и Юго-Восточного союза, оно распространялось на все контрреволюционные выступления в разных областях Советской России, в том числе и на казачьи районы азиатской части страны.

Антисоветские мятежи казачьих верхов являлись не только одной из форм борьбы реакционных сил России против социалистической революции, но и одной из форм выступления мирового империализма против Республики Советов. Казачьи атаманы действовали в тесном контакте с иностранными империалистами, получали из-за рубежа всевозможную помощь. Хотя выступления атаманов происходили в районах, подчас расположенных далеко друг от друга, они были тесно связаны между собой: руководство, финансирование и снабжение шло из единых, в значительной мере зарубежных центров. В. И. Ленин заранее предупреждал, что международный империализм готов «какой угодно кровавой ценой» уничтожить Советы, что существует угроза сговора

57

империалистов различных стран, входящих даже во враждебные блоки в идущей мировой войне против Советской России¹⁴.

В конце ноября 1917 г. в Париже открылась союзническая конференция, в которой приняли участие Англия, Франция, Италия и США. Центральное место в ее работе занял «русский вопрос», при обсуждении которого участникам конференции был представлен меморандум маршала Фоша. Сей документ весьма откровенно призывал к свержению Советской власти путем координированных усилий внутренней и внешней контрреволюции. При этом казачество рассматривалось как организующее ядро, вокруг которого должны были объединиться все контрреволюционные элементы страны¹⁵. Близкая к правительственным кругам газета «Таймс» еще накануне конференции констатировала: «Союзники учитывают, что Юг России уже не находится под властью большевиков», и поэтому они намерены установить с «патриотическими» силами этого края, возглавляемыми Калединым, связь через Иран или по Транссибирской железной дороге с целью оказания им всяческой поддержки. Участники конференции пришли к выводу, что для свержения Советской власти достаточно будет сил внутренней контрреволюции, организованных и вооруженных Антантой. 28 ноября принимается решение как можно быстрее установить прочные связи казачьих верхов Сибири с донским правительством для совместной борьбы с Советской властью. С консолидацией всех казачьих войск иностранные империалисты связывали свои основные надежды на разгром большевизма. На Дон сразу же направляется англо-французская миссия с целью оказания финансовой и военной помощи Каледину¹⁶. 10 ноября 1917 г. член ЦК партии кадетов крупный банкир князь Шаховской встретился с английским послом

Бьюкененом. Князь сообщил, что Каледин и Алексеев стягивают на Дон силы для похода на Петроград и Москву с целью свержения «большевистского режима» и хотят заручиться материальной поддержкой союзников. Бьюкенен заверил, что «союзники будут приветствовать любое сильное, стабильное и законно созданное правительство, которое готово удержать Россию в войне». 20 ноября британский военный кабинет «решил гарантировать Каледину предоставление всей финансовой помощи, в которой он нуждается».

58

В этот же день в беседе с генералом Нисселем Бьюкенен подтвердил, что после падения Временного правительства он постоянно поддерживал связь с Калединым и оказывал тому финансовую помощь¹⁷.

Такую же политику проводила и Франция. В начале ноября один из эмиссаров Каледина в чине генерала посетил начальника французской военной миссии Нисселя с целью получения 100 тыс. руб. на содержание казачьих войск. Вскоре после переговоров на Дон была направлена группа французских офицеров. По прибытии в Новочеркасск они сообщили генералу Нисселю о просьбе Каледина оказать финансовую помощь на содержание двух армейских корпусов. Прибывший на Дон полковник Гюше уведомил главарей казачества о решении французского правительства предоставить им кредит в 100 млн. руб. «с целью восстановления порядка в России и продолжения войны против центральных держав»¹⁸.

Антисоветский сепаратизм казачьих атаманов активно поддерживало и правительство США. В меморандуме государственного секретаря Лансинга, представленном 27 ноября президенту Вильсону, высказывалось мнение, что «единственным очевидным ядром для организованного движения, достаточно сильного, чтобы сменить большевизм и образовать правительство, вероятно, будет группа высших офицеров во главе с генералом Калединым, атаманом донских казаков». В заключение Лансинг просил американское правительство оказать калединцам материальную помощь. 29 ноября президент США официально одобрил этот меморандум и принял решение предоставить Каледину тайную финансовую помощь через банки Англии и Франции¹⁹. Получив санкцию президента, нью-йоркский «Нэшнл сити бэнк» сразу же приступил к переговорам о предоставлении донскому правительству займа на сумму 500 тыс. долларов²⁰. В декабре 1917 г. на Дон прибыла американская миссия во главе с московским консулом Пулем, основная цель поездки которого заключалась в выяснении возможностей и потребностей калединцев. В своем отчете об итогах переговоров с главарями донской контрреволюции Пуль сообщал, что создаваемая Добровольческая армия «будет представлять подвижную полицейскую силу», специально предназначенную для восстановления «законной власти» в России, что она

«совершенно неэффективна против германских регулярных войск»²¹, Подобные факты убедительно показывают,

59

что политика правящих кругов не только Антанты, но и США в отношении России была направлена не на «восстановление Восточного фронта», а в первую очередь на уничтожение Советской власти.

Активную роль в подготовке мятежа атамана Дутова на Южном Урале сыграли иностранные империалисты. «Французы, англичане и американцы со мной имеют непосредственное сношение и оказывают нам помощь»²², — признавал Дутов. Документы свидетельствуют, что Дутов установил связи с английской шпионско-диверсионной группой, называвшей себя «военно-дипломатической миссией», находившейся в Ташкенте, и выполнял ее задания. Ими был разработан план совместных действий против большевистских Советов. Атаман оренбургского казачества поддерживал связи и с американским посольством в Петрограде. Еще в первой половине сентября 1917 г. американский посол Фрэнсис сообщал Дутову, что правительство США информировано о позиции казачества и готово оказать ему всестороннюю помощь²³. Добиваясь координации действий различных контрреволюционных очагов, правительство США стремилось связать антисоветские мятежи Каледина и Дутова, даже планировало постройку железной дороги из Ростова в Оренбург²⁴. Большую помощь правительства Англии и США оказывали также казачьей контрреволюции Семиречья. Непосредственную связь с Войсковым советом семиреченского казачества поддерживали британский консул в Кашгаре Макартнэй и американский консул в Ташкенте Тредуэл. Всестороннюю поддержку мятежу оказывали бывшие царские консулы, находившиеся в пограничных городах Китая и тесно связанные с агентами иностранного империализма²⁵. В пограничных районах создавались белогвардейские отряды, закупалось оружие, плелись шпионские сети заговоров и диверсий²⁵.

Западные государства и Япония с целью создания плацдармов, с которых их войска могли бы развернуть наступление вглубь Советской России, вступили в антисоветский сговор с верхами забайкальского и амурского казачества. Агенты французского империализма Пишон и Буржуа считали, что казачье население Сибири и Дальнего Востока «было в состоянии организовать военную силу против большевиков и к тому же находилось в наиболее выгодных условиях для получения помощи от союзников»²⁶. Созданный атаманом Семеновым «особый маньчжурский

60

отряд» финансировался и вооружался иностранными империалистами. Английское правительство, как сообщает один из буржуазных авторов, ежемесячно предоставляло атаману 562 тыс. руб.²⁷

В феврале 1918 г. министр иностранных дел Англии Бальфур предписал

выдать Семенову аванс в размере 20 тыс. фунтов стерлингов²⁸. В качестве военного эксперта при нем подвизался английский капитан Денни.

В начале 1918 г. направленные в Пекин эмиссары атамана на переговорах с английским военным атташе Робертсоном изложили план отторжения Забайкалья от России в качестве компенсации за оказание материальной помощи. Вскоре и французское правительство через капитана Пелье, находившегося при штабе Семенова, выделило мятежникам 7 млн. руб.

Претендуя на Дальний Восток и Сибирь, империалисты Японии в свою очередь оказывали самую широкую помощь казачьей контрреволюции. «Семенов финансировался Японией и не имел никаких убеждений», — писал американский генерал Грэвс, он не продержался бы и недели, если бы не поддержка Японии²⁹. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Колчак подтвердил, что казачьих атаманов кредитовали Русско-Азиатский банк в Харбине, правление КВЖД и консульства, которые располагали не только деньгами, но и оружием, военным снаряжением и продовольствием³⁰.

Документы и факты убедительно показывают, что иностранное вмешательство сыграло свою неблагоприятную роль в раздувании и поддержке казачьей контрреволюции, которая не смогла бы без такой «помощи» оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления триумфальному шествию Советской власти.

Провал кадетско-калединской авантюры в казачьих областях в период триумфального шествия Советской власти

Внутренняя контрреволюция и иностранные империалисты стремились использовать экономическое и военно-стратегическое положение казачьих областей России и превратить их в плацдарм для наступления против Советской власти. Партия большевиков, Советское правительство, понимая всю серьезность создавшегося положения, организовали отпор казачьей белогвардейщине — одной из

61

основных сил всероссийской контрреволюции, развязавшей гражданскую войну в стране.

После завоевания политической власти, указывал В. И. Ленин, пролетариат тотчас вынужден был отстаивать ее в вооруженной борьбе под Питером и в Москве, в Оренбурге и Ростове-на-Дону, в других районах огромной России³¹. В первоначальном варианте своей работы «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал, что с конца октября 1917 и до февраля 1918 г. перед партией большевиков «выдвинулась задача завоевания власти и подавления сопротивления эксплуататоров. Вместо того, чтобы убеждать, на первое место стала задача завоевывать Россию». Подчеркивая, что эту задачу большевики сравнительно легко решили в

столице и главных промышленных центрах, он отмечал: «Но в провинции, в отдаленных от центра местах, и особенно в тех районах России, где сосредоточено было больше всего... населения, сравнительно отсталого и прочнее всего держащегося за традиции монархии и средневековья,— например, в казачьих областях,— Советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы...»³²

Сущность положения в стране четко сформулирована в ленинском лозунге: «Либо победить Калединых, и Рябушинских, либо сдать революцию. Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции»³³. Разгром казачьей контрреволюции — главного оплота внутренней и международной реакции — стал на данном этапе исторического развития центральной задачей Республики Советов. Пролетариат ответил на войну войной. 25 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров в своем обращении «Ко всему населению» доводил до сведения трудящихся, что Каледин ввел на Дону военное положение; Дутов арестовал в Оренбурге исполком Совета и ВРК, разоружил солдат и угрожает Челябинску. Политическим штабом этого восстания являлся Центральный комитет кадетской партии. Главари кадетско-казачьей контрреволюции ставились вне закона, а районы, в которых были подняты антисоветские мятежи, объявлялись на осадном положении. Советское правительство заявляло, что оно распорядилось двинуть необходимые войска на Дон и Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Местным революционным гарнизонам надлежало действовать со всей решительностью, не дожидаясь никаких указаний сверху³⁴.

62

26 октября 1917 г. для борьбы с калединщиной при Ростово-Нахичеванском Совете был создан Военно-революционный комитет во главе с большевиком С. И. Сырцовым. Донская окружная партийная организация, объединявшая около 7 тыс. членов, в борьбе с контрреволюцией стремилась создать широкий антикалединский фронт трудящихся. «В условиях архитяжелых, при крайне невыгодном для пролетариата соотношении сил, недостаточной подготовленности и вооруженности,— отмечал С. И. Сырцов,— большевики вынуждены были пойти на переговоры с соглашателями на базе признания необходимости борьбы с попытками. Войскового правительства обуздать революционный Ростов»³⁵. В результате переговоров 15 ноября было достигнуто соглашение большевиков с меньшевиками и эсерами о создании областного ВРК объединенной демократии. Но вынужденная эта мера себя не оправдала. Пренебрегая обращением СНК от 25 ноября 1917 г., запрещавшим какие бы то ни было отношения с главарями мятежников, соглашатели начали бесплодные переговоры с Калединым, который не преминул использовать их для прикрытия подготовки наступления на

Ростов. В те дни большевистская газета Ростова «Наше знамя», выражая тревогу пролетариата за судьбу революции на Дону, писала: «...Войсковое правительство проделывает комедию переговоров. А орган областной революционной демократии — Военно-революционный комитет топчется в паутине этих переговоров и сам готовит гибель делу революционной борьбы... Победу обеспечит только решительность, только борьба»³⁶.

Дальнейший ход событий показал, что коалиция с соглашателями была ошибкой, которую пришлось исправлять. Восстановленный 25 ноября большевистский ВРК энергично взялся за подготовку боевых сил против калединовцев.

В ночь на 26 ноября калединские войска развязали вооруженное выступление, но в результате трехдневных боев, потерпев поражение, они отступили из Ростова. Большую помощь в этих боях оказали пролетариату казаки Ростовского гарнизона, отказавшиеся вести войну против революционных отрядов. Член ЦК РСДРП (б) и Петроградского ВРК А. С. Бубнов в радиোগрамме СНК сообщал: «Казаки в массе держатся нейтрально, заявляя, что с солдатами и рабочими они драться не будут»³⁷. Но активно выступить на стороне Советской власти против

63

Каледина в период ноябрьских боев ни одна казачья часть еще не решилась.

Классовая и военная расстановка сил на Дону в ноябре — декабре 1917 г. сложилась не в пользу революционных сил. Призывы большевиков в тот период тонули в рутине соглашательства и не смогли оказать должного влияния на казаков воинских частей Ростова и других городов области и особенно на станичное казачество. Но даже в тех непростых условиях ряд казачьих частей выражали открытое недовольство авантюрой атамана, отказывались принимать участие в военных действиях против красногвардейских отрядов. Казачьи части, признавал Каледин, в эти дни «отказывались от исполнения приказов выборного Войскового правительства»³⁸.

Ненадежность казачьих частей атаман стремился компенсировать помощью Добровольческой армии Алексеева, действиями партизанских отрядов, состоявших из казаков старших возрастов, сынков казачьей верхушки, юнкеров. Переформированные и пополненные калединские части начали 29 ноября новое наступление на Ростов. 1 декабря, в разгар ожесточенных боев с белогвардейцами, меньшевики и эсеры собрали так называемое Демократическое совещание. Его резолюция призывала солдат, казаков, матросов и рабочих «прекратить всякие военные действия» и до созыва съезда населения Донской области передать власть Войсковому правительству³⁹. Предательская позиция соглашателей привела к тому, что из четырех пехотных полков Ростовского гарнизона в боях с калединцами участвовало на стороне Красной гвардии лишь две-три сотни солдат⁴⁰.

2 декабря превосходящие силы калединовцев захватили Ростов и повели

наступление на Донбасс. Донской ВРК переехал в Воронеж и возобновил свою работу, направленную на разгром каледищины. В Ростове действовал городской нелегальный комитет РСДРП (б) во главе с Г. П. Фадеевым-Васильевым.

2 декабря Екатеринодарский комитет большевиков в условиях казачьей диктатуры вынужден был перейти на нелегальное положение. Для руководства подготовкой вооруженного восстания против Кубанской рады и ее правительства Я. Полуян, П. Платонов и некоторые другие члены комитета выехали на места с целью проведения агитационной и организаторской работы среди казачества. Под влиянием большевистской агитации в

64

ноябре 1917 г. трудовые казаки Ереминской, Кореновской, Крымской, Тимашевской, Усть-Лабинской и многих других станиц выразили недоверие главарям кубанской контрреволюции Филимонову, Бычу, Бардижу и потребовали вывода из области «дикой дивизии» и юнкеров, обещая при этом поддержку Советам рабочих, казачьих и солдатских депутатов⁴¹. Однако и они не торопились выступать с оружием на стороне революции против мятежников.

К ноябрю 1917 г. создалась чрезвычайно сложная обстановка и на Тереке. Здесь земельный вопрос, сплетаясь с национальным, стоял более остро, чем в других казачьих областях. Чтобы ослабить классовую борьбу, казачьи и горские верхи искусственно разжигали в Терской области национальную рознь. Стремясь не допустить в крае победы пролетарской революции, они приняли решение о создании объединенного Терско-Дагестанского правительства во главе с М. Карауловым и князем Г. Каплановым. Меньшевики и эсеры заявили о поддержке этого правительства⁴². Свою деятельность оно начало с разгона Советов, которые, постепенно превращаясь в органы революционной власти, оказывали все более действенное влияние на массы. 31 декабря 1917 г. по приказу Терско-Дагестанского правительства был разгромлен Владикавказский Совет, а члены его президиума, в том числе Н. Буачидзе и М. Орахелашвили, арестованы. Однако вскоре по требованию народных масс они были освобождены. С. М. Киров, случайно избежавший ареста, а затем и другие руководители Владикавказского Совета переехали в Пятигорск, который становится штабом борьбы за власть Советов на Тереке.

В условиях белогвардейской диктатуры трудящиеся Оренбургской губернии под руководством 2,5-тысячной большевистской организации активно боролись за срыв планов дутовской контрреволюции. В ноябре по территории губернии прокатилась мощная волна протестов. 8 ноября в Оренбурге забастовали рабочие Главных железнодорожных мастерских и депо. На следующий день к бастующим присоединились коллективы

других предприятий города. Призыв стачечного комитета присоединиться к забастовке поддерживали отдельные части казаков, которые потребовали освобождения арестованных большевиков и ареста городского головы Барановского,

65

губернского комиссара Архангельского, атамана Дутова; высказались они также и за немедленный контакт с Советами рабочих и солдатских депутатов⁴³. В Оренбурге, Челябинске, Троицке, Верхне-Уральске большевики приступили к созданию отрядов Красной гвардии. Принимались меры к вооружению пролетариата. 12 ноября в Оренбург из Петрограда по заданию Центрального Комитета партии большевиков и Совнаркома конспиративно прибыл П. А. Кобозев. Он был назначен чрезвычайным комиссаром по борьбе с дутовщиной. В тот же день совещание оренбургских большевиков приняло его предложение организовать Военно-революционный комитет, который осуществит общее руководство подготовкой и проведением вооруженного восстания. На следующий день Кобозев выехал в Самару, а затем в Бузулук с целью создания вооруженных сил для оказания помощи оренбургским рабочим в борьбе за установление Советской власти.

14 ноября 1917 г. большевики Оренбурга проводят заседание Совета рабочих и солдатских депутатов и совместно с представителями полковых и ротных комитетов избирают ВРК во главе с С. М. Цвиллингом.

Узнав от провокаторов о собрании Совета, дутовцы в ту же ночь окружили здание караван-сарая, где проходило заседание, и арестовали свыше 100 партийных и советских работников. Арест большевиков ослабил партийную организацию, но оставшиеся на свободе в нелегальных условиях вновь создали городской комитет РСДРП (б). В знак протеста против действий дутовских мятежников рабочие Оренбурга провели мощную политическую забастовку. В конце ноября в забастовке участвовало до 9 тыс. рабочих. Их героическая борьба продолжалась около трех месяцев — до тех пор, пока дутовцы не бежали из Оренбурга.

Арестованные большевики, опираясь на помощь подпольного комитета партии, в ночь на 13 декабря совершили побег из тюрьмы. Вскоре они активно включились в работу по организации разгрома дутовского мятежа.

Созданные в первый период гражданской войны большевистскими организациями казачьих областей красногвардейские отряды были малочисленны, слабо вооружены и, естественно, не могли противостоять военным силам контрреволюции. В этих условиях рассчитывать на успех вооруженного восстания против каледицев без помощи из центра не приходилось.

66

Однако тяжелейшая военно-политическая обстановка не позволяла Советскому правительству в первые дни Советской власти оказать

существенную помощь трудящимся казачьих областей. Победа пролетариата над белогвардейскими войсками Краснова — Керенского под Петроградом, подавление мятежа юнкеров в Москве, ликвидация контрреволюционной ставки в Могилеве, заключение перемирия со странами австро-германского блока способствовали успешной мобилизации красногвардейских отрядов против калединцев. Центром формирования Красной гвардии были в первую очередь Петроград и Москва, а также многие города Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири.

С первого дня существования пролетарского государства ЦК РСДРП (б) и Советское правительство во главе с В. И. Лениным наряду с огромной всесторонней организаторской работой по формированию и отправке красногвардейских отрядов в казачьи области страны проводили гибкую политику по отношению к трудовому казачеству, которое продолжало оставаться под влиянием сословной замкнутости. Необходимо было оторвать его от офицерско-кулацких кругов, нейтрализовать, а затем привлечь на сторону власти Советов. Переход на сторону революции основной массы казацкой бедноты не означал еще, что подобной позиции придерживалось все трудовое казачество. Установление политической власти рабочего класса, первые декреты Советской власти открывали путь к переходу большинства трудовых казаков на сторону Советской власти. Но предстояла еще длительная и сложная работа партии большевиков, которая должна была помочь трудовому казачеству понять политику Советов и на собственном жизненном опыте убедиться в ее правоте.

В одном из первых декретов — о земле, подготовленном В. И. Лениным, подчеркивалось: «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются»⁴⁴. Такое решение аграрного вопроса отвечало коренным интересам трудовых масс казачества. Декрет о мире защищал интересы не только солдат, но и казаков, почти поголовно мобилизованных в годы войны.

Большую агитационно-пропагандистскую работу в разъяснении политики Коммунистической партии и Советского правительства проводил Казачий комитет при

67

ВЦИК, созданный 4 ноября из представителей казачьих частей, расположенных в Петрограде и его окрестностях. Совнарком утвердил образование Казачьего комитета во главе с И. А. Лагутиным⁴⁵. При содействии СНК газета «Деревенская беднота» с 26 ноября 1917 г. стала выходить как крестьянская и казачья газета под названием «Деревенская беднота и трудовое казачество». Образование Казачьего комитета при ВЦИК содействовало дальнейшему расколу в казачьей среде, ускоряло переход трудового казачества на сторону пролетариата.

25 ноября Совнарком, заслушав сообщение В. И. Ленина о посещении

его делегацией Совета Союза казачьих войск, принял специальное обращение «От Совета Народных Комиссаров — трудовым казакам», в котором разъяснялось, что Советская власть хочет освободить трудовое казачество от кабалы атаманов, которые «стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками». До сведения казачества доводилось, что Советское правительство — правительство мира. Казаки призывались к объединению со всем народом против Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и их сообщников, к созданию Советов казачьих депутатов⁴⁶. 30 ноября СНК заявил, что поддержит все декреты, ставящие своей задачей «освободить трудовых казаков от всех видов кабалы и обеспечить им возможность достойного человеческого существования»⁴⁷. 9 декабря СНК постановил отменить обязательную военную повинность казаков, принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу. В обращении «Ко всему трудовому казачеству», опубликованном за подписью В. И. Ленина, говорилось, что правительство ставит своей ближайшей целью «разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах»⁴⁸.

Буржуазные историки, характеризуя основные положения обращений Совнаркома к трудовому казачеству в конце 1917 — начале 1918 г., вынуждены признать привлекательность и положительный отклик, который они получили у рядовых казаков. Однако, не давая

68

объективного анализа проблемы, фальсификаторы заявляют, что в обращениях Советского правительства содержался скрытый смысл, не разгаданный простыми казаками. Так, английский автор Р. Лакетт вещает: «...казаки не разглядели, что большевистские обещания справедливого раздела земель были направлены на удовлетворение нужд «иногородних». Поверив этим посулам, казачество еще раз было введено в заблуждение»⁴⁹.

Декреты Советского правительства в период Октябрьской революции, способствовавшие укреплению союза рабочего класса с казачьей беднотой, ускоряли отрыв и нейтрализацию середняцкого казачества, в первую очередь фронтового, от атаманско-кулацких кругов. Фронтовое казачество, которое вместе с рабочими и крестьянами познало все тяготы окопной жизни и прошло большую школу большевистской агитации, отказывалось быть слепым орудием в руках атаманов. Решающую роль в ускорении перехода казаков-фронтовиков на сторону Советской власти сыграл ленинский Декрет о мире. В. И. Ленин в самый канун революции, изучая вероятное соотношение сил, со всей определенностью заявил, что «*да же* казачьи войска не пойдут против правительства мира!»⁵⁰.

С лозунгом мира власть Советов одержала победу в дни Октября, с этим

лозунгом она начала триумфальное шествие по стране. 28 октября 1917 г. генерал А. Будберг вынужден был записать в своем дневнике: «Правительство товарища Ленина разразилось декретом о немедленном мире; в другой обстановке над этим можно было бы только смеяться, но сейчас это гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону... теперь у нас нет уже никаких средств для борьбы» с теми, кто дал его массам⁵¹.

Практическое решение вопроса о мире предоставило фронтовому казачеству возможность вернуться домой, в свои станицы, приступить к мирному труду. Поэтому возвращающиеся с фронта казачьи полки не хотели даже и слышать о борьбе с большевиками. Тихорецкий комитет РСДРП (б) сообщал в ЦК партии: «Теперь, когда с фронта едут солдатские и казачьи части, мы имеем надежную опору в их лице». Это признавали и главари кубанской контрреволюции. «В декабре на Кубань стали возвращаться казачьи войска, — с горечью констатировал глава краевого правительства Л. Быч,—

69

и они внесли свою, и притом большую, лепту в смысле ускорения процесса большевизации»⁵². Генерал М. В. Алексеев в письме французской миссии в Киев сообщал: «Казачьи полки возвращаются с фронта в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков... Они не желают сражаться...»⁵³ Такое положение было не только на Дону и Кубани, но и в других казачьих областях. Близкий к атаману Дутову генерал И. Г. Акулинин так описывал положение в Оренбуржье: «У казаков-фронтовиков, утомленных войной, а частью настроенных большевистски, была одна мысль — поскорее попасть в родные станицы... Среди них появились и настоящие большевики, которые вели разлагающую пропаганду сначала в полках, а потом в станицах»⁵⁴.

Буржуазные советологи при всей своей тенденциозности в оценке событий Великого Октября в казачьих областях не могут игнорировать революционизирующее влияние фронтовиков на станичные массы. Однако, верные своим апологетическим концепциям, они это влияние трактуют не как следствие классовых противоречий, а как своеобразную казачью модификацию вечной проблемы «отцов и детей». Следуя этой версии, Ф. Лонгворт утверждает, что «фронтовики не хотели слушать своих отцов. Это был раскол между поколениями»⁵⁵. Измышлениями о конфликте поколений идеологи империализма пытаются затушевать истинный смысл классовой борьбы в казачьих областях в эпоху социалистической революции и гражданской войны в России.

Однако переоценивать роль фронтового казачества было бы неправомерно⁵⁶. Фронтовое казачество в основном представляло собой середняцкие слои и защищало их интересы. Отсюда и двойственная позиция к происходящим революционным событиям. Большинство казачьих полков, как свидетельствуют факты, старалось уклониться от

начавшейся гражданской войны, что являлось пассивной формой протеста против позиции атаманов. Такая форма поведения казаков-фронтовиков «в тех условиях явилась объективно помощью молодому Советскому государству и способствовала краху» мятежных атаманов⁵⁷. Лучшие же представители казаков-фронтовиков активно поддерживали Советскую власть. И лишь незначительную группу составляли старорежимные казаки-служаки и большая часть кадровых

70

офицеров, из которых формировались белоказачьи отряды.

В ноябре — декабре 1917 г. большинство казачьих частей возвращалось с фронта. Они несли в станицы правду о Советской власти, ее декретах, что способствовало углублению раскола и росту советских настроений в казачьей среде. Фронтовики, конечно, не могли сразу изменить настроение станичников с их приверженностью к сословным предрассудкам, слепым раболепством перед начальством. Однако активная агитация усилила колебания основной массы, представленной преимущественно средними слоями казачества, которые во время мятежей занимали нейтральную позицию. 14 января 1918 г. Челябинский уездный казачий круг по поводу приказа окружного атамана Половникова постановил мобилизации не проводить и потребовал «прекращения гражданской войны и отозвания боевых сил»⁵⁸. В той обстановке казачий нейтралитет лишил атаманов поддержки в станицах и ускорил их поражение.

Казачья беднота, а также иногороднее и коренное трудовое крестьянство, испытывавшее на себе классовый и сословный гнет, вели решительную борьбу за установление власти Советов в казачьих областях. В конце 1917 г. казачья и иногородняя беднота Отрадной, Рязанской, Старо-Леушковской и ряда других станиц Кубани, считая раду и краевое правительство контрреволюционными организациями, отказалась выполнять их распоряжения, потребовала поддержки Совета Народных Комиссаров, немедленной передачи власти Советам. 22 января 1918 г. «Правда» на основании информации агитатора Петроградского исполкома М. Меньшикова, побывавшего в ряде кубанских станиц, сообщала: «Трудовое казачество всеми силами протестует против действий Войсковой рады, отнюдь не признает ее правящим органом на Кубани, требует разоружения юнкеров и объявления врагами и предателями народа Каледина и Дутова со всеми их сообщниками». В декабре 1917 г. на Тереке станицы Сунженской линии полностью вышли из подчинения Войскового правительства, арестовали помощника войскового атамана и образовали военно-революционный Совет Сунженского отдела, который взял власть. Попытки казачьих верхов силой подчинить себе непокорные станицы оказались безуспешными. Вслед за Сунженскими казаками выступили казаки других отделов

71

Терского войска. В середине января 1918 г. в Пятигорске состоялся съезд казаков Пятигорского отдела, на который прибыли и представители других казачьих отделов. Присутствовавший на съезде С. М. Киров направлял его работу. В своих выступлениях делегаты резко осуждали контрреволюционную политику войскового атамана и Терско-Дагестанского правительства⁵⁹.

Острые противоречия между трудовыми казаками и дутовцами выявились на декабрьском (1917 г.) круге Оренбургского войска. Протест рядового казачества носил массовый и организованный характер. Выступлением оппозиции руководила военная организация большевиков. Против дутовской контрреволюционной диктатуры на круге выступили не только рядовые казаки, но и военная казачья интеллигенция. В эту группу, насчитывавшую более 25 человек, вошли делегаты от фронтового и станичного трудового казачества, среди них И. Каширин, Ф. Шеметов, П. Федоринов. Оппозиционное крыло заявило, что «не следовало создавать розни, которую Дутов посеял между казаками и солдатами гарнизона, подрывать общение казаков с Советами»⁶⁰. Представители трудового казачества на круге решительно выступали против дутовской авантюры и требовали признания власти Совета Народных Комиссаров. Создание Оренбургского военного округа, давшее право Дутову объявлять всеобщую мобилизацию, распоряжаться всеми вооруженными силами губернии, встретило сильную оппозицию. Но поскольку демократически настроенная часть круга была слаба и недостаточно организована, атаману удалось добиться своей цели⁶¹. Острая борьба, развернувшаяся на круге, свидетельствовала о нежелании трудового казачества воевать против Советской власти.

Оренбургские станицы Городищенская, Татищевская, Белогорская и ряд других объявили себя нейтральными. 16 января 1918 г. на станичном собрании в Краснохолмской представители нейтральных станиц постановили: «Все оренбургское казачье войско не выступает против большевиков и реальных сил не дает, так как на Оренбургском фронте, прикрываясь маской трудового казачества, состоят только кадеты, юнкера и офицеры». Постановление резко осуждало Войсковое правительство и требовало от атамана заключить перемирие с большевиками. Дутовцы ответили репрессиями. «Ненадежный»

72

13-й казачий полк и другие были расформированы из-за опасения восстания их против контрреволюционного режима⁶². Рядовой состав был распущен по домам в надежде, что там они подвергнутся обработке в консервативном духе со стороны старшего поколения. Сообщая о происходящих в Оренбуржье событиях, «Правда» 11 января 1918 г. оценивала их как процесс революцио-низации казачества. Такая позиция бедняцко-середняцких слоев казачества не позволила дутовцам создать

сколько-нибудь значительные вооруженные силы против власти рабочих и крестьян.

Подняв открытый вооруженный мятеж против Советской власти, атаман Дутов сразу же столкнулся с трудностями мобилизации казачества. В момент объявления им 26 октября 1917 г. войны Советам почти все полки находились на фронте. На территории Оренбургского войска находилось лишь три запасных казачьих полка: один — в Оренбурге, два других — в Верхнеуральске и Троицке. Надежной опорой было лишь офицерство и личный состав Оренбургского казачьего училища. Из Москвы прибыл отряд переодетых офицеров в 120 человек. Дутов принимает отчаянные усилия к мобилизации всех своих сторонников на территории войска, начинает при поддержке эсеров и меньшевиков формировать отряды из буржуазной молодежи и монархистски настроенного чиновничества. В станицах дутовцы формируют дружины из стариков, малолеток и «неспособных» казаков. Гонцы-агитаторы доносили атаману, что казаки, особенно беднота и бывшие фронтовики, отказываются от участия в гражданской войне и велят атаману мириться с Советской властью. Когда в станице Сакмарской был получен приказ выставить на фронт 300 казаков, фронтовики повели агитацию против вступления в белую армию. На собрании, где присутствовали прибывшие в станицу представители Войскового правительства, пытавшиеся запугать казачество, было решено не давать ни одного казака⁶³. Белогвардейский генерал И. Г. Акулинин вынужден был признать, что мобилизация казачества шла с трудом. Об этом же пишет в своих воспоминаниях сторонник Дутова полковник Енборисов. На совещании представителей оренбургского казачества второго отдела раздавались голоса, призывавшие расстрелять всех золотопогонников⁶⁴. Эти откровенные признания бывших белогвардейцев говорят о классовой

73

вражде между казаками, подтверждают нежелание трудового казачества, и в первую очередь бедняцкого и фронтового, воевать против власти Советов.

Такую же позицию в отношении мятежа заняли и трудовые казаки Дона. На станичных сходах нередко принимались наказания делегатам Войскового круга следующего содержания: «Выразить недоверие и презрение атаману Каледину за преступный заговор и явное сопротивление народной власти»⁶⁵. Трудовое казачество Хоперского, Усть-Медведицкого, 2-го Донского округов отказалось от мобилизации, объявленной Калединым для борьбы против Советской власти. На состоявшемся в начале декабря 1917 г. в Новочеркасске 3-м Большом войсковом круге демократически настроенные делегаты фронтового и станичного казачества настаивали на мирном урегулировании отношений с правительством Совета Народных Комиссаров. По их инициативе в Петроград для ведения переговоров была

направлена делегация в составе двух казаков и одного крестьянина. В конце декабря делегацию круга и представителей 8-й Донской казачьей дивизии, находившихся в это время в столице, приняли Я. М. Свердлов и И. В. Сталин. Делегация заявила, что большинство рядового казачества настроено против Каледина и выступает за ликвидацию его власти собственными силами. Они получили разъяснения, что революционная война ведется не с трудовым казачеством, а с контрреволюционными силами, «мир с казаками, война с Калединым — таково требование революции»⁶⁶.

Проводя в жизнь ленинские установки по отношению к трудовым массам казачества, Советское правительство ускоряло их отход от калединовцев. В ноябре 1917 г. казаки 35, 39, 41, 44, 46-го и некоторых других казачьих полков отказались подчиниться власти Каледина и заявили о признании власти Советов⁶⁷. Наиболее быстро революционизировались казачьи пехотные части, которые формировались в основном из бедняцкого казачества. 31 декабря впервые казаки 3-го пешего батальона с оружием в руках перешли на сторону революционных войск. 30 декабря 1917 г. В. И. Ленин, проанализировав общее соотношение классовых сил на Дону, делает вывод, что «против Каледина стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону»⁶⁸.

74

Казачий комитет при ВЦИК, опираясь на передовое казачество, учитывая всевозрастающее недовольство станичников контрреволюционной политикой казачьих верхов, усиливает свою деятельность. 24 декабря 1917 г. на его заседании было юридически оформлено создание в Петрограде из революционно настроенных казаков-добровольцев «Отряда защиты прав трудового казачества» для борьбы с контрреволюцией в казачьих областях страны⁶⁹. Я. М. Свердлов, выступая на III Всероссийском съезде Советов с докладом о деятельности ВЦИК, отметил большие заслуги Казачьего комитета в борьбе против калединско-дутовской контрреволюции⁷⁰.

В результате работы, проведенной Коммунистической партией и Советским правительством, калединовцам не удалось вовлечь казачьи массы в борьбу против пролетарской революции. В их среде шел необратимый процесс размежевания. Вслед за станичной беднотой к концу 1917 — началу 1918 г. начинали поворачивать в сторону Советов и те слои среднего казачества, которые еще недавно придерживались нейтралитета. Ставка контрреволюции на «единое» казачество провалилась. Казаки не желали сражаться против рабоче-крестьянской власти, отказывались повиноваться атаманам и выполнять их боевые приказы⁸¹.

Борьба против южной контрреволюции обеспечивалась Совнаркомом необходимым количеством боевых сил. Только за один день, 6 декабря, СНК дал за подписью В. И. Ленина 31 распоряжение комиссарам железных

дорог о свободном пропуске эшелонов,двигающихся на Дон и Кубань для борьбы с контрреволюцией⁸².

Решающие бои по ликвидации калединщины начались в январе 1918 г. Опорной базой наступления революционных войск стал Донбасс, где тысячи шахтеров и металлистов взялись за оружие. На борьбу с Калединым в тылу поднялись рабочие Ростова и Таганрога, иногородняя и казачья беднота, революционно настроенные казаки-фронтовики. 10 января 1918 г. по инициативе большевиков в станице Каменской собрался съезд фронтового казачества. Объявив Войсковое правительство низложенным, съезд образовал Донской казачий военно-революционный комитет во главе с Ф. Г. Подтелковым и М. В. Кривошлыковым, который объявил войну калединцам⁸³. В. И. Ленин 13 января 1918 г. на

77

Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде, давая анализ событиям в Каменской, говорил, что «фронтовое казачество собрало свой съезд, потому что видит, что вокруг калединцев собираются офицеры, юнкера и сынки помещиков, которые недовольны тем, что в России власть переходит к Советам...»⁸⁴.

Учитывая сложившуюся обстановку, Антонов-Овсеенко отдал приказ революционным войскам о немедленном переходе в наступление против мятежников. Ожесточенные бои с белогвардейцами заканчивались освобождением станиц, рудников, городов. К концу января и на фронте, и внутри области власть Войскового правительства катастрофически падала. Казачьи части отказывались выполнять боевые приказы атамана и заявляли о признании Советской власти, многие казаки старались уклониться от активной борьбы с калединщиной и расходились по домам. Антонов-Овсеенко, характеризуя такую позицию, впоследствии писал: «Эти представители середняцкого казачества были настроены против казачьих верхов, хотели их свержения, но свои непосредственные чаяния стремились осуществить исключительно мирными путями»⁸⁵.

29 января Каледин на заседании Войскового правительства вынужден был заявить: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Борьба и сопротивление в дальнейшем бесцельны»⁸⁶. Убедившись в провале своей авантюры, Каледин застрелился. Однако его агонизирующие последыши продолжали сопротивление.

21 февраля В. И. Ленин потребовал: «Немедленно взять Ростов и Новочеркасск. Послать на это дело благонадежных петроградских красногвардейцев около 2000 человек». 23 февраля он снова телеграфирует: «Сегодня же во что бы то ни стало взять Ростов». 24 февраля был взят Ростов, 25 февраля — Новочеркасск. На Дону установилась Советская власть. В. И. Ленин, поздравляя революционные войска с победой, писал: «Наш горячий привет всем беззаветным борцам за

социализм, привет революционному казачеству»⁸⁷.

Под влиянием революционных перемен в стране и большевистской агитации шел процесс дальнейшего политического пробуждения казачьих масс Кубани. В январе 1918 г. большевики, опираясь на трудовые слои

78
крестьянства и казачества, устанавливают власть Советов в большинстве городов и станиц Кубанской области. Но в Екатеринодаре и ряде станиц еще господствовала Войсковая рада. Важным звеном в подготовке разгрома кубанской контрреволюции явилось совещание представителей Советов и ревкомов, созванное по инициативе екатеринодарских и новороссийских большевиков в станице Крымской 17 января 1918 г. Избранный Кубанский областной ВРК во главе с Я. В. Полуяном наметил план наступления на Екатеринодар. Однако первые бои революционных войск под Энемом и Афипской 20 и 22 января не увенчались успехом. Поражение убедило большевиков в необходимости привлечь казаков к активному выступлению против контрреволюции. Екатеринодарские большевики выехали в станицы Кубани для формирования отрядов Красной гвардии. В результате принятых мер численность красногвардейских отрядов к середине февраля 1918 г. достигла 22 тыс. человек⁸⁸.

Призывы большевиков повернуть оружие против Войсковой рады находили отклик среди трудовых казаков. Симптоматично откровенное донесение войскового старшины белогвардейца Чекасова, посланное им 6 марта 1918 г. краевому правительству: «Станица Афипская отказалась организовать сотни. Послал отряд привести к повиновению и отобрать оружие в станице Северской. Фронтовики взбунтовались, сняли все посты по линии железной дороги... и предполагают произвести насилие...»⁸⁹. Переход казачьих масс на сторону революционных сил определил поражение контрреволюции.

В первой половине марта началось второе наступление революционных войск на Екатеринодар. 14 марта город был освобожден. На всей территории Кубани и Причерноморья установилась Советская власть.

Важную роль в победе революции на Тереке сыграло создание терскими большевиками во главе с С. М. Кировым, С. Г. Буачидзе, М. Д. Орахелашвили в январе 1918 г. социалистического блока из всех демократических элементов. Эта тактика позволила большевикам предотвратить межнациональную войну, расколоть казачество и повести за собой его трудовую массу. Г. К. Орджоникидзе, оценивая тактику большевиков Терека, писал: «Только благодаря умелой политике наших товарищей, главным образом Кирова и Буачидзе,

79
удалось расстроить казацкую махинацию и не допустить объявления войны горцам»⁹⁰. Первый съезд народов Терека, состоявшийся в январе 1918 г. в Моздоке, поддержал большевиков и избрал Терский народный совет,

который объединил вокруг себя основную массу казачества. После съезда почти во всех станицах власть атаманов и станичных управлений была упразднена и вместо них избраны военно-революционные Советы или комитеты, в основном из казаков-фронтовиков⁹¹. Большевики, укрепляя союз рабочего класса с трудовыми слоями казачества, крестьянства и горского населения, созвали в Пятигорске второй съезд народов Терека, который 4 марта 1918 г. провозгласил установление Советской власти в области и образование Терской народной республики в составе РСФСР.

Одновременно с разгромом контрреволюции на Дону и Северном Кавказе происходила ликвидация дутовщины на Южном Урале. По указанию В. И. Ленина на борьбу против мятежников выступил из Петрограда отряд матросов и солдат численностью 1500 человек под командованием мичмана С. Д. Павлова, получивший название «Северный летучий отряд». Одновременно в районе Поволжья и Урала партийные организации формируют местные красногвардейские отряды, укрепляют их командный состав. 20 ноября 1917 г. в Челябинск вступил красногвардейский отряд под командованием В. К. Блюхера. Установление Советской власти в ноябре — декабре в Челябинске, Орске, Троицке имело огромное политическое и военно-стратегическое значение для развертывания борьбы против дутовцев в районе Оренбурга. 22 декабря 1917 г. революционные войска предприняли первое наступление на Оренбург, но, испытывая ряд трудностей, вынуждены были его прервать и отступить к Бузулуку.

В сложнейшей обстановке большевики Оренбуржья наряду с дальнейшим укреплением военных сил приняли также меры морально-политического воздействия на казачьи части, поддерживавшие Дутова. По станицам распространялись листовки, воззвания, газеты. Чрезвычайный комиссар СНК П. А. Кобозев специально обращается в Военно-революционный комитет Самары с просьбой немедленно прислать комплекты «Приволжской правды» для рассылки в станичные казачьи правления⁹².

80

Военные успехи Советского правительства на фронте, широкая большевистская агитация и пропаганда среди казачьих частей дают свои результаты. От мятежного атамана начали отходить втянутые путем обмана и провокации в контрреволюционный мятеж рядовые казаки. Атаман 3-го округа Токарев 10 декабря телеграфировал Дутову, что «разлагающее влияние большевиков в 3-м и 6-м полках с каждым днем возрастает: казаки на занятия не ходят, а митингуют. Командный состав парализуется». Атаман настаивал на расформировании полков. «Казачество ненадежно», — сообщалось из Верхнеуральска⁹³. В декабре 1917 — январе 1918 г. трудовое казачество отходит от Дутова. Недовольство их дутовской мобилизацией настолько велико, сообщал П. А. Кобозев Совету Народных

Комиссаров, что есть даже казачьи части, готовые в нужную минуту активно поддержать революционные войска⁹⁴.

В результате разложения дутовская армия к началу января не превышала 2 тыс. Надежды атамана на поддержку башкир, татар и казахов не оправдались. Буржуазным националистам не удалось оказать существенной помощи дутовскому мятежу, так как трудовые массы, постепенно уясняя смысл ленинской национальной политики, становились на сторону Советской власти. Создавались отряды, которые поворачивали оружие против Дутова. Один из таких отрядов возглавил А. Г. Джангильдин, назначенный 15 ноября СНК чрезвычайным областным военным комиссаром Тургайской области.

В середине января красногвардейские отряды под командованием С. Д. Павлова развернули решительное наступление на Оренбург. Их наступление явилось удобным моментом для восстания в городе, которое возглавил рабочий коммунист А. Е. Левашов. 18 января одновременным ударом с фронта и тыла Оренбург был освобожден. Дутов с небольшой группой казаков бежал в Верхнеуральск. 22 января 1918 г. В. И. Ленин в радиোগрамме «Всем, Всем» сообщал о победе над дутовщиной и переходе всей власти в руки Оренбургского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов⁹⁵. Усиливается массовое возвращение с фронта в Семиречье демобилизованных казаков, которые настраивали старожилов против сил контрреволюции. 11 января 1918 г. собрание казаков 3-й сотни 3-го Семиреченского полка приняло решение

81

не выполнять приказ Войскового совета о выступлении сотни в Пржевальск для «подавления беспорядков»⁹⁶.

Особенно активизировался процесс разложения вооруженных сил Войскового совета после возвращения в январе 1918 г. из Ирана в Семиречье 2-го Семиреченского казачьего полка. Впоследствии казаки полка писали в своих воспоминаниях, что во время их следования через Советский Туркестан многие из рядовых казаков сблизилась с местными рабочими, которые разъясняли им задачи Советской власти, снабжали большевистской литературой. Полк сдал оружие органам Советской власти и арестовал контрреволюционное командование. Революционное брожение охватило и другие казачьи части Семиречья. Общее собрание 6-го Оренбургского казачьего полка постановило признать Советскую власть и потребовало немедленного возвращения на родину. Войсковой совет был бессилён приостановить быстро назревавшее революционизирование трудового казачества. 2 марта 1918 г. на митинге 2-го Семиреченского казачьего полка по инициативе большевиков принимается решение о проведении вооруженного восстания и свержения Войскового совета. В тот же день в казармах 2-го полка создается штаб восстания. В ночь со 2 на 3 марта 1918 г. он, опираясь на казачьи части, красногвардейские

подразделения рабочих и солдат-фронтовиков, сверж белогвардейскую диктатуру Войскового совета. 5 марта в телеграмме СНК сообщалось об установлении в Семиречье Советской власти⁹⁷.

Установление Советской власти в казачьих областях Сибири также происходило при непосредственном участии прибывших с фронта революционно настроенных казачьих частей. Как справедливо заметил член Забайкальского комитета РСДРП А. А. Ширямов, власть Советов здесь «была установлена силой казачьих полков, прибывших с фронта»⁹⁸. Согласно приказу СНК от 14 декабря 1917 г. о демобилизации армии, с фронта должны были вернуться девять сибирских казачьих полков. Высказывались опасения, не получит ли контрреволюционный лагерь серьезное подкрепление, не направят ли казаки оружие против революции? Но агитация большевиков была настолько действенной, что опасения эти оказались напрасными. На пути следования казачьих частей на родину они во всех крупных городах проводили среди казаков большую

82

разъяснительную работу. В результате были сменены многие реакционные командиры, во главе казачьих отрядов вставляли преданные делу революции люди и принимались решения, требующие передачи власти Советам. Так, прибывшие 22 января 1918 г. на станцию Иннокентьевская казаки 2-го Читинского полка Забайкальского войска на общем собрании приняли постановление, направленное против контрреволюционной авантюры атамана Семенова и генерала Хорвата. Казаки решительно заявили, что они в союзе с рабочими, солдатами и трудовым крестьянством будут бороться за торжество власти Советов. Полковой комитет принял решение арестовать контрреволюционно настроенных офицеров полка и избрать новое командование. Командиром полка был избран Я. П. Жигалин, вступивший впоследствии в партию большевиков; политической работой в полку руководил большевик Д. С. Шилов⁹⁹. Из Иркутска полк немедленно отправился в Забайкалье для подавления мятежа Семенова. 18 февраля 1918 г. председатель Енисейского губисполкома большевик Г. С. Вейнбаум и представители казаков извещали В. И. Ленина: «Возвращающиеся с Кавказского фронта революционные части Забайкальского казачьего войска: 3-й Верхнеудинский и 2-й Аргунский полки и 2-я батарея 3-й бригады, признающие великие начала рабоче-крестьянской революции, собравшись на митинг с рабочими города Красноярска, шлют привет Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров и выражают свою готовность биться до последних сил за дело крестьян и рабочих, за социализм и за великую Российскую Республику Советов!»¹⁰⁰

Совет казачьих депутатов Сибирского войска во главе с большевиком Е. И. Полюдовым, опираясь на казаков-фронтовиков и станичную бедноту, 26 января 1918 г. арестовал в Омске членов Войсковой управы и заявил об

активной поддержке Советской власти сибирским казачеством ¹⁰¹. 16 февраля прибывшие в Читу революционные казачьи полки 1-й Забайкальской дивизии при поддержке рабочих, отстранив от власти меньшевистско-эсеровский «Народный совет», взяли в свои руки всю полноту власти в Забайкальской области. До созыва областного съезда трудящихся был образован Комитет советских организаций Забайкалья под

83
председательством большевика В. Н. Соколова. 20 февраля в Петроград на имя В. И. Ленина была послана телеграмма: «...Забайкальский Совет рабочих, казачьих и солдатских депутатов в полном контакте и содействии революционных казачьих войск, вернувшихся с фронта, взял всю полноту высшей революционной власти в области в свои руки...» ¹⁰²

На Дальнем Востоке основные массы трудового казачества, и в первую очередь казаки-фронтовики, также отошли от атаманов Гамова и Калмыкова и перешли на сторону революции. В Советской власти, защищавшей общие коренные интересы всех трудящихся, казаки видели избавительницу от империалистической войны, тяжелой воинской повинности и гнетущей опеки атаманов. Казаки амурского поселка Ново-Петровского 10 марта постановили: «Не находим нужным выступать против своего брата большевика». Дружественную позицию по отношению к Советской власти заняли казаки Николаевского и Волковского станичных округов. Красные казачьи отряды на Амуре создаются в станице Астраханской, в хуторах Игнатьевском, Грибском и ряде других. В приказе от 11 марта атаман Гамов признал: «Наш полк и батарея разбежались». Войсковое правление уссурийского казачества 19 марта констатировало факт «полного непризнания населением войска власти Войскового правительства, выразившегося в неисполнении приказа о частичной мобилизации» ¹⁰³. Большая часть среднего казачества заняла нейтральную позицию; другая его часть вместе со станичной беднотой активно выступила на стороне Советской власти, что и предопределило провал гамовско-калмыковского мятежа.

В. И. Ленин, говоря о своеобразии первого этапа гражданской войны в некоторых великорусских частях России, в частности в казачьих областях, где ввиду особого состава населения «Советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы», подчеркивал, что силы контрреволюции и здесь оказались ничтожными, так как большинство казачества «сознательно, твердо и решительно перешло на сторону большевиков» ¹⁰⁴. Калединские контрреволюционные мятежи шли «вразрез с интересами и требованиями громадного большинства трудового казачества...» ¹⁰⁵. Главная причина поражения белоказачьих мятежей,

84

несомненно, заключалась в узости ее социальной базы, в антинародном, антисоветском характере деятельности.

Отмечая причины быстрого разгрома контрреволюционных выступлений казачьих атаманов в период триумфального шествия Советской власти, В. И. Ленин указывал, что на данном этапе основная масса трудового казачества перешла на сторону Советов. Такой поворот объяснялся тем, что трудовые слои казаков, отягощенные рядом повинностей полуфеодалного характера, не могли не поддержать общедемократические требования, проводимые в ходе социалистической революции¹⁰⁶. Рабочий класс, руководимый партией Ленина, дал народу мир и землю и быстро завоевал на свою сторону большинство непролетарских слоев населения, в том числе и трудового казачества. Одним из мощных факторов воздействия на казачьи массы явилась большевистская агитация, которая ускоряла переход рядовых казаков на сторону власти Советов. Борьба с противниками Советской власти, писал В. И. Ленин, «соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти»¹⁰⁷.

Разгром контрреволюционных мятежей атаманов создал условия для распространения и упрочения Советской власти в казачьих областях страны.

Глава III

РАЗВИТИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КАЗАЧЬИХ РЕГИОНАХ.

НОВЫЙ ЭТАП КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Установление власти Советов в казачьих областях

В тяжелейших условиях экономической разрухи и острой классовой борьбы партия и правительство молодой Республики Советов приступили к созданию органов Советской власти, проведению коренных социально-экономических преобразований в казачьих областях. Для сплочения революционных сил казачества, рабочего класса и крестьянства необходимо было в кратчайшие сроки ликвидировать особые казачьи органы власти (Войсковой круг, раду, станичные и хуторские правления), с помощью которых атаманско-генеральские круги разжигали сословную рознь. В конце января 1918 г. председатель Донского казачьего областного ВРК Ф. Г. Подтелков, говоря о будущей реорганизации власти в области, особенно подчеркнул, что Большой войсковой круг не будет созван, а будет созван съезд от всего населения. «Только тогда, — сказал он, — казаки поймут, кто враги, а кто защитники трудового казачества»¹. Донской областной ВРК, возглавляемый большевиком П. Жуком, 26 февраля обратился к трудящимся области с манифестом о повсеместном создании

Советов².

В свою очередь Оренбургский военно-революционный комитет в воззвании к трудовому казачеству писал 6 февраля: «Мы, сознательные рабочие и солдаты, будем бороться с буржуазией до последней капли крови за власть Советов рабочих и солдатских депутатов и призываем вас, товарищи казаки, присоединиться к нам и поддержать нас в этой борьбе»³. Разъясняя декреты II Всероссийского съезда Советов о земле, мире, образовании рабоче-крестьянского правительства, ВРК. призвал казаков идти за партией большевиков, поддержать ее усилия по строительству власти Советов в казачьих областях.

Органами Советской власти заранее были разработаны положения о выборах в местные Советы. С их содержанием представители трудового

86
казачества ознакомились в феврале — марте на специальных совещаниях. Созыву окружных и отдельных съездов Советов предшествовала кропотливая работа организационных комиссий во главе с опытными большевиками, созданных военно-революционными комитетами казачьих областей. Задачи, стоящие перед ними, были сложными и трудоемкими. Главное, необходимо было донести до казаков самых отдаленных станиц и хуторов правду о Программе РСДРП (б), ознакомить казачество с целями Советской власти, структурой ее органов.

Передовые и редакционные статьи центральных и местных газет разъясняли политику Коммунистической партии по отношению к казачеству.

Для укрепления связей с бедняцко-середняцкими слоями казачества большевики казачьих областей использовали такую форму работы, как предварительное совещание. Одно из первых совещаний состоялось в Челябинске 26—28 декабря 1917 г. По классовому составу оно не было однородным, но большинство участников совещания представляли трудовые слои казачества. Тактика большевистской фракции, рассчитанная на изоляцию кулацких элементов казачества, достигла цели. Совещание большинством голосов приняло большевистскую резолюцию, которая требовала создания самостоятельного Совета казачьих депутатов, Участники совещания заявили: «Мы не знаем, куда нас ведет наше начальство: если за капиталистами, в защиту их интересов, то за ними мы никогда не пойдем. Место наше рядом с крестьянами и рабочими. Советы рабочих и солдатских депутатов признаем как власть большинства народа»⁴. В конце февраля предварительное совещание казаков и крестьян Троицкого уезда призвало казаков организовать на местах взамен станичных и поселковых управ станичные и поселковые Советы. Материалы Троицкого уездного съезда Советов, состоявшегося 14—15 марта, весьма показательны. В его резолюции говорилось об оказании продовольственной помощи голодающим рабочим центра.

Процесс роста политического сознания трудового казачества был повсеместен и неуклонен. Казачья секция второго Челябинского уездного съезда крестьянских и казачьих депутатов, проходившего 15 февраля 1918 г., приняла постановление о поддержке Советской власти и призвала трудовое казачество «к организованной, сплоченной товарищеской

87

работе по переустройству всего общества на социалистических началах»⁵. Партийная организация Оренбурга, учитывая сословную замкнутость казачества и его традиции, а также оживление дутовщины, сочла необходимым созвать особый уездный съезд Советов казачьих делегатов 1-го Оренбургского округа. Съезд проходил 19—23 февраля 1918 г. Избранный им исполнительный комитет уездного Совета казачьих депутатов из девяти человек должен был работать в тесном взаимодействии с Советом рабочих и солдатских депутатов под руководством ВРК. Съезд постановил прекратить выпуск контрреволюционного «Оренбургского казачьего вестника». Из состава съезда была выделена редакционная комиссия, которая осуществила издание газеты «Казачья правда» — органа Совета казачьих депутатов⁶.

Для укрепления союза рабочего класса и крестьянства с трудовыми казаками партийные организации казачьих областей направляют в станицы опытных большевистских агитаторов. Выступая на станичных сходах, они разоблачали офицерско-кулацкую тактику «нейтралитета», рассчитанную на отрыв казачества от рабочего класса и крестьянства; разъясняли, что для борьбы против капиталистов, помещиков и верхушки казачества необходимо сплочение трудящихся крестьян и казаков вокруг рабочего класса и укрепление Советов как органов диктатуры пролетариата.

Под руководством большевиков на местах проходят собрания, на которых принимаются большевистские резолюции. «Наши задачи, — говорилось в одном из обращений, — создать на месте крепкую сильную власть в лице Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов... Мы, трудовое казачество... не можем равнодушно относиться к происходящей классовой борьбе и поэтому от всяких нейтралитетов отказываемся»⁷. Трудовые казаки Павловской, Оренбургской, Перовской, Александровской и других оренбургских станиц избрали станичные Советы, приняли на общих собраниях резолюции о признании Совнаркома РСФСР как подлинно народной власти. Два дня продолжалось общее собрание казаков донской станицы Филипповской по выборам в Совет. Против агитаторов-большевиков, вспоминает бывший член агитационного отряда Д. И. Рябышев, выступили офицеры, ратовавшие за мобилизацию казаков в белогвардейские отряды. Однако бедняцко-середняцкие слои станичников

88

пошли за большевиками, и Совет был избран. «Сразу же после собрания, — рассказывает Д. И. Рябышев, — я выехал в станицу Ново-Ефремовскую. Но

там мне дела не оказалось: казаки-фронтовики под руководством казака Маркина уже прогнали атамана и выбрали Совет»⁸.

Революционным ядром многих станичных и хуторских Советов Усть-Медведицкого округа стали казаки 32-го Донского казачьего полка. Руководил этой работой командир полка Ф. К. Миронов. В станице Платовской и близлежащих хуторах организаторами Советов стали С. М. Буденный и О. И. Городовиков. В течение февраля—марта 1918 г. Советы были созданы во многих станицах и округах Донской области. Трудящиеся крестьяне и казаки приветствовали установление Советской власти на Дону. Бедняцко-середняцкие слои станицы Цимлянской 14 марта направили В. И. Ленину телеграмму о признании власти Советов. Горячо приветствовали ее установление в станицах Константиновской, Богоявленской, Золотовской, Ольгинской, Владимирской и др.⁹

Фронтовики активно участвовали в организации Советов во всех казачьих областях. 4 февраля общее собрание казаков сибирской станицы Ямышевской постановило признать Советскую власть и направить делегатами в Павлодарский Совет фронтовиков. Казаки 3-го взвода Семиреченского гвардейского казачьего полка, прибывшие с фронта, писали 28 февраля 1918 г.: «От души приветствуем товарищей, положивших начало Советской власти. И мы всецело присоединяемся к вам в борьбе за народ». По их инициативе казаки станицы Каркалинской направили своих делегатов для организации уездного Совета¹⁰.

Казаки-фронтовики 1-го Аргунского, 2-го Верхнеудинского, 2-го Нерчинского забайкальских полков и 3-й батареи на собрании 15 февраля 1918 г. приняли резолюцию, признававшую, что «только Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов могут вести революцию дальше до победного конца»¹¹. В Гусиноозерской, Кадаринской, Цаган-Усунской и в ряде других станиц Забайкалья руководителями Советов были избраны вернувшиеся с фронта казаки. На третий областной съезд рабочих, крестьян и казаков Забайкалья (27 марта — 4 апреля) казачество прислало преимущественно фронтовиков — сторонников слияния с рабочими и крестьянами в единых Советах. В областной исполком казачья секция избрала

89

большевиков, левых эсеров и сочувствующих. Абсолютное большинство голосов было подано за упразднение казачьего сословия, его войсковых учреждений, призвало слиться со всем трудовым населением России¹². Аналогичные процессы совершались в станицах амурских и уссурийских казаков. 31 марта 1918 г. пятый круг Амурского казачьего войска принял решение об упразднении казачьего сословия и указал, что единственной властью должны быть Совдепы. В начале апреля 1918 г. шестой круг Уссурийского казачьего войска по инициативе фронтовиков и станичной бедноты объявил об отстранении от власти атамана Калмыкова и распустил

Войсковое правление. Был избран временный Совет войска, который постановил «объединиться с крестьянами Приморской области»¹³. Пятый Амурский и четвертый Приморский съезды Советов, состоявшиеся в апреле 1918 г., проходили как объединенные съезды крестьян и казаков. В станицах Сибирского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск создавались низовые Советы (исполкомы).

Утверждая Советскую власть, трудовое казачество объединялось с рабочими и крестьянами. Это проявилось в созыве рабоче-крестьянско-казачьих и крестьянско-казачьих съездов, в организации объединенных исполкомов и Советов. Казачество было представлено на II Всесибирском (16—26 февраля 1918 г.) и IV Дальневосточном (8—14 апреля 1918 г.) съездах Советов, которые подвели итоги триумфального шествия Советской власти на далекой окраине страны.

Однако нельзя преувеличивать глубину перемен в настроениях трудового казачества. И хотя позиции офицерско-кулацких кругов среди казачества азиатской части России оказались слабее, чем в Донском, Кубанском и других войсках, Советскую власть и здесь поддержала в основном казачья беднота. Среднее казачество все еще продолжало колебаться. Не всегда казаки, даже признав Советскую власть, проводили в жизнь ее принципы, не торопились с ликвидацией земств или под предлогом «нейтралитета» воздерживались от создания органов новой власти¹⁴. Газета «Центросибирь», обобщая поступавшие из станиц Забайкалья материалы, писала: «Враги распространяют слухи, что Советы отберут все казацкое состояние: хлеб, скот, землю. Запуганный казак не в состоянии разобраться, где кончается правда и начинается

90

ложь»¹⁵. Не было у трудового казачества и единства по вопросу о расказачивании. Многих пугала перспектива уравнительного передела земли с крестьянами. Сказывались сословные традиции и предрассудки казаков. Часть обманутого середняцкого казачества пошла за Семеновым. Используя темноту отсталых слоев казачества, кулаки, офицеры, меньшевики и эсеры проникли в некоторые Советы станиц и хуторов, откуда вели подрывную работу среди казаков. В станице Дурновской на Дону в Совет не прошел ни один фронтовик, засевшие в нем каледины не признавали декретов Советской власти и приказов Хоперского ВРК. Подобное положение сложилось и в ряде других станиц¹⁶. В Челябинске на первом уездном съезде Советов (14—16 января 1918 г.) часть делегатов открыто поддержала атамана Дутова. Многие станичные сходы, состоявшиеся перед съездом, высказались за одновременное существование власти Учредительного собрания и Советов¹⁷.

26 марта 1918 г. СНК Донской советской республики в специальном распоряжении местным Советам и ревкомам предостерегал их от

проникновения контрреволюционеров в советские органы. 31 марта народный комиссар по делам управления Донской республики М. В. Кривошлыков подписал приказ № 1, в котором говорилось: «Старые правительственные учреждения, пропитанные чиновничьим духом, не должны существовать»¹⁸. Для их ликвидации при местных Советах создавались специальные комиссии, которые решали вопросы передачи дел этих учреждений Советам.

Съезды казачьих отделов Кубанского войска, провозглашая зимой 1918 г. передачу всей власти Советам, в своих постановлениях специально подчеркивали: «Должности атаманов, их помощников и сборы упраздняются, как не отвечающие требованиям жизни. Канцелярии станичных, сельских и хуторских и прочих административных правлений со всеми делами и архивами переходят в ведение Советов народных депутатов»¹⁹.

Большую помощь большевикам казачьих регионов страны в создании и укреплении органов Советской власти, в проведении социалистических преобразований оказывали ЦК РКП (б) и СНК во главе с В. И. Лениным. По указанию Совнаркома Казачий комитет при ВЦИК направил в январе—феврале 1918 г. только на Дон и Кубань более 100 агитаторов из сформированного в Петрограде

91

«Отряда защиты прав трудового казачества»²⁰. Вместе с казачьей беднотой и фронтовиками агитаторы добивались устранения представителей старой власти, разоблачали попытки офицерско-кулацких кругов использовать Советы в контрреволюционных целях.

Однако во многих отдаленных станицах и хуторах в период установления Советской власти все дела продолжали вершить атаманы и офицеры. Руководитель Хоперской окружной организации большевиков А. М. Селиверстов в анкете делегата VII съезда РКП (б) на вопрос о создании Советов в округе написал, что Совет рабочих депутатов образован в окружной станице Урюпинской, Советы крестьянских депутатов созданы во всех волостях и станицах, а Советы казачьих депутатов организованы лишь кое-где²¹. Сословная замкнутость казачества тормозила политический и классовый раскол в его среде, что осложняло советское строительство в казачьих областях страны.

Первые аграрные преобразования в станице

Вооруженная открытая интервенция империалистов Антанты весной 1918 г. явилась сигналом к активизации контрреволюции внутри Советской страны. Кулачество и казачья верхушка, оказывая упорное сопротивление разворачиванию социалистической революции в деревне и станице, стремились лишить пролетарские центры хлеба, чтобы задушить

революцию голодом.

В условиях обострившейся гражданской войны в деятельности партийных и советских организаций казачьих областей особое значение приобретает проведение четкой классовой политики по отношению к казачеству в аграрном вопросе. Особенности социально-экономического развития казачьих регионов состояли в том, что здесь задачи буржуазно-демократического этапа аграрной революции были иными, чем в районах помещичьего землевладения. В центре России крестьянство осуществляло уравнительное землепользование «как отнятие земли у помещиков, но не как уравнивание отдельных хозяев»²². На Дону, Кубани, Южном Урале, в Забайкалье требование уравнительного землепользования выражало стремление малоземельных иногородних и коренных крестьян добиться уравнивания с казаками. Упразднить сословные

92

перегородки, ликвидировать земельные привилегии казачества оказалось намного труднее, чем конфисковать частновладельческие, церковные и монастырские земли. Если частное землевладение подлежало немедленному революционному уничтожению, то успешно ликвидировать сословное землепользование можно было только посредством постепенной и как можно более безболезненной его перестройки. Предстояло в соответствии с Декретом о земле и Основным законом о социализации земли учесть сложное переплетение классовых и сословных противоречий в казачьих станицах и хуторах и выработать такие практические меры решения аграрного вопроса, которые бы соответствовали интересам трудового крестьянства и казачества. В. И. Ленин 28 февраля 1918 г. телеграфировал В. А. Антонову-Овсенко в Ростов: «...Пусть полномочный съезд городских и сельских Советов всей Донской области выработает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше»²³.

Выполняя указания В. И. Ленина, местные Советы и ревкомы, опираясь на крестьянскую и казачью бедноту, приступили к проведению аграрных преобразований. При обсуждении вопроса о переустройстве земельных отношений на областных и окружных съездах, на сельских и на станичных сходах ярко проявились позиции различных слоев казачества и крестьянства. Кулачество стремилось использовать конфискацию частновладельческих земель в своих интересах, присваивая себе помещичьи земли, инвентарь и скот. Кулацкие элементы рьяно выступали против уравнительного передела земель²⁴. «Земля Сибирского войска, — говорилось в постановлении схода казаков станицы Солянской, принятом под влиянием агитации кулаков, — остается в пользовании казачьего населения. А поэтому в распоряжение земель посторонние вмешиваться не должны»²⁵.

Проводимые весной 1918 г. в казачьих областях аграрные

преобразования носили в основном общедемократический характер, так как конфискации подверглись крупные частновладельческие земли и земли войскового запаса. Крестьянская и казачья беднота с одобрением встретила эти мероприятия. Советы и ревкомы Дона, в первую очередь крестьянских округов (Таганрогского, Ростовского, Донецкого), приступили к аграрным преобразованиям. Таганрогский окружной съезд Советов

93

обязал исполком распределить частновладельческие земли на началах уравнительного пользования. Аналогичные постановления принимались станичными, волостными и сельскими Советами. Весной 1918 г. и в Сальском округе под руководством земотдела, возглавляемого С. М. Буденным, началась национализация земель коннозаводчиков и помещиков²⁶.

Однако в ряде многоземельных низовых станиц, таких, как Манычская, Заплавская, Богаевская, где у власти еще оставались атаманы, ничего не было сделано в области земельной политики. Середняцкое казачество этих станиц особенно настороженно отнеслось к аграрным преобразованиям Советской власти, оно желало сохранить в неприкосновенности принадлежавшие ему паевые наделы. Казаки-середняки, сравнительно обеспеченные землей, не были заинтересованы в ее уравнительном распределении. Если в вопросе о власти у середняцкого казачества, как наиболее типичного представителя мелкой буржуазии, верх брали рассудок, революционные способности труженика, то в вопросе о земле у него сильнее сказывались предрассудки, «реакционные вожеления хозяйчика, желающего «получить, а не отдать»»²⁷. В деяниях Советской власти казаки усматривали угрозу их сословным привилегиям. Характеризуя эту позицию казачьего середняка, К. А. Хмелевский отметил, что, «соглашаясь в ряде случаев на передачу крестьянам части войсковых запасных земель, казаки ревниво отстаивали неприкосновенность станичных юртов»²⁸. «В хуторах, — вспоминал С. М. Буденный, — были и сторонники и противники Советской власти. Одно случайно сорвавшееся слово могло привести к неприятным осложнениям, а то и к драке... Некоторые казаки, как только речь заходила о наделе иногородних земель, говорили: «Мы не против Советов, а земельку нашу не трожь — не вами дадена»²⁹.

От коммунистов Дона, Кубани, Терека, Южного Урала, Сибири, Дальнего Востока требовались большое умение и политический такт, чтобы, направляя деятельность местных Советов по осуществлению первых аграрных преобразований, не ущемить интересов средних слоев казачества, не столкнуть их в лагерь контрреволюции. Как же решалась эта сложная проблема на местах? Вопрос о путях реализации советского аграрного законодательства обсуждался на первом Оренбургском губернском съезде Советов, состоявшемся 12—23 марта. Делегаты

трудового крестьянства и казачества на съезде требовали немедленной конфискации частновладельческих имений. Делегат станицы Павловской привез наказ от своих станичников, в котором говорилось: «Настаиваем на немедленном проведении в жизнь земельной реформы и передаче земли, живого и мертвого инвентаря и построек, принадлежащих помещикам, монастырям, церкви и прочим лицам, не обрабатывающим землю личным трудом, — в руки трудового населения»³⁰. Наказ бедняцко-середняцких слоев станицы Рассыпной требовал «офицерские участки, как отнятые у трудового казачества произволом старого режима» вернуть в пользование трудовых казаков. С такими же требованиями на съезде выступил и делегат Никольской станицы³¹. Малоземельные крестьяне требовали уравнительного передела земли с казаками. Однако любая попытка урезать земли казаков могла вызвать недовольство средних слоев казачества. Съезд одобрил аграрную политику Советской власти и постановил: впредь до окончательного землеустройства войсковые запасные, а также офицерские, церковные и монастырские земли конфисковать и передать в распоряжение местных Советов и земельных комитетов, которые должны распределить их между трудящимися крестьянами и казаками на уравнильно-трудовых началах³². На территории Оренбургского казачьего войска в марте—апреле 1918 г. по решению первого губернского съезда Советов трудящимся крестьянам и казакам было передано 879922,1 дес. офицерских, церковных и монастырских земель, а также около 400 тыс. дес. пахотной земли и свыше 400 тыс. дес. сенокосных угодий войскового запаса³³. За казаками-середняками сохранялись прежние наделы, хотя земли у них было значительно больше, чем у крестьян. Отступление от принципа уравнительного землепользования в данном случае было уступкой мелкобуржуазным слоям казачьего населения.

Столь же реалистично подошел к вопросу о землепользовании Омский облисполком. В категорической форме вменялось в обязанность всем волостным и станичным исполкомам не допускать никаких самовольных действий в отношении наделных земель трудового казачества. Для улаживания споров и столкновений на почве раздела земли между крестьянами и казаками уездные Советы командировали в станицы членов исполкомов и коммунистов. Председатель Омского облисполкома Н. Ишмаев на одном из заседаний говорил: «Руководство казачьим движением не идет в контакте с нами, поэтому надо действовать осторожно, стремиться к объединению с трудовым казачеством, парализуя влияние зажиточного слоя»³⁴.

Третий съезд рабочих, крестьян и казаков Забайкалья обязал земельные отделы Советов «приступить к проведению в жизнь Основного закона о

социализации земли, сообразуясь с местными условиями». Разработку потребительско-трудовых норм землепользования съезд признал необходимым вести порайонно. Учитывая угрозу весеннего недосева 1918 г., Советы Забайкалья приняли решение не проводить перераспределения казачьих земель на началах уравнилельно-трудового пользования. Забайкальский комиссариат земледелия обратился к крестьянам и казакам со специальным призывом: «Пусть все — бедный и богатый — обсеменяют свои поля и возможно больше производят посевов... Нужно обеспечить область своим хлебом. Беритесь же все — старый и малый, бедный и богатый — за соху и плуг и спокойно засевайте свои поля»³⁵. Классовые принципы аграрной политики Советской власти оставались неизменными. Как предусматривалось решениями уездных Советов, продотделы должны были осенью 1918 г. взять у кулацких элементов излишек урожая сверх трудовой нормы. Летом 1918 г. Забайкальский облисполком в связи с увеличением случаев самовольных захватов земли и инвентаря одной группой населения у другой принял постановление, в котором призывал крестьян и казаков «стремиться к сохранению внутреннего мира и порядка». Виновные в самовольных захватах должны были «привлекаться как контрреволюционеры к суду революционных трибуналов и наказываться по законам военно-революционного времени»³⁶. 6 июня 1918 г. Семиреченский облисполком принял решение конфисковать пенсионные земли Семиреченского войска, переданные казачьим офицерам и их семьям в частное потомственное владение. Вместе с пенсионными землями конфисковывались находившиеся на них жилые и хозяйственные постройки, а также живой и мертвый инвентарь³⁷. 26 июня 1918 г. Комиссариат земледелия Амурской области постановил конфисковать отвод Духовского, являвшийся войсковым земельным запасом амурского казачества, и передать его в ведение земельных комитетов для распределения среди нуждающихся

96

казаков и крестьян. Предоставляя трудящимся деревень и станиц право решать вопросы внутрисельских земельных переделов, Дальсовнарком в своем воззвании предупреждал их быть весьма осмотрительными и не допускать «недоразумений между крестьянами и казаками, впредь до установления новых границ между поселениями... воздержаться от захватов земли и сенокосных площадей одним селением у другого»³⁸. На Кубани и Тереке весной 1918 г. разделу также подверглись в первую очередь крупные частновладельческие земли.

Начальный этап аграрных преобразований в казачьих регионах страны проводился на общедемократической основе. Советы наделяли землей бедняцкое крестьянство и казачество за счет конфискации церковных, монастырских, крупных частновладельческих и войсковых запасных земель. На первом этапе аграрной революции общедемократическая борьба

становилась прологом борьбы социалистической, так как для перестройки сословного землепользования казачества и уравнивания его с остальной массой сельского населения встал вопрос о судьбе войсковых земель. Ликвидация надельных земель означала бы не только уравнивание в земельных правах казачества и иногородних, но и экономическое ущемление офицерско-кулацких кругов. Кулацкая часть казачества и крестьянства осознавала, что дальнейшее укрепление Советской власти неминуемо нанесет сокрушительные удары их экономическому потенциалу. Уже весной 1918 г. казачьи верхи и примкнувшие к ним кулаки-иногородние открыто выступили против Советской власти.

Контрреволюционные силы, весьма умело используя лозунг борьбы за земельные и сословные привилегии казаков, смогли увлечь в свои ряды одурманенную массу трудового казачества. Сравнительно обеспеченные землей казаки, поддавшись белогвардейской агитации, выражали опасение, что Советская власть отберет у них земли в пользу иногородних. Военно-сословная организация всей казачьей жизни, обстановка муштры позволили атаманско-офицерским кругам временно повести за собой многих рядовых казаков. «Несчастье казачества в том и заключалось,— писал А. И. Микоян,— что разбитые наголову помещики и капиталисты, дворяне и министры, банкиры и заводчики сумели, опираясь на верхи казачества, на генералов и офицеров, повести за собой

97

большинство казачества, в том числе и многих трудовых казаков»³⁹. Сословные распри сыграли существенную роль в разжигании гражданской войны в казачьих регионах страны.

В апреле 1918 г. на Дону в разных округах почти одновременно вспыхнули антисоветские мятежи. Газета «Донские известия», характеризуя положение в Черкасском округе, сообщала, что контрреволюционные выступления казаков начались здесь 1—2 апреля. Советы повсюду, вплоть до станицы Константиновской, были упразднены, их место заняли коменданты, назначенные контрреволюционными отрядами. Значительных размеров контрреволюционное движение достигло и во 2-м Донском округе. Его центром стала станица Нижне-Чирская. В станицах Раздорской, Етереевской, Есауловской вместо разгромленных Советов были избраны атаманы⁴⁰. В конце апреля отряды восставших станиц были сведены в три группы. Впоследствии они составили ядро Донской белоказачьей армии. Весьма характерно, что активными участниками мятежа являлись казаки таких станиц, как Нижне-Чирская, Цимлянская, Манычская, Раздорская, которые имели наделы до 30 и выше десятин земли в среднем на хозяйство. Здесь прослойка зажиточных, кулацких хозяйств была наиболее многочисленной и влиятельной.

В то же время поднять в апреле 1918 г. трудовое казачество против

Советской власти в крестьянских (Ростовском, Донецком, Таганрогском) и северных (Хоперском, Усть-Медведицком) округах, где сословные антагонизмы проявлялись слабее, чем в «низовых» богатых станицах, мятежникам не удалось. Белогвардейская газета «Донской край» злобно констатировала: «Хоперское казачество, наполовину омужиченное, пропитанное «товарищескими» стремлениями... крепко стояло за власть Советов»⁴¹.

Весной 1918 г. на Южном Урале дутовцы, используя глухое недовольство трудового казачества (в первую очередь его средних слоев) продовольственной политикой, подняли его на вооруженную борьбу против Советской власти. Опираясь на кулацкое и зажиточное середняцкое казачество, атаман делает новые попытки свержения Советской власти в Оренбуржье. В феврале — марте дутовцам удалось захватить большую часть 2-го округа с центром в Верхнеуральске. Как и в ноябре

98

1917 г., контрреволюционеры пытались отрезать Сибирь и Среднюю Азию от центра страны.

Пытаясь сорвать заготовку хлеба для голодающего Туркестана, дутовские банды в конце марта в станице Ветлянской уничтожили продотряд во главе с председателем Соль-Илецкого Совета П. А. Персияновым. Этот отряд проводил заготовку хлеба в районе Илецкой Защиты, где находились богатые низовые станицы 1-го округа. Хлеб отсюда, как стало известно, отправлялся Дутову. В ходе его реквизиции некоторые продотрядовцы нарушили революционную дисциплину, оказали давление на трудовых казаков⁴². Офицерско-кулацкие круги, воспользовавшись этим поводом, призвали казачье население к «защите родных станиц от Советов». Намеренно спровоцировав зверскую расправу над отрядом, контрреволюционеры рассчитывали, с одной стороны, сделать трудовых казаков соучастниками борьбы с Советской властью, с другой — восстановить рабочих Оренбуржья против казачества в целом.

Для подавления мятежа в Оренбурге создается отряд красногвардейцев из 300 человек. Им командовал председатель губисполкома С. М. Цвиллинг. 2 апреля отряд вошел в станицу Изобильную, где на него внезапно напали превосходящие силы белогвардейцев. В неравном бою погибли почти все красногвардейцы вместе с командиром.

В ночь на 4 апреля белоказачье командование организовало бандитский набег на Оренбург. В городе почти не было вооруженных сил. Напав на спящих красногвардейцев, дутовцы зарубили 129 человек. Но уже днем рабочие выбили из города белогвардейские банды. По плану дутовского командования набег на Оренбург должен был явиться сигналом для одновременного выступления всех казачьих станиц против Советской власти. Но план этот полностью осуществить не удалось из-за упорного сопротивления фронтовиков и бедняцкой части казачества.

Казаков станицы Нежинской заставили выступить под угрозой расправы. Станицу Островную принудили к выступлению жестокими избиениями бедноты. Упорное сопротивление дутовцам было оказано и в ряде других станиц. Даже те станицы, казаки которых принимали участие в набеге, выступили одновременно. О нежелании казачества вести борьбу против Советской

99

власти сообщал член губисполкома А. А. Коростелев. «Молодежь, фронтовики, они были с нами»⁴³, — писал он. Так, во время налета на Оренбург в станице Нежинской члены Оренбургского казачьего исполкома Галин и Лызлов проводили агитационную работу. Ворвавшиеся в станицу дутовцы арестовали их. На другой день на пути из Оренбурга белоказаки вновь оказались в Нежинской. Они решили расстрелять агитаторов, но неожиданно для них казаки станицы, в основном молодежь, оказали сопротивление и не только отстояли большевиков, но и арестовали подполковника Корчакова и старшину Лукина — главарей набег на Оренбург. Под конвоем казаков-бедняков те были доставлены в штаб Красной гвардии и расстреляны⁴⁴.

Губернский военно-революционный штаб предъявил казачьим станицам ультиматум: немедленно выдать зачинщиков контрреволюционных действий, сдать все оружие и боеприпасы. В короткий срок под руководством большевиков красногвардейские отряды с помощью трудового казачества очистили от мятежников все близлежащие станицы. Население станиц Алексеевской, Благословенной, Ветлянской, Вязовской, Донецкой, Донгузской, Зубочистинской 1-й, Каменно-Озерной, Павловской и многих других направило в военно-революционный штаб свои делегации с заявлением о согласии сдать оружие и выдать руководителей белоказачьих отрядов⁴⁵. С помощью трудового казачества организаторы контрреволюционного набег были схвачены и приговорены к расстрелу. Для оказания помощи партийным и советским организациям в проведении разъяснительной работы среди казаков Оренбургского войска Казачий комитет при ВЦИК командировал туда Афиногенова и Тарасова. В одной из своих корреспонденций Тарасов рассказал об опыте борьбы против казачьих верхов казаков Троицкого округа, которые сами арестовали ряд офицеров и попов за антисоветскую агитацию⁴⁶.

События весны 1918 г. ориентировали оренбургских большевиков в их работе с казаками-фронтовиками. В тех условиях, насыщенных острыми конфликтами, большевики выбрали такую форму политической работы с фронтовиками, как съезд. Повестка дня съездов включала доклады о международном и внутреннем положении страны, о строительстве Красной Армии, об отношении Советской власти к казачеству и т. д. Такая

100

программа будила революционную инициативу фронтовиков, готовила из

них проводников политики Коммунистической партии среди трудового казачества. Первый съезд казаков-фронтовиков Троицка и Челябинска состоялся 5—6 марта, второй — 7—11 апреля. В Оренбургском округе эту работу начали несколько позднее. Съезд фронтовиков 1-го округа открылся 6 мая 1918 г. Протоколы первого съезда казаков-фронтовиков 3-го округа свидетельствуют, что Троицкая уездная парторганизация во главе с Я. Аппельбаумом, А. Ивановым, М. Васильевым провела глубокую разъяснительную работу: были разоблачены измышления относительно причин заключения мира с Германией; высказан категорический протест против действий дутовского войскового правительства, распоряжения которого признаны недействительными.

Съезд приветствовал власть СНК, призвал казаков к созданию местных Советов и окончательному разгрому дутовских банд⁴⁷. По инициативе Оренбургского губкома второй съезд казаков-фронтовиков принял решение о создании добровольческих красноказачьих отрядов, «без которых покончить с контрреволюцией невозможно». Настроение фронтовиков по вопросу о создании Красной казачьей армии красноречиво высказано в одной из корреспонденций, написанной молодым казаком: «Армия нам необходима — это защита от внешних врагов. Если придет враг внешний, буду биться с ним до смерти, если Дутов попадется, ему несдобровать»⁴⁸.

В связи с активизацией весной 1918 г. контрреволюционных выступлений военный вопрос стал основным в деятельности местных партийных организаций. Большевики Оренбуржья приступили к созданию из революционно настроенных казаков красных отрядов. Инициаторами создания первого красноказачьего отряда на территории губернии выступили верхнеуральские большевики во главе с Н. П. Ивановым и С. П. Поповым. В начале марта 1918 г. из казаков Верхнеуральского отдела был сформирован отряд численностью в 150 сабель под командованием Н. Д. Каширина⁴⁹, что стало началом формирования будущих советских казачьих полков в Оренбуржье.

Троицкая партийная организация в ответ на мобилизацию, объявленную Дутовым, направила в станицы группу агитаторов-большевиков — Васильева, Ефремова,

101

Коптякова и др.⁵⁰ К работе по формированию революционных отрядов из казаков партийная организация привлекла большевистски настроенных опытных организаторов казачества Н. Томина, А. Карташова, С. Ловчикова. Опираясь на бедноту, фронтовиков, молодежь, троицкие большевики весной 1918 г. создают первые красноказачьи отряды в 3-м округе. Такие отряды в марте—апреле создаются в поселках Николаевка и Соколовка, в станицах Катенинской, Бобровской, Березиновской⁵¹. В мае 1918 г. началось формирование красноказачьих отрядов в 1-м округе. Важную роль в решении этой задачи сыграл съезд, состоявшийся 22 марта в

станции Краснохолмской. Представители революционных станиц Городищенской, Красноярской, Никольской, Чесноковской приняли решение о создании красных отрядов из казаков. Однако в течение полутора месяцев эта ценная инициатива не находила поддержки со стороны губернских организаций. Такая осторожность, очевидно, была продиктована провокациями и жестокостями дутовцев, а также отсутствием должного опыта в работе с революционным казачеством. Но позиция эта была явно неоправданной, ибо именно казаки-фронтовики не допустили массового наступления на Оренбург в марте 1918 г. И этого нельзя было не учитывать.

7 мая 1918 г в Оренбурге открылся съезд трудовых казаков 1-го округа. Центральным вопросом оказался вопрос о создании из трудовых казаков красных отрядов для борьбы с атаманом Дутовым. Делегаты приветствовали их создание. Съезд принял решение избрать комиссию, которой поручили по соглашению с губисполкомом и оперативным штабом «выработать проект боевой организации трудового казачества»⁵². В мае 1918 г. партийные и советские органы приняли решение сформировать Оренбургский кавалерийский полк. Ядро будущего полка, который потом стал называться 1-м Оренбургским советским кавалерийским трудового казачества полком, составили казаки станиц Городищенской, Никольской, Павловской, а также делегаты казачьего съезда. Командовал полком сын казака-бедняка В. Т. Обухов. Создание первых красноказачьих отрядов по инициативе большевиков губернии имело не только военное, но и большое политическое значение, так как ускоряло процесс откола трудовых казаков от офицерско-кулацких кругов⁵³.

102

Большевистские организации Южного Урала также провели большую работу по мобилизации революционных сил для окончательного разгрома дутовщины.

Весной 1918 г. большевики Оренбуржья наряду с укреплением Красной гвардии приступили к строительству Красной Армии. В Оренбурге, Челябинске, Орске и других городах губернии была опубликована инструкция по организации Красной Армии. Военные отделы Советов и штабы Красной Армии приступили к набору добровольцев. На 15 апреля, по сообщениям Уральского областного военного комиссариата, в Оренбурге было до 1500, а в Челябинске — до 1000 красноармейцев⁵⁴.

Наступление революционных войск на Верхнеуральск началось в конце марта 1918 г. Одновременно в городе вспыхнуло восстание, организованное большевиками. 25 марта Верхнеуральск был освобожден. Революционные отряды успешно громили дутовские банды, освобождая станицы и другие населенные пункты, восстанавливали Советскую власть. Во второй половине апреля с небольшой частью своих приспешников Дутов бежал в Тургайские степи.

После такого разгрома Дутов вряд ли смог бы предпринять новую попытку выступить против молодой Республики Советов. Но помощь интервентов, выступление чехословацкого корпуса отсрочили разгром контрреволюционных сил на территории Южного Урала.

Донской областной ВРК в условиях разраставшихся мятежей в начале марта 1918 г. приступил к формированию отрядов Красной Армии. 8 марта ВРК обратился с открытым письмом, подписанным его председателем Ф. Г. Подтелковым, к казакам-фронтовикам. Призыв к вступлению в революционную армию подтверждался и организационно⁵⁵. 15 марта областной ВРК принял решение о создании при окружных Советах мобилизационных отделов, которые обязаны были в кратчайшие сроки провести перепись всего мужского населения в возрасте от 21 до 29 лет, а также произвести учет лошадей, оружия, боеприпасов и всякого рода военного имущества. 19 марта на объединенном заседании Донского областного и Ростово-Нахичеванского военно-революционных комитетов создается военная коллегия по формированию частей Красной Армии в составе Я. Антонова, А. Фролова, И. Ермилова и др.⁵⁶ Для оказания помощи местным Советам военная коллегия командировала на

103

места своих представителей. В результате проведенной мобилизационной работы весной 1918 г. только из трех округов (Морозовского, 1-го и 2-го Донских) в Красную Армию записалось более 10 тыс. крестьян и казаков⁵⁷. К сожалению, сохранившиеся документы на Дону и в других казачьих областях не позволяют определить точное число казаков, вступивших в Красную Армию в этот период.

На 16 марта 1918 г. добровольческие части Красной Армии Области войска Донского насчитывали 6140 человек, а к 1 апреля 1918 г. — 22 440 красноармейцев, т. е. увеличились в 3,6 раза⁵⁸. Основную массу красноармейских отрядов составляли рабочие и крестьяне. Казаки-середняки в большинстве своем соблюдали нейтралитет, и лишь казачья беднота активно шла в революционную армию. Нейтралитет середняков был временным. Среднее казачество, отмечает Л. М. Спирин, «по логике классовой борьбы должно было примкнуть к одной из борющихся сторон»⁵⁹.

23 марта 1918 г. областной ВРК принимает решение о создании Донской советской республики. Необходимость создания такой автономной республики объяснялась рядом внутренних и внешних обстоятельств. На Дону в то время среди казаков была весьма популярна идея казачьей автономии. Провозглашение большевиками Донской советской республики отвечало традициям казачества, позволяло им активнее привлечь трудовых казаков на сторону пролетариата, а также срывало планы контрреволюции оторвать область от Советской России. Еще 28 февраля 1918 г. в телеграмме В. А. Антонову-Овсеенко В. И. Ленин писал, что ничего не имеет против

автономии Донской области⁶⁰. Однако создание Донской советской республики диктовалось необходимостью сплочения трудового казачества перед угрозой немецкого вторжения и начавшихся кулацких мятежей. Первый съезд Советов рабочих и казачьих депутатов Донской советской республики, проходивший 9—14 апреля 1918 г. в Ростове, объявил себя верховной властью на Дону, выбрал ЦИК и СНК. Председателем СНК избирается Ф. Г. Подтелков, наркомом по делам управления — М. В. Кривошлыков, председателем ЦИК — В. С. Ковалев. Был создан Чрезвычайный штаб обороны во главе с чрезвычайным комиссаром Южного района и уполномоченным ЦК партии Г. К. Орджоникидзе.

104

Вероломно нарушая условия Брестского мира, немецкие войска 26—27 апреля 1918 г. вторглись в пределы Донской советской республики и стали оказывать поддержку контрреволюционным мятежам, возглавляемым офицерско-кулацкими кругами казачества. В южных округах Дона вновь появились части Добровольческой армии Деникина, отступившие с Кубани после поражения под Екатеринодаром. Открытая вооруженная интервенция иностранного империализма весной 1918 г. явилась решающим условием разворачивания гражданской войны как на Дону, так и в других районах страны.

Глава IV

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА СПЛОЧЕНИЕ БЕДНЯЦКО-СЕРЕДНЯЦКИХ СЛОЕВ КАЗАЧЕСТВА ВОКРУГ ПРОЛЕТАРИАТА

Усиление классовой борьбы казачества

Не добившись свержения Советской власти в 1917 г. силами внутренней контрреволюции, страны Антанты разрабатывают новые планы. На конференции в Париже 9—10 (22—23) декабря 1917 г. подписывается секретное соглашение о разделе России на английскую и французскую «зоны действия». Англии отводились Дон, Кубань, Кавказ, Средняя Азия и северная часть европейской территории; Франции — Украина, Крым и Бессарабия. США формально не принимали участия в подписании этого меморандума, тем не менее, американское правительство стремилось превратить в свои сферы влияния Сибирь и Дальний Восток. Американский журналист-интернационалист А. Р. Вильямс писал, что В. И. Ленин в одной из бесед с ним говорил: «Политику Америки направляет финансовый капитал. А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать его»¹. Исторические события показали, что именно американский, а также японский империализм играл главную роль в проведении интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Весной и летом 1918 г. интервенты и белогвардейцы захватили значительную часть территории Советской республики. Государство рабочих и крестьян, отрезанное от важнейших продовольственных и сырьевых районов, оказалось в очень тяжелом положении. Империалисты явились той силой, которая обострила гражданскую войну. Без их финансовой и военной помощи внутренняя контрреволюция не была бы в состоянии возобновить вооруженную борьбу. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что главным условием и решающей предпосылкой обострения гражданской войны в России являлось вторжение иностранных войск на территорию нашей страны, указывал, что «всемирный империализм... вызвал у нас,

106

в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании»².

На Дону генерал Краснов с помощью немецких оккупантов сформировал Донскую белоказачью армию. На Кубани при поддержке империалистов Антанты крепла Добровольческая армия Деникина. На Дальнем Востоке и в Забайкалье действовали белоказачьи формирования атаманов Семенова, Калмыкова, Гамова, за спиной которых стояли кроме непосредственного хозяина — Японии другие страны Антанты, США и белокитайцы. Летом 1918 г. агенты Антанты развязали мятеж чехословацко-го корпуса. Раскрывая коварные планы империалистов, В. И. Ленин в своем выступлении на IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы отмечал, «...чехословаки говорили в Самаре: мы соединимся вместе с Дутовым, Семеновым и заставим рабочих России и российский народ воевать снова против Германии вместе с Англией и Францией...»³ Мятежники захватили Челябинск, Пензу, Самару, Симбирск, Уфу, другие города. Восточный фронт стал решающим для Республики Советов: здесь вершилась судьба революции. Активную поддержку белочехам оказали все враги Советской власти внутри страны.

Контрреволюционным силам в этот тяжелейший для Советской власти период удалось увлечь за собой колеблющееся среднее крестьянство и казачество. Хорошо обеспеченный землей казак-середняк, недовольный продовольственной политикой диктатуры пролетариата и экономическими трудностями, сделал шаг в сторону казачьей верхушки. Слова В. И. Ленина о том, что «крестьяне приуральские и сибирские готовы были отвернуться от большевиков», когда они потребовали «помощи в тяжелой войне»⁴, можно в полной мере отнести и к среднему казачеству.

Наряду с экономическими были и политические причины, объяснявшие такую позицию середняцких слоев. Произошло полное расхождение мелкобуржуазного патриотизма казаков с тактикой партии в период Брестского мира. «...Сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире, — писал о колебаниях мелкобуржуазных слоев населения В. И. Ленин. — Потом против

большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир,

107

«оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам»⁵.

Белогвардейские газеты того периода пестрят воплями о том, что Россию большевики «продали» Германии при заключении Брестского мира. Воевать против большевиков, зывали они, — значит бороться за национальную независимость России, за ее освобождение от немцев. Тон и направление белогвардейской пропаганды направляли истинные хозяева казачьих атаманов — иностранные империалисты. Главнокомандующий англо-американскими войсками, высадившимися на севере Советской России, генерал Пуль обратился со специальным воззванием к казачеству. Характеризуя большевиков как «плеяду немецких шпионов», сковавшую Россию «цепями немецкого рабства», он призывал казаков помочь союзникам «сбросить с России большевистское иго, сброшенное ей Брест-Литовским договором»⁶. Так под предлогом борьбы против немецкой оккупации офицерско-кулацкие круги пытались повернуть рядовое казачество на борьбу против Советской власти.

В. И. Ленин указывал, что Брестский мир явился тяжелым ударом по патриотизму мелкой буржуазии, что партия, предвидя это, была готова к тому, что мелкая буржуазия в данном вопросе не поддержит пролетариат, что мелкобуржуазные массы в этот период отшатнутся от пролетариата. «Нам пришлось в эпоху Брестского мира, — говорил В. И. Ленин, — идти против патриотизма»⁷.

Выявились и слабые стороны работы большевиков в станицах, сказались отдельные ошибочные решения местных партийных и советских органов. Так, Оренбургский губернский военно-революционный штаб опубликовал в апреле 1918 г. следующий ультиматум: «Все казачьи станицы и поселки предупреждаем, что на белый террор предателей офицеров, юнкеров и примкнувших к ним казаков ответим беспощадным красным террором, силой артиллерийского огня и силой рабоче-крестьянских масс»⁸. Ультиматум заявлял о выдаче зачинщиков, сдаче всего оружия. На основании этого решения в станицы были направлены революционные отряды. Однако жесткие меры, которые задели и значительную часть

108

казаков-середняков, в условиях их возросших колебаний вызвали результат, обратный ожидаемому⁹.

Кроме того, некоторые советские работники недостаточно четко интерпретировали Основной закон социализации земли от 27 января (9

февраля) 1918 г. Так, третий съезд народов Терека, состоявшийся в мае 1918 г. в Грозном, в целях уничтожения чересполосицы и наделения земель горцев и «иногородних» принял решение переселить четыре станицы Сунженского отдела — Аки-Юртовскую, Тарскую, Сунженскую и Фельдмаршальскую¹⁰. Решение это вызвало справедливое недовольство трудового казачества. Стремление местных органов власти к немедленному перераспределению земли по уравнительной норме особенно наблюдалось в областях Уральского и Астраханского казачества. Казачий комитет при ВЦИК, узнав о подобных перегибах от приезжавших делегаций, 27 мая 1918 г. направил в Народный комиссариат земледелия письмо, в котором сообщал, что на Урале советские работники, неправильно поняв основной принцип закона о земле, заняли «по отношению к трудовому казачеству непримиримую позицию в смысле отобрания у казаков всех земель, кроме надельных, да и то оставляя их под угрозой грубого и насильственного поравнения». Более того, в ряде мест также осуществлялась «социализация не только свободных войсковых земель, но и казачьих наделов»¹¹. Такие перегибы трудовое казачество воспринимало как политику Советской власти, а это толкало его в лагерь контрреволюции. Стремясь как можно быстрее прекратить извращения аграрной политики Советской власти на местах, Казачий комитет при ВЦИК выпустил специальное обращение к уральским и оренбургским казакам, в котором говорилось: «На ваши исконные земли, завоеванные кровью ваших дедов и прадедов, никто не покушается, вашего Урала никто отнимать не собирается... Предатели трудового народа лгут и натравливают вас на власть Советов»¹². Отпечатанное листовкой, это обращение было разослано по политотделам Восточного фронта, ревкомам и исполкомам казачьих районов Урала.

События весны 1918 г. в казачьих районах страны потребовали доведения до логического конца государственно-правового оформления политики партии по отношению к трудовому казачеству, начатого сразу же

109

после революции. Для обсуждения вопросов советского строительства и принятия соответствующих решений в масштабах всех казачьих войск страны ЦК РКП (б) и СНК решили созвать 7 мая 1918 г. Всероссийский съезд трудового казачества. Но разраставшиеся масштабы гражданской войны помешали многим представителям казачьих областей прибыть на съезд. В результате по согласованию с Президиумом ВЦИК была проведена конференция. Совместные предложения Казачьего комитета и конференции, оформленные в виде доклада, были от имени конференции направлены в Совнарком и ВЦИК. Участники конференции предложили в законодательном порядке разъяснить казакам их земельные права, улучшающие положение бедняцко-середняцких масс; предоставить казакам право на самоопределение с совместно проживающим на казачьей территории крестьянским и другим населением. 23 мая Совнарком создал

комиссию для выработки декрета на основании предложений конференции. 31 мая СНК утвердил декрет, обнародованный 1 июня 1918 г. под названием «Декрет об организации управления казачьими областями»¹³. Все казачьи области и войска рассматривались как отдельные административные единицы. Трудовому казачеству предоставлялось право создавать совместно и на равных правах с проживающими на казачьих землях крестьянами и рабочими свои собственные Советы: войсковые или областные — по типу губернских; районные или окружные — по типу уездных; станичные или поселковые — по типу волостных.

Декрет указывал, что земли, находящиеся во владении казачьих войск, остаются в пользовании трудовых казаков по нормам, предусмотренным Основным законом о социализации земли. Впредь до окончательного землеустройства войсковые запасные земли, а также бывшие помещичьи, офицерские, церковные и прочие поступают в распоряжение войсковых земельных комитетов и распределяются между нуждающимися в земле или используются в общевойсковых или государственных интересах.

Декрет внес ясность и в весьма сложный в тактическом отношении вопрос — о принципе формирования казачьих воинских подразделений. Было предложено немедленно приступить к созданию казачьих частей с учетом всех бытовых и военных особенностей казаков. Их обмундирование и снаряжение государство брало на свой

110

счет¹⁴. Так, в законодательном порядке Советская власть взяла под свою защиту интересы трудового казачества.

В конце апреля 1918 г. СНК, учитывая положение в казачьих областях страны, настроение трудовых казаков, обусловленное в определенной мере перегибами в решении аграрного вопроса на местах, решил начать с ними мирные переговоры. Нужно было помочь трудовым казакам избрать верный путь. В начале мая в Оренбуржье работал представитель Казачьего комитета при ВЦИК Т. Сидельников¹⁵. 23 мая на заседании Совнаркома, которое проходило под председательством В. И. Ленина, был заслушан доклад об обстановке, сложившейся на Южном Урале¹⁶. В июне СНК создает чрезвычайную комиссию, обязав ее разъяснить на местах отношение власти Советов к трудовому казачеству, выяснить и устранить причины, породившие конфликт, наказать виновных. Местным Советам предписывалось выполнять все требования комиссии и «не тормозить ее работу сепаратными выступлениями»¹⁷.

Советские органы опубликовали воззвания, листовки-обращения к станичникам, а также к казакам, находящимся в белогвардейских армиях, в которых вскрывались цели, преследуемые атаманско-офицерскими кругами. Казаков призывали покинуть лагерь контрреволюции, при этом им гарантировалось сохранение жизни.

Гражданская война явилась большим тормозом в осуществлении

декрета СНК от 31 мая 1918 г., но все-таки в некоторых казачьих областях он сыграл свою положительную роль. Примером служит Оренбургское казачье войско. В начале июня 1918 г. в Оренбург вернулся видный советский работник казак И. Ф. Киселев. В губисполкоме он сделал доклад о поездке в столицу, рассказал о поручении путем мирных переговоров попытаться оторвать казаков от контрреволюции, ибо, по мнению В. И. Ленина, трудовое казачество должно пойти за Советской властью. Губисполком одобрил доклад и решил пойти на переговоры с казаками, втянутыми в дутовские отряды. В принятой резолюции подчеркивалось: «Губернский исполком против трудовых казаков никогда не боролся и не будет бороться. Он будет бороться лишь против буржуазных командных верхов казачества и никакого мира с ними не заключит. Казачество «расказачить» никто не собирается»¹⁸.

111

Губернский и уездные исполкомы оперативно исправляли допущенные перегибы в казачьем вопросе. Они взяли под строгий контроль обложение контрибуцией, ее взимание и дальнейшее распределение. С некоторых станиц (Алексеевская, Воздвиженская) контрибуция была снята, другим значительно уменьшена (Сакмарская)¹⁹. Контрибуция расходовалась на помощь казачьей бедноте и содержание красногвардейских отрядов. Вопросы помощи пострадавшим от дутовцев казакам рассматривались на заседаниях губисполкома 25 апреля, 3, 10, 14 июня 1918 г. Первый раз губисполком выделил в помощь трудовым казакам и их семьям 2 тыс. руб., второй — 5 тыс. руб.²⁰ Агитационную работу в станицах вели лучшие партийные работники. Однако гражданская война на Южном Урале прервала начатое дело.

Нужно отметить, что состоявшийся 28 ноября — 9 декабря 1918 г. во Владикавказе пятый съезд народов Терека принял решение исправить нежелательные последствия переселения четырех станиц Сунженской линии. В резолюции съезда указывалось, что в настоящее время нет необходимости путем переселения станиц решать «равномерное распределение земельного фонда между трудящимися всех народов области». Принимаются конкретные меры к наделению землей остро нуждающихся в ней. Из общего областного земельного фонда для безземельных и малоземельных горцев, иногородних и казаков выделяется 200 тыс. дес. земли²¹.

Но не везде майский декрет стал основополагающим документом в работе с казачеством. Так, в Казачий комитет при ВЦИК поступило письмо от члена Астраханского войскового исполкома А. Попова о том, что местные органы власти в некоторых станицах отобрали землю у казаков-середняков, реквизировали скот и инвентарь для наделения иногородних. Казачий комитет срочно направляет в Астрахань представителя астраханского казачества В. М. Изюмского. Знакомство с

обстановкой на месте показало, что опасения эти были не напрасны. В своей докладной записке он сообщал о нарушениях декрета. Замечания были пересланы в Президиум ВЦИК. В короткое время ВЦИК помог местным органам власти исправить допущенные ошибки²².

Летом 1918 г. ответственным и решающим фронтом Советской Республики был Восточный. Здесь находились основные силы белочехов и кулацко-белогвардейской

112

контрреволюции. Отсюда мятежники угрожали центральным районам России. В. И. Ленин в письме к работникам Восточного фронта от 1 августа 1918 г. указывал: «Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого»²³.

Мятеж белочехов явился прямой поддержкой дутовщине. В начале июня 1918 г. дутовцы получили от них 200 тыс. руб., 1000 винтовок, 300 тыс. патронов и артиллерийских снарядов. Контрреволюционные верхи казачества не скрывали, что своими успехами они полностью обязаны помощи извне. Дутов, прибыв 14 июля 1918 г. в Самару, в одном из выступлений откровенно заявил: «Своему освобождению мы всецело обязаны только чехословакам...»²⁴ Его просьбу о помощи «с пониманием» восприняли представитель французской военной миссии Тимме и французский консул Жано. В результате было достигнуто соглашение о снабжении Антантой Оренбургской белоказачьей армии. Уже 15 ноября 1918 г. через Колчака ей была предоставлена помощь со стороны Англии и Франции в размере 31 400 тыс. руб. на приобретение вооружения, снаряжения и обмундирования²⁵. «Мы знаем... — говорил В. И. Ленин на митинге трудящихся в Москве 2 августа 1918 г., — вместе с чехословаками греются около англо-французского золота и дожидаются русского золотого дождя наши «спасители отечества»: Дутов, Алексеев и прочие»²⁶.

Партия и правительство Советского государства мобилизовывали все силы на разгром его врагов. 10 июня 1918 г. В. И. Ленин подписал «Обращение ко всем трудящимся о борьбе с восставшим чехословацким корпусом и контрреволюцией в Сибири»²⁷. На следующий день, обращаясь к Петроградскому Совету, В. И. Ленин указывал на необходимость «усиленной и ускоренной отправки наибольшего числа отрядов на Урал»²⁸. 14 июня он снова обращается к Петроградскому Совету, напоминая, что Урал нуждается не только в военных отрядах, но и «что крайне важно послать туда побольше рабочих для агитации и руководства отсталыми»²⁹. В июне 1918 г. по указанию В. И. Ленина и ЦК РКП (б) был создан Восточный фронт.

Летом 1918 г. военный вопрос вновь становится коренным вопросом революции³⁰. С возрастанием военной угрозы Центральный Комитет РКП (б), Советское правительство принимают ряд срочных мер по

укреплению Красной Армии. 1 июня 1918 г. Совнарком декретом «Об организации управления казачьими областями» обязал местные Советы «немедленно приступить к формированию казачьих частей Красной Армии»³¹. Руководствуясь этим документом, партийные и советские органы казачьих областей усилили агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу по созданию красноказачьих отрядов. Успешному ее проведению способствовала большая помощь ЦК РКП (б), оказываемая местным партийным организациям.

В конце апреля 1918 г. верхнеуральских большевиков В. Константинова и П. Федосеева принял В. И. Ленин. Его интересовало формирование красноказачьих отрядов на Южном Урале, их боеспособность; по его указанию для Верхнеуральска было выделено 5 млн. руб.³²

Постоянную помощь местным большевикам в работе среди казаков оказывал Казачий отдел ВЦИК. В конце мая 1918 г. отдел направил в Оренбургскую губернию агитаторов, среди них И. Киселева, Х. Абузярова, И. Свешникова, С. Малых, В. Аханова, снабдив их политической литературой³³. Разъяснительная агитационно-массовая работа в станицах, проводимая большевиками, была направлена прежде всего на создание красноказачьих отрядов. 3 июня 1918 г. на заседании Оренбургского губисполкома принимается решение «О проведении в жизнь мобилизации трудовых крестьян и казаков для скорейшей ликвидации дутовских банд». В нем говорилось: «...призвать трудовое крестьянство и казачество к активной борьбе против контрреволюционных белогвардейских банд, объявить мобилизацию всех, кому дороги завоевания революции»³⁴. При Оренбургском губисполкоме был создан штаб, занимавшийся формированием казачьих частей. В результате мобилизационной работы из казаков 1-го округа создается 1-й Оренбургский советский кавалерийский полк³⁵.

7 июня 1918 г. Чрезвычайный съезд Советов Троицкого уезда также выносит решение о формировании красноказачьих частей. Созданный 10 июня Высший военный совет, в состав которого вошли большевики А. Н. Иванов, В. И. Свешников, Я. В. Аппельбаум, В. С. Глинский, М. Сугаков, А. Е. Карташов, возглавил формирование кавалерийских отрядов из казачества³⁶. Военный комиссариат в своем обращении призвал всех трудовых казаков встать с оружием в руках на защиту

«своей трудовой власти, своей жизни и вольности»³⁷. Все станичные и поселковые исполнительные комитеты должны были обеспечить мобилизованных лошадьми и седлами; казакам гарантировалась оплата стоимости обмундирования, обеспечение полного государственного довольствия; в станицы выехало пять групп агитаторов из казаков-фронтовиков. Однако запись добровольцев удалось провести не во

всех станицах. В округе начался офицерско-кулацкий мятеж³⁸.

Временные успехи белочехов подтолкнули казачьи верхи на возобновление открытой войны против Советской власти. Восставшие кулаки расправлялись с агитаторами³⁹. Несмотря на сопротивление станичных верхов, агитаторам удалось привлечь в красноказачий полк 400 казаков-добровольцев. Полк назвали именем Степана Разина. Командиром красноказачьего полка по решению Троицкого комитета партии и Совета был назначен большевик А. Е. Карташов, помощником — С. И. Ловчиков. Сотнями командовали Н. Томин, Е. Ершов, Д. Тарасенков и Пасынков⁴⁰. Безлошадные казаки пополнили 17-й Уральский стрелковый полк.

Создание красных частей казачества в мае — июне 1918 г. началось и в Верхнеуральском округе. Для проведения этой работы в станицы выехало 18 агитаторов⁴¹. «Формирование шло исключительно успешно, — вспоминал впоследствии В. К. Блюхер. — Местная парторганизация развернула большую работу по комплектованию частей Красной Армии из казачье-крестьянской бедноты и бывших фронтовиков»⁴². Вскоре было сформировано два казачьих кавалерийских полка, в которых насчитывалось свыше тысячи сабель⁴³. Активными организаторами верхнеуральских красных казачьих полков и их командирами являлись большевики Н. Д. и И. Д. Каширины. Красноказачьи части Троицкого и Верхнеуральского округов были сформированы преимущественно из казацкой бедноты. Наряду с потомственными казаками в них входили рабочие и крестьяне.

Однако летом 1918 г. в обстановке разгоравшейся гражданской войны в казачьих регионах России, в том числе и на Южном Урале, во вражеском стане оказались не только значительные слои казаков-середняков, но даже и некоторые бедняки. Влияние казачьей верхушки на трудовых казаков к этому времени было еще значительным.

115

Большинство рядовых казаков, сравнительно обеспеченных землей, поверили лживой белогвардейской агитации, предвещавшей отобрание казачьих земель Советами.

Казаки, связанные между собой военной организацией, дисциплиной и многими другими атрибутами казачьей жизни, весьма трудно поддавались советской агитации. Сильны еще были среди них сословные предрассудки и традиции, мелкособственнические и сепаратистские устремления, которые издавна культивировались реакционными идеологами атаманско-офицерских кругов. Все эти обстоятельства позволили казачьей контрреволюции повести за собой, хотя бы временно, значительные массы трудового казачества.

Но и в этих сложных условиях во многих станицах и хуторах выявлялись казаки, твердо принявшие Советскую власть и не желавшие восстановления старых порядков. В оренбургских станицах

Краснохолмской, Кассельской, Донецкой, Нежинской и многих других на общественных сборах произошел раскол: зажиточные и большинство казаков-середняков старшего поколения примкнули к офицерско-кулацким верхам, а казаки-фронтовики и молодежь из бедняков и середняков решительно заявили о своем признании Советской власти и выразили желание вступить в Красную Армию⁴⁴.

Многие рядовые казаки, уставшие от тягот войны, не разобравшись в происходящих событиях, придерживались позиции нейтралитета. Не выступая активно в защиту Советской власти, они отказывались вступать и в белогвардейские отряды. Вначале атаманы прибегали к уговорам. «Умоляем всех станичников, — говорилось в одном из дутовских воззваний, — бросить держать позорные нейтралитеты, взяться за оружие и идти на помощь братьям»⁴⁵.

Но вскоре контрреволюция перешла к решительным действиям. Против станиц, поддерживавших Советскую власть или объявивших себя нейтральными, направлялись карательные отряды, которые разоружали революционно настроенных казаков, преследовали их семьи, устраивали самочинные суды, лишали земли и казачьего звания. «Наши семьи, — говорилось в воззвании 1-го Советского трудового казачьего полка к оренбургским казакам, — забиваются насмерть нагайками»⁴⁶. В конце мая 1918 г. один из карательных отрядов Дутова напал на

116

станцию Красноярскую. Контрреволюционеры расстреляли 19 и выпороли 17 казаков. В июне они расправились с активистами станицы Краснохолмской. Многих расстреляли⁴⁷. Решительно поддержали Советскую власть рядовые станичники Нежинской и Каменно-Озерной, а также Городищенской, Никольской, Павловской, Рассыпной, Дедуровской, Рычковской и других станиц⁴⁸.

Обманом и насилием дутовцы вовлекли в борьбу с Советской властью значительную часть трудового казачества. В середине июля 1918 г. под командованием атамана находилось 22 тыс. казаков, а в рядах революционных войск — около 2 тыс. (4 полка и несколько подразделений)⁴⁹. Докладывая В. И. Ленину из Самары по прямому проводу о положении в районе Оренбурга в конце мая 1918 г., В. В. Куйбышев подчеркнул: «Колебания казаков кончились. Мы не сумели использовать полгода борьбы, чтобы привлечь трудящееся казачество на сторону революции»⁵⁰. Это наблюдение, пожалуй, верно в отношении не только оренбургских, но и казаков других областей страны.

Положение, создавшееся в Оренбуржье, свидетельствовало о том, что рабочему классу не удалось летом 1918 г. выиграть борьбу за трудовое казачество. К началу июля части Красной Армии, состоявшие из рабочих, крестьянской и казачьей бедноты, под натиском превосходящих сил белоказачьих и белочехов вынуждены были оставить почти всю территорию

Оренбургской губернии. Отряды под командованием В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина отошли к Белорецку, а части Оренбургского гарнизона отступили в Туркестан, образовав Актюбинский фронт.

В большинстве казачьих районов страны весной и летом 1918 г. по мере углубления социалистической революции усилился раскол между бедными и богатыми казаками. Большинство казаков-середняков, боясь потерять привилегированное положение в обеспечении и пользовании землей, недовольные продовольственной политикой Советской власти, сбитые с толку атаманско-кулацкими кругами, всячески разжигавшими сословную рознь и запугивавшими казаков тем, что Советы отберут у них всю землю, оказались под белогвардейским знаменем.

18 июня 1918 г. офицерско-кулацкие круги Терека, опираясь на середняцкие слои казачества, начали вооруженный мятеж против

117

Советской власти. В тот же день они захватили Моздок. Их отряды осадили Грозный и Кизляр. На созванном в Моздоке съезде контрреволюционеры образовали так называемое казачье-крестьянское правительство во главе с меньшевиком Г. Бичераховым. Принимается решение провести мобилизацию казачества для борьбы против Советской власти. Проводятся меры по вовлечению в антисоветскую авантюру всего трудового казачества. В станицы направляются карательные отряды. Но здравый смысл и тяга к мирной жизни были столь велики, что даже запугивание и террор не могли оказать желаемого эффекта. В ряде станиц Моздокского и Пятигорского отделов трудовые казаки отказывались вступать в ряды мятежников, не подчинялись их приказам о мобилизации. В результате станица Солдатская была обстреляна из орудий, каратели арестовали станичный Совет и расстреляли некоторых его членов. Но группа революционных казаков ушла от расправы и организовала красноказачий отряд. В ряды Красной Армии вступило большинство трудовых казаков станиц Государственной и Николаевской. Не встретил поддержки призыв контрреволюционеров «подняться на помощь братьям-казакам» и в станице Марьинской⁵¹. Почти все станицы Сунженской линии объявили себя «нейтральными». Терские большевики во главе с чрезвычайным комиссаром юга России Г. К. Орджоникидзе приступили к организации революционных отрядов из фронтовиков и казачьей бедноты. Созванный по их инициативе в станице Котляревской 13 июля 1918 г. съезд казаков-фронтовиков Сунженского отдела принял решение призвать трудовое казачество на борьбу с мятежниками. Г. К. Орджоникидзе и военный комиссар Терской области М. К. Левандовский создают мобилизационную группу и направляют ее в станицы Сунженской линии. Во главе этой группы стоял последовательный сторонник Советской власти А. З. Дьяков. Из сунженцев создается первый на Тереке отряд Красной Армии, который оказал помощь пролетариату Грозного в разгроме

бичераховских банд. В красноармейские отряды вступали фронтовики и молодежь из казаков и иногородних Троицкой, Карабулакской, Нестеровской, Ассиновской и ряда других станиц Сунженского отдела. В станице Карабулакской организовывается отряд из 300 казаков и иногородних. В станице Михайловской сторонники Советской власти

118

открыто выступают против офицерско-кулацких элементов. Здесь возник настоящий фронт, станицу перерезала линия окопов. Белогвардейские силы станицы поддержали карателя Бичерахова, и фронтовикам пришлось покинуть станицу. Вскоре из них был сформирован красноказачий отряд в количестве 500 человек под командованием Ф. П. Рухлина⁵².

По распоряжению Г. К. Орджоникидзе И сентября 1918 г. А. З. Дьяков был назначен командующим войсками Сунженской линии. К этому времени в Красной Армии на Тереке насчитывалось уже 4 тыс. казаков⁵³. В тылу мятежников, осаждавших Грозный, появилась внушительная сила. Это помогло революционным войскам на Сунже перейти от обороны к наступлению и к середине ноября 1918 г. нанести сокрушительное поражение бандам бичераховцев.

19 декабря 1918 г. в станице Михайловской закончилось формирование 1-го Терского пешего революционного полка Красной Армии⁵⁴.

Осенью 1918 г. Добровольческая армия Деникина начала наступление на Северный Кавказ. С приближением деникинцев к Терской области значительная часть трудового казачества вместе с офицерско-кулацкими кругами оказалась в стане контрреволюции. На Тереке Войсковое правительство сформировало восемь казачьих полков; вскоре все белоказачьи строевые части были сведены в отдельный Терский корпус⁵⁵.

В связи с тем что на Тереке большая часть казаков оказалась в стане контрреволюции, Добровольческая армия добилась определенных военных успехов на Северном Кавказе. 4 февраля 1919 г. деникинцы взяли Грозный, 9 февраля — Владикавказ. Потеряв основные опорные пункты Терской области, отряды Красной Армии, состоявшие из рабочих, крестьянской и казачьей бедноты, ушли в горы и там развернули партизанские действия.

К маю 1918 г. исключительно тяжелая обстановка сложилась и на Дону. В станицах и хуторах 1-го и 2-го Донских, Черкасского, Сальского и Донецкого округов полыхали антисоветские мятежи, возглавляемые атаманско-офицерскими кругами. Казачьи верхи с надеждой ждали германские войска. Командование немецких войск оказывало мятежникам всестороннюю поддержку. Как отмечает К. А. Хмелевский, «наступление войск германского

119

империализма явилось решающим обстоятельством в развертывании гражданской войны на Дону»⁵⁶.

Коммунисты Дона выступили организаторами борьбы с немецкими

интервентами и контрреволюционными мятежами. В конце апреля 1918 г. ЦИК Донской республики по указанию Г. К. Орджоникидзе создал «комиссию пяти» во главе с Ф. Г. Подтелковым для проведения мобилизации в Красную Армию. При активном участии агитаторов Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии создаются военные отделы при окружных Советах. В Донецком и Морозовском округах революционные отряды создавались из крестьянской и казачьей бедноты под руководством Е. Щаденко, И. Мухоперца, М. Вышкворцева, М. Бувина. Быстро росли отряды Красной Армии в Приманычских и Сальских степях под руководством С. М. Буденного, Б. М. Думенко, С. И. Ковалева, Г. К. Шевкоплясова и др. Формирование в станицах и хуторах Усть-Медведицкого округа возглавили Ф. К. Миронов, М. Ф. Блинов, И. С. Кувшинов. Весной 1918 г. революционные отряды из казачье-крестьянской бедноты и фронтовиков создаются в Новогригорьевской, Иловлинской, Сиротинской, Кременской и в ряде других станиц 2-го Донского округа⁵⁷.

Создание отрядов Красной Армии в южных округах осложнялось контрреволюционными мятежами и продвижением немецких войск. Поэтому Донское советское правительство особое внимание уделяло ускоренному формированию красноармейских частей в северных округах, пока туда не докатилась волна контрреволюционных мятежей. 1 мая 1918 г. члены комиссии Ф. Подтелкова с группой коммунистов-политработников А. Френкелем, А. Орловым, К. Кирстой, А. Фроловым и отрядом казаков в 130 человек выехали из Ростова в северные округа. Но к тому времени и в пределах Усть-Медведицкого округа контрреволюция активизировалась. На хуторе Калашникове отряд Подтелкова попал в засаду. Белогвардейский военно-полевой суд приговорил 76 пленных к расстрелу, а Подтелкова и Кривошлыкова — к повешению. 11 мая 1918 г. близ хутора Пономарева состоялась казнь.

Германские интервенты и белогвардейские банды 8 мая 1918 г. захватили Ростов. Советские войска после ожесточенных боев были вынуждены отойти на левый берег Дона.

120

16 мая так называемый круг спасения Дона избрал атаманом генерала Краснова. Германское командование сразу же стало оказывать щедрую помощь красновцам; только за первые полтора месяца им было передано более 11,5 тыс. винтовок, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 тыс. снарядов и 11,5 млн. патронов⁵⁸. Оккупация западных районов области, экипировка немцами красновцев содействовали увеличению численности белоказачьей армии.

19 мая 1918 г. атаман Краснов объявил мобилизацию казаков 25 возрастов, которая сопровождалась насилиями, разнузданной антисоветской пропагандой, разжиганием сословной вражды. Атаманско-кулацкая верхушка, используя военно-сословную организацию

казачества, патриархальный устрой хозяйства и быта казаков, сумела вовлечь большую часть трудового казачества в свои ряды, повернуть его против Советской власти. В июне 1918 г. Донская армия Краснова имела в своем распоряжении 27 тыс. пехотинцев и 30 тыс. конных. В это же время в отрядах Красной Армии, сражавшихся на севере и северо-востоке Донской области, насчитывалось около 6 тыс. бойцов⁵⁹. К середине августа 1918 г. белоказачьи войска захватили почти всю территорию Донской области. Негативную роль во временном поражении Советской власти на Дону сыграли колебания трудового казачества, переход большей его части на сторону контрреволюции.

На южных границах Донской области при поддержке немцев действовала Добровольческая армия Деникина. 16 августа ею был взят Екатеринодар, а к концу октября захвачена вся Кубанская область. Со вступлением деникинцев на Кубань зажиточные казаки и часть трудового казачества влились в ряды белогвардейцев, что позволило им создать маневренные кавалерийские казачьи части.

Летом 1918 г. на Дону, Кубани, Тереке, Южном Урале власть перешла в руки белоказачьих войсковых правительств, которые выступали в союзе с белогвардейскими генералами. Провозгласив «самостоятельность» казачьих областей, атаманско-кулацкие верхи стремились сохранить свое положение привилегированного военного сословия России. Вместе с тем «самостоятельность» казачества являлась средством разжигания сословной вражды, обмана рядовых казаков, сохранения их как антисоветской вооруженной силы.

121

Осенью 1918 г. в казачьих областях буржуазно-помещичьи и белоказачьи силы подмяли под себя мелкобуржуазную контрреволюцию⁶⁰. Гражданская война в России воочию подтвердила, что в периоды острейшей классовой борьбы «возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата и невозможно существовать ничему третьему»⁶¹.

Потуги создать нечто «третье» на Кубани пытались продемонстрировать эсеры. Войдя в раду, они образовали якобы оппозицию Деникину. Кубанская рада, созданная 28 октября 1918 г. (после захвата Кубани Добровольческой армией), выражала интересы кулацко-зажиточных кругов казачества и считала себя «третьей силой», противостоящей будто бы диктатуре пролетариата и диктатуре буржуазии. В вопросах тактики в раде обнаружились два течения — «черноморцев» и «линейцев». Деление это отражало настроения различных политических группировок в господствующей верхушке кубанского казачества. Обе эти группировки занимали контрреволюционную позицию по отношению к большевикам и Советской власти. Рада создала даже специальную комиссию для борьбы с большевизмом. Однако «черноморцы» являлись яркими сторонниками казачьей «самостийности», а «линейцы» стояли на точке зрения единой,

великой, неделимой России. Более сильным являлось первое течение, и ему в раде принадлежала руководящая роль. Это приводило к довольно сильным трениям между Кубанской краевой радой и командованием Добровольческой армии, которые осенью 1919 г. вылились в открытое вооруженное столкновение. Деникинцы разгромили раду, арестовав наиболее активных ее руководителей. Одного из них, Калабухова, казнили, а остальных выслали за пределы Кубани.

Буржуазные историки, отрицая классовый характер гражданской войны, делают вывод о несовместимости целей и лозунгов «казаков-федералистов» и деникинцев. Так, Дж. Суитенхем считает, что казачество «было в основном заинтересовано в освобождении от Советов и видело своей целью федерацию свободных автономных областей в составе Дона, Кубани, Терека и некоторых частей Кавказа». Изображая казачью контрреволюцию как движение федералистов против центральной власти⁶², современные советологи стремятся скрыть реакционный социально-экономический и политический смысл «самостийных»

122

тенденций в условиях революции и гражданской войны. Атаманско-кулацкие круги, играя федералистскими лозунгами, стремились оградить казачьи районы от пролетарской революции, сохранить свои классовые и сословные привилегии.

Поражение кубанских «самостийников» не являлось случайностью. Они не пользовались поддержкой трудящихся масс, в том числе и казачьих, и вынуждены были покориться Деникину. Противоречия внутри лагеря контрреволюции умело использовали большевики для усиления повстанческого движения в тылу деникинских армий.

Идейно-политическая работа большевиков в белоказачьем лагере

В. И. Ленин в ноябре 1918 г. указывал, что каждый шаг по укреплению военной силы Республики Советов позволит сделать десять шагов в разложении противника⁶³. Для разложения фронта и тыла белоказачьих армий большевикам необходимо было использовать еще и морально-политический фактор. Поэтому, говорил В. И. Ленин, надо «бороться против буржуазии и военным путем и... путем идейным, путем воспитания»⁶⁴.

Благоприятные условия для ведения широкой пропаганды среди казачьих масс в стане врага определялись общностью коренных интересов трудовых казаков и трудящихся всей страны. Главная задача большевиков на этом этапе состояла в том, чтобы преодолеть средневековые сословные устои, тормозившие высвобождение казачьей бедноты и особенно середняков из-под влияния кулацко-атаманских кругов, пробудить их классовое сознание и привлечь на сторону Советской власти. Все это

должно было, как отмечал В. И. Ленин, вызвать в тылу и армиях противника «психологический сдвиг», «двинуть вперед их внутреннее разложение»⁶⁵. Жесточайший военно-террористический режим в лагере белогвардейцев стихийно вел к политическому прозрению рядовых белоказачков и трудовых станичников на основе их собственного опыта.

ЦК РКП (б) постоянно поддерживал связь с большевистским подпольем казачьих регионов, руководил действовавшими там партийными организациями, пересылал

123

им через своих связных директивы, денежные средства, помогал людьми, предостерегал и указывал на недостатки, рекомендовал действенные формы и методы работы. Осенью 1918 г. для работы в тылу белогвардейцев на Дону и Кубани создается Донское бюро РКП (б), а в декабре того же года для работы в лагере Колчака организуется Сибирское бюро ЦК РКП (б). Все это поставило идеологическую борьбу большевиков с белогвардейцами в казачьих областях на прочную основу.

Большевистские организации Дона, Кубани, Терека, Южного Урала, Сибири под руководством ЦК РКП (б) с лета 1918 г., опираясь на рабочий класс, иногороднее крестьянство, казачью бедноту, развернули активную подпольную деятельность. При временном отступлении Красной Армии весной — летом 1918 г. на захваченной противником территории группы большевиков вели подпольную работу, создавали сеть подпольных организаций.

Как отмечалось, в стане контрреволюции не было согласия, не прекращались распри между главным командованием деникинской армии и белоказачьими руководителями Дона и Кубани, отвергавшими лозунг «единой и неделимой России» и выступавшими за создание самостоятельных казачьих государств. Скрытое и открытое сопротивление сепаратистской казачьей верхушки Деникину, доходившее до неповиновения и даже до вооруженных столкновений, расшатывало деникинский тыл. Это давало коммунистам дополнительные возможности в агитационно-пропагандистской работе среди трудового казачества, не желавшего воевать за восстановление буржуазно-помещичьего строя в России.

Целенаправленную и систематическую пропаганду с целью разложения белоказачьего тыла проводило Донское бюро РКП (б) (П. Г. Блохин, И. А. Дорошев, С. И. Сырцов, А. А. Френкель, С. Л. Лукашин и др.)⁶⁶. Донбюро установило связь с подпольными большевистскими организациями, направляло им агитационную литературу, партийных работников. Так, за первые полтора месяца его работы на Дон прибыли 18 ответственных партийных работников⁶⁷.

В октябре 1918 г. был создан Ростово-Нахичеванский подпольный комитет во главе с Г. А. Мурлычевым. Создание руководящего центра

позволило развернуть

124

массовую работу против красновской мобилизации в армию, за революционное разложение рядового казачества. Ростово-Нахичеванский комитет с октября 1918 г. стал выпускать свои листовки по 400—500 экземпляров, а с декабря — и газету «Донская беднота». В конце декабря 1918 г. среди красновских войск Воронежского фронта было распространено 5 тыс. экземпляров листовок «Пока еще не поздно, казаки!». «Среди мобилизованных казаков и крестьян, — сообщало Донбюро в ЦК партии, — после распространения среди них литературы и проведения устной агитации посланными товарищами усилилось революционное брожение и массовое дезертирство»⁶⁸.

В тесном контакте с Донбюро и Ростово-Нахичеванским комитетом работали подпольщики Кубани. В марте 1919 г. был создан Екатеринодарский областной комитет РКП (б) во главе с А. А. Лиманским⁶⁹. Агитаторы развернули работу как в станицах, так и в городах — Майкопе, Владикавказе, Армавире. В листовках и воззваниях большевики разоблачали антиказачьи цели Деникина, обличали его порядки, призывали казаков спешить с отмежеванием от контрреволюции, переходить в партизанские отряды. О действенности этой агитации убедительно свидетельствует отказ некоторых казачьих частей повиноваться белогвардейскому командованию. В газете «Правда» 13 марта 1919 г. сообщалось, что два кубанских полка, переброшенные с Кубани на Донской фронт, отказались воевать против Советской власти.

На Тереке руководство нелегальными большевистскими организациями и партизанским движением по борьбе с Деникиным проводил Кавказский краевой комитет РКП (б). Оперативное руководство партизанским движением и партийным подпольем осуществлялось РВС 11-й армии из Астрахани, во главе которого стоял С. М. Киров⁷⁰. Астрахань была пунктом, через который поддерживалась связь ЦК РКП (б) с большевиками Северного Кавказа. Поддерживая тесную связь с терскими подпольными организациями, С. М. Киров помогал им людьми, направлял с ними агитлитературу, письма, пароли, деньги. При политотделе 11-й Армии по его указанию создается специальная школа по подготовке работников, направляемых в белогвардейский тыл. В школе было подготовлено около 500 человек. Они проводили большую работу в казачьих станицах.

125

В письме ЦК РКП (б) С. М. Киров сообщал, что «дополнительно на Терек послал несколько человек. Среди посланных — два пожилых старика, но оба они надежные политиканы, им и поручено мною «приготовить занозу» для Терского круга»⁷¹.

Результаты подпольной работы среди казачьих масс не замедлили сказаться. Об этом же вынужден был сообщить в мае 1919 г. депутат

Малого войскового круга, посланный в терские станицы с целью выяснения действительного положения дел. «В станицах Пятигорского отдела, — писал он, — отсутствие хорошей дисциплины среди молодых казаков. В ряде станиц наблюдается дезертирство. В станицах Сунженского отдела — пренебрежительное отношение к станичным атаманам. Обращение офицеров с рядовыми казаками грубое; действия добрармии по реквизиции носят характер грабежа. В станицах Кизлярского и Моздокского отделов нервное настроение среди населения и неуверенность в правильности решения вопроса относительно большевизма»⁷². Эта сводка весьма ярко и убедительно показывает моральное состояние казачества, нежелание его рядовой части воевать на стороне белогвардейцев.

В целях централизации агитработы среди рабочих, трудящихся крестьян и казаков на территории Дона, Кубани и Северного Кавказа ЦК РКП (б) возложил общее руководство этой работой на политотдел Южного фронта. Я. М. Свердлов в специальном письме предложил для координации работы от Донбюро ввести в РВС Южного фронта С. И. Сырцова⁷³. В декабре 1918 — феврале 1919 г. для работы среди казачества направились сотни агитаторов. Литературно-агитационно-издательский отдел при политотделе 9-й армии Южного фронта организовал широкое издание обращений к трудовым казакам и газеты «Казачье красное солнышко»⁷⁴.

Большую агитационную работу среди красновцев с августа 1918 г. в районе Царицына вел Казачий отдел ВЦИК. В одном из его воззваний говорилось: «Трудовое казачество, бросай ряды Краснова, атамана хищного. Становись в ряды наши... У нас своя могучая непобедимая Красная Армия, свои стойкие красные офицеры, не чета вашим юнкерам-белоручкам. Все, кто любит свободу, с нами, за нас...»⁷⁵ Летом и осенью 1918 г. среди казаков армии Краснова значительную работу

126 проводил военсовет Северо-Кавказского военного округа, а затем политорганы 10-й армии. Агитационная литература в белоказачьих частях не только распространялась агитаторами, но и сбрасывалась с аэропланов. Тиражом 100 тыс. экз. была распространена листовка «Трудовые казаки! Опомнитесь! С кем вы воюете?», подписанная В. И. Лениным, Я. М. Свердловым и председателем Казачьего комитета при ВЦИК М. Даниловым. Она сыграла важную агитационную роль в разложении и переходе ряда белоказачьих частей на сторону Красной Армии⁷⁶.

Агитационное наступление на армию Краснова особенно усилилось с декабря 1918 г. Воронежская агентура Донбюро распространяла агитлитературу аэропланами и через агитаторов на фронтах Воронеж — Бобров — Новохоперск — Борисоглебск — Балашов — Елань⁷⁷. Слова большевистской правды доходили до сознания рядовых белоказачей. В армии Краснова шел процесс разложения. Большинство казаков не желало покидать территорию войска Донского, считая, что для них достаточно

«своей, казачьей, земли». По мере нарастания ударов Красной Армии, в составе которой под Царицыном героически сражалась Особая кавалерийская дивизия под командованием Б. М. Думенко, разложение красновцев усиливалось. Среди казаков участились случаи дезертирства. Часть подразделений шли в бой под угрозой расстрела карательными отрядами. 18 января 1919 г. в станице Вешенской восстал 28-й казачий полк. В станице Казанской казаки-фронтовики создали ВРК и провозгласили Советскую власть. Примеру казанцев и вешенцев последовали казаки еще восьми полков. Член РВС Южного фронта И. Ходоровский в сводке от 2 февраля 1919 г. сообщал: «Количество пленных постоянно растет. Полностью сдались 25, 26, 27-й конные, 24-й и 25-й пешие полки... Среди казаков полное разложение»⁷⁸.

Начавшееся в самом начале 1919 г. наступление войск 8-й и 9-й армий на центральном участке завершилось полным разгромом белоказачьей армии Краснова. Из 85 тыс. штыков и сабель, насчитывавшихся у атамана, за Северский Донец отошло не более 15 тыс. Казачество было деморализовано. Разбив основные силы белоказачьей армии, красноармейцы освободили $\frac{3}{4}$ территории Донской области. Большой войсковой круг,

127

собранный в Новочеркасске 14 февраля 1919 г., избрал донским атаманом вместо Краснова, вынужденного подать в отставку, А. Богаевского, ставленника Деникина. Однако смена атамана не могла изменить тяжелейшей ситуации белоказачьих войск. Казаки отказывались воевать против Советской власти.

На Южном Урале, как и в других казачьих регионах страны, дутовское правительство установило на захваченной территории режим насилия и террора. «Порядки» эти, как писала впоследствии газета оренбургских большевиков «Коммунар», вызывали ужас. Смертная казнь грозила за укрывательство большевиков и красноармейцев, за возбуждение сословной и классовой вражды, за призыв к забастовке⁷⁹. Неприкрытая белогвардейская диктатура сопровождалась арестами, насилием, террором на территории губернии. В Троицке было расстреляно 700 коммунистов и красноармейцев⁸⁰. В Оренбурге в период дутовского режима погибло более 900 человек. Четвертую часть расстрелянных составляли казаки. «Правда» 21 января 1919 г. писала: «На днях в Оренбурге расстреляно 250 казаков, категорически отказавшихся выступить против Красной Армии... Молодые казаки идут в ряды белых войск исключительно под угрозой жестоких наказаний». Казачья молодежь в отличие от казаков старших возрастов острее чувствовала классовые противоречия, так как не успела впитать многих сословных предрассудков и традиций. Но, проникнутые сословным духом, не утратившие еще веры в «общеказачьи» интересы, многие станичники поначалу обращались с жалобами на бесчинства дутовцев к

«своим» атаманам и начальникам⁸¹. Однако прошения эти, как правило, оставались безответными.

Казаки все больше и больше тяготились бессмысленной и преступной войной против Советской власти. Большевики Оренбуржья, используя это недовольство, в тылу у Дутова сумели привлечь на свою сторону трудовых казаков, организовать их на борьбу с белогвардейцами. В Оренбурге, Троицке, Челябинске и других городах возникли подпольные большевистские организации, однако их работа, особенно в первое время, не могла развернуться широко. Большинство членов партии с оружием в руках боролись на фронтах гражданской войны, а из оставшихся в тылу многие были расстреляны или брошены в тюрьму. Тем не менее

128

подпольщики ни на день не прекращали своей революционной деятельности.

Осенью 1918 г. в Троицке уцелевшие от арестов большевики создали подпольные группы, куда входили большевики и сочувствующие им, в том числе и казаки. Даже дутовская газета «Уральский маяк» вынуждена была отметить: «В Троицке еще много истых сторонников Советской власти, которые при каждом удобном случае ведут агитацию, особенно среди молодых казаков». Сообщала она и о том, что под влиянием большевистской пропаганды казаки 8-й и 2-й рот выставили свои требования и отказались от военных занятий. Дело дошло до того, что прибывший к ним командир батальона, «видя неповиновение, произвел в толпу казаков несколько выстрелов, ранив легко одного из них»⁸². Боеспособность подобных воинских частей была очень низкой.

В Оренбурге подпольная деятельность большевиков развернулась не сразу. Белогвардейцы, захватив город и установив жестокий террор, ослабили силы оренбургского пролетариата, вырвав целый ряд активных работников из большевистской парторганизации. Несмотря на огромные потери, оставшиеся на воле большевики сумели осенью 1918 г. создать в Оренбурге подпольную организацию, которую возглавил Львов⁸³. В условиях белогвардейского режима они развернули героическую борьбу с дутовцами в городе и в казачьих станицах. Большевик С. Кичигин ездил по станицам и поселкам под видом стекольщика. Он разъяснял казакам сущность Советской власти, призывал их на борьбу с белыми. Схваченный мятежниками, он был расстрелян⁸⁴. В Воздвиженскую и в ряд других станиц подпольная организация направила 25 агитаторов во главе с большевиком Полюдовым. На заседании Войскового круга станиц 1-го отдела говорилось, что большевики «не перестают агитировать, разлагать... казаков». Станичник Ефимов докладывал Войсковому кругу, что в Пречистенской большевистскую агитацию ведут не только рядовые казаки, но и атаман Абаимов⁸⁵.

На Восточном фронте по линии Оренбург—Уральск активно

пропагандировали работу среди казаков направленные из центра в губернию летом 1918 г. члены Казачьего отдела ВЦИК М. Нагаев, И. Скворцов, И. Ружейников, Ф. Свешников⁸⁶.

III

Агитационная и организаторская работа большевиков среди казачьих масс фронта и тыла разлагала контрреволюционные силы.росло число трудовых казаков, осознавших противоположность своих интересов устремлениям атаманско-кулацкой верхушки. Пытаясь приостановить политическую агитацию большевиков, дутовцы в начале августа 1918 г. создали политическую разведку, которая должна была выявлять в станицах большевистски настроенных казаков и предавать их военно-полевому суду⁸⁷.

Осенью 1918 г. в Оренбуржье, как и в других казачьих районах страны, начался исторический перелом в настроениях среднего крестьянства и части трудового казачества. Рост недовольства рядовых казаков выразился в участившихся случаях уклонения от мобилизации, в дезертирстве и т. д. В Краснохолмской, Капитоновской, Красноярской, Никольской и в ряде других станиц многие трудовые казаки отказывались от службы Дутову и шли в Красную Армию. В числе первых были казаки-фронтовики и казачья молодежь. Газета «Оренбургский казачий вестник» 24 августа 1918 г. писала, что в станицах некоторые казаки в связи с призывом на службу для борьбы с большевиками отказываются от казачьего надела и своей сословной принадлежности к войску. Не желавшие вступить в дутовскую армию исключались из казачьего сословия. Так, в конце сентября сход Городищенской станицы исключил из своей среды «13 казаков, ушедших по своей воле к большевикам». В станице Оренбургской были лишены казачьего звания более 20 человек «за сочувствие к большевикам, за агитацию в пользу большевиков и за участие в Красной Армии»⁸⁸.

Большевистское влияние росло неуклонно. В ответ главари казачьей контрреволюции принимали самые жестокие меры против революционно настроенных станичников. Был издан приказ, по которому «исключенные из войска Оренбургского казаки без всякого следствия и суда передавались в лагерь для военнопленных». В станицы направляются офицерско-кулацкие карательные отряды. Схваченные ими казаки, ведущие большевистскую агитацию, обычно расстреливались на месте, а их семьи исключались из рядов казачества. Так было в станице Бердской, где за сочувствие большевикам каратели расстреляли несколько казаков, а их семьи лишили казачьего звания⁸⁹.

130

Огромную роль в переходе трудового казачества на сторону Красной Армии сыграл приказ командующего Актюбинским фронтом Г. В. Зиновьева «О соблюдении порядка на занимаемой территории». В категорической форме всем красноармейцам предлагалось блюсти

революционную законность по отношению к пленным и перебежчикам. Этот гуманный документ вызывал доверие простого казака. Размноженный в тысячах экземпляров, он распространялся среди казаков станиц и дутовских войск⁹⁰.

В сентябре 1918 г. в Поволжье началось наступление частей Красной Армии. Этот успех явился результатом мероприятий, проведенных ЦК РКП (б) и лично В. И. Лениным по укреплению Восточного фронта. В сентябре от белогвардейцев были освобождены Казань и Симбирск, в октябре — Самара и Бузулук. Используя благоприятную обстановку, командование Туркестанской армии приняло решение о наступлении на Оренбург. В результате упорных боев в начале января 1919 г. были освобождены Ак-Булак и Соль-Илецк. Открывалась дорога на Оренбург.

Военные успехи Красной Армии осенью 1918 г. оказали решающее влияние на разложение и дезорганизацию белоказачьих частей всех регионов страны. Немалую роль в повороте трудового казака как мелкобуржуазного патриота в сторону Советов сыграло постановление ВЦИК и СНК «Об аннулировании Брест-Литовского мирного договора»⁹¹. С его аннулированием рухнула лживая пропаганда казачьих верхов об антипатриотизме большевиков. Трудовые казаки на деле увидели, что для большевиков немецкая буржуазия является таким же врагом, как и буржуазия английская, американская, французская, русская и прочая. Советское правительство вновь предлагало всем странам мирное соглашение и подчеркивало, что до его подписания будет вести борьбу со всеми попытками ликвидации национальной независимости России.

Победы Красной Армии, большевистская агитация усилили среди контрреволюционных войск панику и разложение. Командующий бузулукской группой белых полковник Бакич сообщал Дутову, что входящая в состав его группы 2-я стрелковая дивизия «совершенно расстроилась как морально, так и численно, так как мобилизованные поголовно ушли из частей». В полках этой

131

дивизии, по признанию полковника, осталось боеспособного элемента от 60 до 200 человек. Подобным образом складывалась обстановка и в других вражеских частях. В бою под Ново-Сергиевской 25-й казачий полк покинул позиции. Казаки этого же полка в станице Переволоцкой оставили письмо командованию Красной Армии, в котором заявили, что не желают воевать против Советской власти⁹². С приближением к своим станицам казаки некоторых полков «демобилизывались», т. е. разбегались по домам. Так поступили казаки 8-го и Линейного полков. Усилившееся разложение белоказачьих войск показывало, что антинародный дутовский режим трещит по швам. 22 января 1919 г. части Красной Армии освободили Оренбург, 24 января — Уральск.

Освобождение Красной Армией зимой 1919 г. более половины

территории Дона, части Уральской области и Оренбургской губернии поставило на очередь дня вопрос о дальнейшем укреплении союза рабочего класса с трудовым крестьянством и казачеством. В работе с казачеством необходимо было учесть глубокие классовые сдвиги в его среде и на основе программных документов Коммунистической партии и Советского правительства определить конкретные меры, укрепляющие данный союз.

Однако при решении этой задачи на Дону, отчасти в Уральской и Астраханской областях были допущены ошибки. Под влиянием некоторых работников Центра, побывавших во второй половине 1918 и в начале 1919 г. в казачьих областях и видевших там ожесточенную борьбу казачества против Советской власти, особенно на Дону, Оргбюро ЦК РКП (б) в циркулярном письме дало директиву о проведении жесткой линии по отношению к казачеству. Подлежали суровым репрессиям вплоть до расстрела все участники антисоветских выступлений. Вместе с тем было указано на необходимость политической нейтрализации среднего казачества⁹³. Но при этом недостаточно учитывались классовые сдвиги в среде казачества, особенно явные в Оренбуржье и в некоторых других районах.

Местные партийные и советские органы на Дону в работе с казачеством сделали упор на усиление репрессивных мер ко всем казакам, выступавшим ранее против Советской власти. Такая линия являлась ошибочной, так как не учитывала начавшегося перелома в настроении

132

середняцкого казачества, отхода некоторой части его от офицерско-кулацких кругов. Многие ревкомы и армейские трибуналы, особенно те, в которых находились неопытные работники или пробравшиеся в советские органы чуждые элементы, совершили тяжкие нарушения революционной законности в Хоперском, Вешенском, Морозовском и в ряде других округов⁹⁴. Местные ревкомы явно увлеклись «расказачиванием»: станицы переименовывались в села, казакам запрещалось носить лампасы, из обращения изгонялось само слово «казак». Несомненно, такие меры озлобляли казачество, отталкивали его от Советской власти. «Естественно, — писал позже М. А. Шолохов, — что такая политика, проводимая некоторыми представителями Советской власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество»⁹⁵.

Серьезные извращения при проведении политики по отношению к казакам были допущены и в Уральском войске. Командование 4-й армии и Уральский ревком предписали применять военно-репрессивные меры ко всем перебежчикам-казакам из армии Колчака. У середняцкого казачества отбирались земли и передавались иногороднему населению. Нарушался классовый принцип при осуществлении продовольственной разверстки⁹⁶. Подобные искривления в известной степени мешали осуществлению

продуманных политических мероприятий в других казачьих областях страны и могли нанести огромный вред.

Большевики Оренбуржья в отличие от ряда ревкомов Донского, Уральского, Астраханского казачьих войск, учитывая военную обстановку в крае, усиление процесса классового размежевания в среде казачества, сделали упор не на репрессивные, а на мирные политические средства привлечения его на сторону революции. Опыт борьбы за трудовое казачество, накопленный большевиками Оренбуржья, указывал на возможность окончательного его завоевания политическими средствами. Решению этой задачи способствовал и личный опыт трудовых казаков, которые на кровавом опыте хозяйничанья дутовцев убеждались, что устремления атаманско-кулацких кругов противоположны их коренным интересам. «...Действительность показывает, — писал В. И. Ленин в 1919 г., — что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт колеблющейся мелкой буржуазии приводит ее,

133

после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней»⁹⁷. В этом отношении характерно письмо бедняцко-середняцких слоев станицы Краснохолмской, адресованное в конце октября 1918 г. одной из частей 1-й армии. В письме казаки дали меткую классовую характеристику белогвардейского режима: «...дутовцы держат старую дисциплину и царизм, поэтому мы не хотим вести войну против вас, а хотим как бы то ни стало сойтись с вами вместе»⁹⁸. Это подводило их к осознанию необходимости разрыва с казачьими верхами.

В системе мер, направленных на привлечение трудовых казаков политическими средствами, наряду с агитационно-пропагандистской работой большое значение имел изданный членом Реввоенсовета республики П. А. Кобозевым приказ № 18 от 22 января 1919 г., обращенный к казакам дутовской армии. Этот приказ гарантировал дезертировавших оттуда казаков, рядовых и офицеров от репрессий. Приказ был напечатан отдельной листовкой массовым тиражом и распространен в дутовских частях.

Большевики Оренбуржья, используя перелом в настроениях средних слоев казачества, в начале 1919 г. расширяют свое влияние среди них. Учитывая сложные условия работы среди казачества, ЦК РКП (б) в феврале 1919 г. направил в Оренбург группу опытных партийных работников, укрепив тем самым местные партийные организации. В их числе были И. А. Акулов, М. Х. Поляков, А. А. Сольц и др. Губернский комитет партии, идя навстречу пожеланиям казачества, дорожившего своими специфическими органами власти, принял решение создать войсковой исполком. Это был тактический шаг, направленный на привлечение трудовых казаков на сторону революции, на безболезненный переход их к единым органам

Советской власти. Казачья секция губисполкома была реорганизована в войсковой исполнительный комитет. Председателем воисполкома кооптировался казак-большевик А. С. Шереметьев, заместителями председателя стали большевики И. Ф. Киселев и Б. В. Ишкенин⁹⁹. В войсковом исполкоме создаются отделы управления, народного образования, земельный и военный. Функции отделов социального обеспечения и здравоохранения выполняли соответствующие отделы губисполкома. Такое разделение функций между двумя

134

исполкомами предусматривало в будущем их объединение на основе конституции.

Воисполком сразу же приступил к изданию газет (для русских — «Красный казак», для мусульман — «Рабочий мир»). Получая поддержку и помощь губкома, воисполком приступил к восстановлению советских органов на освобожденной казачьей территории. Имея в виду, что не только бедняцкая, но и определенная часть середняцкой массы казачества порвала или порывает с контрреволюцией, воисполком считал необходимым привлечь их к решению станичных дел. Это способствовало дальнейшему классовому размежеванию между казацкими низами и верхами, наносило ощутимый удар по старой казачьей традиции, когда станичной жизнью управляли офицерско-кулацкие круги.

Работу по созданию Советов на казачьей территории воисполком начал с созыва съезда делегатов освобожденных станиц 1-го округа. В станицы заблаговременно были разосланы инструкции о задачах Советов, о проведении выборов в них. Съезд казаков, на котором присутствовало 65 делегатов от освобожденных станиц 1-го округа, был созван 7 февраля 1919 г. В своем обращении к делегатам-станичникам председатель исполкома Совета казачьих депутатов Оренбургского округа И. Ф. Киселев говорил: «Это зависит от вас самих, если вы раз и навсегда решите покончить с буржуазией и офицерством, если пойдете по верной дороге — будете на местах выбирать в Советы только бедноту, истинных представителей трудового народа, то никогда не возвратится власть Дутова. Ваш союзник—рабочий класс, власть которого с каждым днем все больше и больше усиливается. К работе на пользу этого пролетарского дела я вас и призываю»¹⁰⁰. Съезд принял резолюцию об оказании помощи хлебом, мясом и другими продуктами голодающему населению Петрограда и Москвы. Съезд обратился к казакам, находящимся у Дутова, с воззванием признать власть Советов и прекратить вооруженную борьбу. Сразу же после окончания работы съезда для проведения политической работы в станицах губком и воисполком направили большую группу опытных инструкторов-агитаторов. Многие из них были присланы в Оренбург Уральским окружным военным комиссариатом, в их числе — большевики Верхнеуральского казачьего полка И. Ильин, А. Жданов, Т. Каримов,

Г. Сагитдинов и Ф. Шеметов. Подготовка агитаторов для работы в станицах шла на краткосрочных курсах, организованных губкомом и воисполкомом. Уже в феврале — марте в каждой освобожденной станице и поселке побывали инструкторы-агитаторы, которые помогли трудящемуся казачеству подготовить избрание станичных Советов, исполкомов¹⁰¹. В станицы направлялись также инструкторы по культурно-массовой работе, налаживавшие работу изб-читален, библиотек.

В начале февраля 1919 г. возобновили свою работу Советы в станицах Краснохолмской, Красноярской, Неженской, Сакмарской, Бердской, Перовской, Прохладной, 2-й Зубочистенской, Григорьевской. В марте избираются Советы в станицах Чернореченской, Черноотрогской, Кардаиловской, Никольской и др.¹⁰²

Большое значение для поворота бедняцкого и середняцкого казачества на сторону Советской власти имела материальная помощь, оказываемая рабочим классом рядовым станичникам: сельхозинвентарем, созданием ремонтных мастерских, сельскохозяйственных прокатных пунктов и т. д.¹⁰³ Руководя восстановлением хозяйства, войсковой исполком совместно со станичными Советами провел учет обеспеченности трудовых казаков скотом и сельхозинвентарем и оказал помощь нуждавшимся¹⁰⁴. Налаживалась работа школ. Войсковой исполком провел съезд учителей, призвавший учительство к совместной с Советами работе по политическому и культурному просвещению жителей казачьей станицы.

Хотя материальная помощь Советского государства трудовому казачеству в условиях хозяйственной разрухи и скудных ресурсов не была и не могла быть значительной по своим масштабам, но она имела большое политическое значение. Казачество убеждалось, что Советская власть одинаково заботится о всех трудящихся. Вторая губернская конференция РКП (б), состоявшаяся 4—5 марта 1919 г., заслушав доклад председателя исполкома Совета казачьих депутатов 1-го округа И. Ф. Киселева о работе среди казачества, пришла к решению: создать в «каждой станице коммунистические ячейки». В обязанность комячеек входила «задача развития классового самосознания и самодеятельности городской, деревенской и станичной бедноты путем организации ее. Необходимо энергичное привлечение на

свою сторону всех колеблющихся трудовых масс, вырвав их из-под растлевающего влияния буржуазии и кулачества»¹⁰⁵. Это решение ускорило отрыв станичной бедноты от атаманско-офицерских кругов, укрепляло союз рабочего класса и крестьянства с трудовым казачеством. Создавались условия для окончательного разгрома дутовщины.

Однако еще сильны были сословные предрассудки и традиции, мелкособственнические устремления, которые затрудняли высвобождение

трудового казачества из-под влияния офицерско-кулацких верхов. Весной — летом 1919 г. большинство середняцкого казачества было вновь вовлечено в контрреволюционное выступление против Советской власти.

Глава V РЕШАЮЩИЕ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ. КРАХ КАЗАЧЬЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Социальное размежевание в стане белоказачков

В начале 1919 г. Южный фронт оказался средоточием контрреволюционных сил. Интервенты и белогвардейцы считали, что именно «в Южной России должна быть создана для наступления на Москву основная масса национальных сил...»¹.

Учитывая экономическое и военно-стратегическое значение этого региона, а также особенности классового состава населения, Коммунистическая партия бросила все силы Советской Республики на укрепление Южного фронта. В результате принятых мер в феврале— марте 1919 г. завершился почти полный разгром Донской белоказачьей армии, а в апреле были освобождены от интервентов и белогвардейцев Украина и Крым. Успехи Красной Армии на главном направлении внесли смятение и тревогу в лагерь врагов Советской власти. Однако поражение на Южном фронте подстегнуло их активность на других фронтах. 4 марта 1919 г. на Восточном фронте началось наступление колчаковских войск.

11 апреля 1919 г. на пленуме ВЦСПС В. И. Ленин, раскрывая причины военных успехов Колчака, говорил: «...сосредоточение всех сил на Южном фронте вызвало чрезвычайное ослабление Восточного фронта. Подкреплений туда мы давать не могли. Армия на Восточном фронте несла неслыханные тяготы и жертвы... В результате— перенапряжение сил на Восточном фронте»². Вскрывая цель и значение наступления Колчака, он разъяснял: «...буржуазия до последней степени ожесточена: она рассчитывает самым отчаянным наступлением заставить нас отвлечь часть наших сил с решающего Южного фронта. Мы этого не сделаем...»³ Выступая на конференции фабзавкомов и профсоюзов Москвы 17 апреля 1919 г. специально по вопросу о

138

борьбе с Колчаком, В. И. Ленин снова указывал: «Колчаковское наступление, инспирируемое союзниками, имеет целью отвлечь наши силы с Южного фронта... но это им не удастся»⁴.

Таким образом, весной 1919 г. Южный фронт оставался главным, решающим, именно там находился основной плацдарм контрреволюции. На Восточном же фронте колчаковское наступление носило характер отвлекающего удара. Однако это не значит, что опасность для Советской

Республики на Восточном фронте оказалась несущественной. Советское государство вынуждено было для ее преодоления мобилизовать большие силы.

Пользуясь превосходством сил, Колчак в марте — первой половине апреля 1919 г. захватил Уфу, Бугульму, Белебей, Стерлитамак, Бугуруслан и другие города. Враг вновь оказался в непосредственной близости от Волги. Нависла опасность над Казанью, Симбирском и Самарой. Военные успехи белогвардейцев вновь окрылили казачью контрреволюцию. Дутов немедленно заявил о готовности служить Колчаку. «Оренбургское войсковое правительство,— писал он в особом указе,— твердо заявляет, что оно подчиняется всем распоряжениям всероссийского правительства, находящегося в Омске»⁵. Угроза выхода армий Колчака к Волге, опасность их соединения с армией Деникина для «похода на Москву» в корне меняли стратегическую обстановку. «...Колчак осуществил в последнее время такие завоевания на Восточном фронте,— говорил В. И. Ленин,— которые ставят под угрозу Волгу и заставляют сказать, что нам придется с громадным напряжением сил отбросить Колчака»⁶. Всесторонне изучив военно-политическую обстановку в этот период гражданской войны, Центральный Комитет партии принимает решение сосредоточить основные боевые действия Красной Армии в первой половине апреля 1919 г. не на Южном, а на Восточном направлении. «Тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта» были восприняты партийными организациями страны как боевая программа действий. ЦК партии призвал все партийные организации и профсоюзы взяться за работу по-революционному, чтобы разбить Колчака быстро и окончательно⁷. Сложная обстановка требовала мобилизации всех сил молодой Республики Советов.

139

Южное крыло колчаковской армии — войска Дутова — действовало в Оренбургской губернии. В начале апреля Оренбург был почти со всех сторон окружен белыми. Дутовское командование придавало большое значение захвату города, так как это давало Колчаку возможность соединиться с войсками Деникина. Кроме того, контрреволюция нуждалась в крупной базе для новых формирований белоказачьих отрядов. Наконец, Оренбург имел важное стратегическое и политическое значение для Советской Республики, ибо являлся звеном, связующим Советскую Россию с Туркестаном, с народами Востока. Отсюда велась политическая работа среди мусульман⁸.

Оренбургская парторганизация решала ответственные и сложные задачи. ЦК РКП (б) и лично В. И. Ленин оказывали помощь местным большевикам в успешной мобилизации сил трудовых масс губернии на разгром дутовщины. 2 марта 1919 г. ЦК РКП (б) директивно указал Уральскому областному комитету партии изыскивать возможности для

ускорения процесса разложения казачества, т. е. проводить изоляцию его офицерско-кулацких элементов и привлекать к Советской власти бедняцко-середняцкие массы. Большевики Оренбуржья возглавили агитационную и организаторскую работу по сплочению вокруг партии трудовых масс казачества. 7 апреля президиум губкома партии своим постановлением предписал всем большевистским ячейкам губернии «повести усиленную агитацию за вступление крестьянства и казачества в ряды Красной Армии»⁹. 10 апреля 1919 г. газета «Красный казак» (орган войскового исполкома Совета казачьих и красноармейских депутатов) призвала оренбургских трудовых казаков к поголовной мобилизации для отпора Колчаку. Газета призывала казаков: «Товарищи! Наши враги хотят отнять у нас хлебобобовый край — Поволжье и костлявой рукой голода задушить купленную морем крови свободу. Не допустим этого. Все в ряды Красной Армии! Все на защиту Поволжья!»¹⁰

Опытные агитаторы-большевики направлялись в Краснохолмскую, Красноярскую, Воздвиженскую, Никольскую, Нежинскую и другие станицы Оренбургского округа. На собраниях, проводимых ими, многие трудовые казаки приняли решение о мобилизации в Красную Армию. «Правда» сообщала: «Трудовое казачество

140

Краснохолмской, Красноярской, Воздвиженской, Никольской, Нежинской и других станиц стекается под знамена Советской власти...» «Испытанные орлы трудового казачества слетаются в решительный момент для борьбы с Дутовым», — писали 11 мая 1919 г. «Известия Народного комиссариата по военным делам». Из казаков-добровольцев был сформирован 4-й Оренбургский казачий полк, насчитывавший до 3 тыс. человек¹¹. Добровольцы пополнили и другие части Красной Армии (из-за сложившейся обстановки формировать специальные казачьи полки не было времени). Казаки сразу же направлялись на фронт.

По инициативе Оренбургского губкома РКП (б) Верхнеуральский и Троицкий казачьи полки 18 апреля обратились к казакам оренбургских станиц с призывом прекратить борьбу против Советской власти. «Мы, — говорилось в воззвании, — ни перед кем не устрашимся и не дрогнем. Но прежде чем вступить с вами в бой, мы еще раз предупреждаем вас, как братьев по родным станицам: сбросьте роковой гнет со своих плеч и присоединяйтесь к нам, чтобы общими силами скорее расправиться с врагами революции. Не мстить, а освободить вас идем мы, наших братьев трудови́ков и бедняков»¹².

В специальной листовке «К казачьей молодежи и к казакам-фронтовикам», выпущенной политотделом Туркестанского фронта тиражом 25 тыс. экземпляров, убедительно доказывалось, что рядовые казаки обмануты кровопийцами — Колчаком и Дутовым, которые заставили их проливать кровь за помещиков и капиталистов. Покончив с

этим, необходимо переходить на сторону Красной Армии, которая ждет их как своих товарищей¹³.

Весной 1919 г. большевистское подполье Южного Урала развернуло массовую работу против дутовской мобилизации в армию, за революционное разложение казаков-новобранцев. «В тылу Колчака,— писала 13 мая 1919 г. «Правда» о работе большевиков Оренбуржья среди казаков,— ведется интенсивная партийная работа. Наши товарищи работают в его армии и... не за горами то время, когда не отдельные части, как до сих пор, но целые корпуса противника будут переходить на сторону рабоче-крестьянской власти. Все казаки, живущие между Илецком и Актюбинском, составили из себя боевую единицу и отправились на

141

Оренбург для участия в боях совместно с красноармейцами против дутовских банд». В тылу и непосредственно в воинских частях Колчака умело вели агитационную работу троицкие большевики, опиравшиеся в своей подпольной деятельности на помощь и поддержку Челябинского нелегального центра. В первых числах февраля из Челябинска в Троицк для создания подпольной большевистской организации направляется коммунист питерский рабочий Н. С. Полухин. В марте 1919 г. первая подпольная конференция большевиков принимает решение об установлении тесной связи «с рабочими промышленных предприятий и крестьянско-казацким населением уезда». Весной 1919 г. подпольные партийные ячейки были созданы в станице Ключевской и казачьем поселке Ново-Троицком. Они организовали распространение листовок внутри казачьих поселков. Несколько экземпляров их попало даже на Войсковой круг, заседавший в то время в Троицке¹⁴.

Троицкие подпольщики распространяли воззвания, листовки, революционные брошюры, в которых призывали молодых казаков отказываться от службы в колчаковской армии и переходить на сторону Красной Армии. Политико-массовая работа большевиков находила отклик. Так, в Троицке мобилизованные устроили революционную демонстрацию, разогнали приемную комиссию, уничтожили списки мобилизованных и подлежащих призыву в колчаковскую армию и разбежались по домам¹⁵.

Еще в начале 1919 г. троицкие большевики создали в 12-м казачьем полку подпольную группу. Председателем ее был избран И. П. Тарасенко, заместителем — А. Е. Шевченко. Многие сделали подпольщики, чтобы подготовить казаков к переходу на сторону Красной Армии. 12-й полк первоначально числился у дутовского командования одним из образцовых. Но в апреле 1919 г. в одном из протоколов заседания Войскового круга говорилось, что полк — «гнездо большевиков, его нужно расформировать, а в лучшем случае взять в ежовые рукавицы». Такая же подпольная группа была создана и в 18-м казачьем полку¹⁶. Весной оба полка были переброшены к Уфе. Под руководством уфимских

большевиков-подпольщиков обе группы своей агитацией вскоре совершенно деморализовали боеспособность

142

12-го и 18-го казачьих полков. По этому поводу И. П. Тарасенко писал: «Говорить о переходе на сторону красных открыто было нельзя, но зато агитация не стрелять, а до своих родных станиц отступать удавалась хорошо. Проигранный генеральный бой около станции Сулея мы считаем отчасти заслугой и нашей работы, так как полки, завидев только разведку красных, бежали»¹⁷.

10 мая в станицы Троицкого округа выехало несколько членов казачьих подпольных групп для организации партизанского отряда из казаков, дезертировавших из дутовской армии. Конкретные указания о создании этого отряда были получены от Троицкого подпольного центра. Партизанский казачий отряд формировался в поселке Бело-Ключевском. Оружие и боеприпасы созданному отряду прислали из Троицка подпольщики-большевики. В начале августа 1919 г. партизанский отряд проводил крупную операцию против 3-го белоказачьего полка, находившегося в станице Берлинской. Совместными силами партизан и пришедших им на помощь каширинцев белоказаки были выбиты из станицы и поспешно бежали. Здесь, в Берлинской, произошла встреча партизанского отряда с регулярными казачьими частями Красной Армии¹⁸. В рапорте работника политотдела Туркестанской армии от 9 мая 1919 г. сообщалось, что в результате большой агитационной и организационной работы, проведенной подпольными комитетами большевиков, в Оренбуржье удалось организовать мощное партизанское движение. Это ускорило разложение в рядах колчаковцев.

Массовые мобилизации трудящихся крестьян и казаков, проведенные Колчаком, вызвали резкое недовольство населения. Изменился социальный состав его армии. Насильно мобилизованные казаки составляли большую часть белоказачьих частей. Они уже не являлись прочной опорой Колчака. Прежде всего высказывалось недовольство аграрной политикой контрреволюционеров, в результате которой все частновладельческие, офицерские, монастырские земли были возвращены их прежним владельцам. Офицерско-кулацкие слои казачества вынуждены были под давлением рядового казачества принимать не свойственные им решения. Характерной является резолюция по аграрному вопросу 3-го очередного Войскового круга, который заседал в Троицке в июне 1919 г.

143

Чтобы сгладить острые аграрные противоречия, давались обещания, что «все земли должны принадлежать трудящимся на ней». «В согласии с этим требованием,— указывалось в резолюции,— земли частновладельческие, бывшие офицерские и монастырские, расположенные на территории войсковой, отчуждаются войсковым кругом в земельный фонд Области

войска Оренбургского для распределения их вместе с войсковыми землями между казаками... по общевойсковой норме... Вопрос об отчуждении вышеназванных земель с выкупом или без выкупа казачество предоставляет Национальному собранию»¹⁹. Однако такой передел откладывался до победы контрреволюции. Совершенно очевидно, что подобное решение аграрного вопроса являлось не чем иным, как тактическим маневром офицерско-кулацких кругов с целью расширения своей социальной базы. Явный обман рядовых казаков в вопросе о земле вызывал недовольство, разрушал их иллюзии о единстве казачьих интересов.

Собравшийся в феврале 1919 г. на Дону Большой войсковой круг принял решение, сохранявшее в области дореволюционные земельные отношения²⁰. Проект закона об учете и распределении земли под посев на 1919—1920 гг. Терского войскового правительства гласил: «В первую очередь удовлетворяются собственники земли площадью, которую могут обработать наличным инвентарем»²¹. Так крупные владельцы получили «свои» наделы назад.

Идеи ленинского Декрета о земле глубоко проникли в казачью среду и находили в ней горячий отклик. Это объективно заставляло трудовое казачество повернуть к большевикам. Они на практике убеждались, что белогвардейское движение защищает интересы офицерско-кулацких кругов и иностранной буржуазии, и приходили к выводу, что Россия не может быть свободной, если Советская власть потерпит поражение. Одним из факторов, приведших к этому повороту, В. И. Ленин считал патриотизм мелкой буржуазии. Он говорил: «Это поворот не случайный, не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства или соответствующее среднему крестьянству. Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому что мы

144

должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе, как иностранными штыками»²². Трудовые казаки понимали, что единственный путь к самостоятельности России — это поддержка и укрепление Советской власти. Говоря об этой эволюции мелкобуржуазных демократов, В. И. Ленин прямо указывал: «Они шли вместе с Дутовым и Красновым. Теперь мелкая буржуазия через этот период перешла. Патриотизм толкает ее теперь к нам,— так вышло, так заставила ее действовать история»²³.

Особенно усилился этот поворот среди казачества в связи с привлечением интервентов для карательных экспедиций на Урале и в Сибири. Офицерско-кулацкие круги предпринимают неуклюжие попытки примирения казаков с интервентами. Если раньше в приказах и воззваниях

делался упор на то, что союзники — друзья казаков и только с их помощью можно разбить большевиков, то к концу 1918—1919 г. тон их меняется. Все реже встречаются упоминания о союзниках, командование пытается даже скрыть факт интервенции. Большевистская газета «Коммунар» в статье «Дутов продолжает обманывать казачество» писала: «Желая поддержать дух разбегающейся армии, Дутов пишет в своих воззваниях, что к нему на помощь спешат уже не «союзники», а сибирские стрелки»²⁴.

Ненависть казаков к войскам интервентов была настолько велика, что колчаковское командование вынуждено было ограничить посылку на фронт иностранных войск, поручив им охрану железных дорог и наблюдение за тылом. Однако такое «наблюдение за тылом», где разгоралось пламя партизанской войны, вовлекало войска интервентов в жестокие карательные, экспедиции. А это в свою очередь вызывало еще большую ненависть казачества к иностранным захватчикам. Рядовые казаки видели прямую связь офицерско-кулацких кругов с иностранной и русской буржуазией. Убеждение казаков колчаковской армии в том, что «Россия не может быть и не будет независимой, если не будет укреплена Советская власть»²⁵, явилось одной из причин перехода их на сторону Красной Армии. В октябре 1919 г. в речи перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, В. И. Ленин говорил:

145

«Десятки белогвардейских офицеров и казаков, перебежчиков от Колчака, говорили, что они убедились, что Колчак продает Россию оптом и в розницу, и, даже не разделяя большевистских взглядов, переходили на сторону Красной Армии»²⁶.

В статье «Отпор Колчаку» «Правда» писала: «К надвигающимся красным частям в Оренбургском районе примкнуло 500 человек казаков... Под поселком Свитским нам сдался отряд казаков в 50 человек». О подобных фактах сообщалось неоднократно²⁷. Весной 1919 г. Дутов отдает приказ о расформировании 14, 15, 23, 24, 25, 27-го Оренбургских казачьих полков, мотивируя этот демарш моральным разложением, нежеланием драться и отсутствием у казаков воинской дисциплины. Таким образом, целые воинские части прекращали борьбу против Советской власти.

Массовое недовольство колчаковским режимом выражали и оренбургские станицы. «Казаки, живущие в поселках Булак, Оцан, Мартук, Кара-Бугай и Курайкин, при продвижении дутовских банд в Оренбургском направлении,— сообщала «Правда» 27 апреля 1919 г.,— встали на защиту Советской власти и совместно с Красными войсками участвуют в боях». Идеи власти Советов воспринимались многими трудовыми казаками, и даже в период отступления Красной Армии они становились на ее сторону.

Гражданская война углубляла классовый раскол в казачьей среде. Общеказачьи сословные связи, на которые делала ставку контрреволюция, слабели и рвались. Это признавали и сами контрреволюционеры. В одном

из генеральских рапортов говорилось: «Поворот трудовых казаков к большевизму объясняется той политикой, которую провели большевики в станицах»²⁸. Агитационно-пропагандистская работа оренбургских большевиков в тылу белогвардейцев ускоряла этот процесс. «В последнее время в связи с подпольной организацией большевиков,— вынужден был отметить Дутов,— были случаи неисполнения населением приказа о мобилизации... восстания против существующей власти и вооруженного сопротивления администрации»²⁹. Это лишало контрреволюцию поддержки тыла и неизбежно вело к поражению в гражданской войне.

Как отмечалось, на сторону Красной Армии прежде всего переходила казачья молодежь. А. А. Коростылев,

146

характеризуя позицию казачества весной 1919 г., подчеркивал, что «весеннее наступление дало гораздо больший процент красного казачества. Во время кампании ясно были заметны два течения среди дутовского казачества: молодежь определенно проявляла симпатии по отношению к Советской власти...»³⁰.

Среди сложных военных вопросов, которые решали большевики Оренбуржья в период борьбы с Колчаком, был вопрос об укреплении тыла Южной группы войск Восточного фронта. Необходимость в этом стала особенно острой в мае 1919 г. в связи с белоказачьим мятежом, поднятым дутовцами в низовых станицах, расположенных к югу от Оренбурга, вниз по реке Урал. Белоказачий мятеж грозил ослабить тыл Красной Армии и мог содействовать прорыву дутовских войск к Волге на соединение с армией Деникина. 11 июня 1919 г. в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта В. И. Ленин предупреждал, что восстание необходимо подавить немедленно, мобилизуя «поголовно все окрестности». 20 и 27 июня он снова требует усилить борьбу с мятежом³¹.

Еще ранее, 10—12 марта 1919 г., вспыхнули мятежи в верхнедонских станицах — Вешенской, Казанской, Еланской, Мигулинской и др. Поводом для выступления против ревкомов было недовольство казаков реквизицией хлеба и лошадей. Захватив 12 марта Вешенскую и склады тыловых учреждений 8-й армии, мятежники стали развертывать свои силы. Руководители мятежа объявили мобилизацию всего мужского населения в возрасте от 17 до 55 лет. В станицы соседних округов прибыли десятки агентов мятежников, которые призывали примкнуть к восстанию³².

Кулацкие и зажиточные слои казачества, выступившие против диктатуры пролетариата, за восстановление своих экономических и политических привилегий, втянули в мятеж и значительную часть середняков. Мятеж охватил район с населением 300 тыс. человек, число участвовавших в нем в мае 1919 г. доходило до 40 тыс.³³ «На Южном фронте,— говорил В. И. Ленин в апреле 1919 г.,— сосредоточились такие силы красновцев и там настолько прочным было гнездо несомненно

контрреволюционного казачества... что без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи»³⁴.

147

По указанию ЦК партии командование Красной Армии бросило крупные воинские силы на подавление мятежа. Однако подавить его не удалось. Вскоре мятежники соединились с деникинцами. Это укрепило силы контрреволюции и позволило Деникину в мае 1919 г. перейти в общее наступление. В обстановке активизации контрреволюции и обострения положения на фронтах ЦК партии предложил обсудить вопрос о целесообразности применения к казачеству репрессивных мер, предусмотренных январским циркуляром Оргбюро ЦК РКП(б). 16 марта 1919 г. Пленум ЦК РКП(б), отметив наличие раскола внутри казачества, постановил приостановить применение репрессий против казаков и проводить среди них политику расслоения. Решения Пленума ставили своей целью завоевать на сторону Советской власти новые слои казачества³⁵.

Решающее значение для установления правильных отношений со средним крестьянством, в том числе и с трудовым казачеством, имели решения VIII съезда РКП (б), который проходил с 18 по 23 марта 1919 г. На съезде получил дальнейшее развитие и закрепление стратегический лозунг партии по отношению к середняку, который выдвинул В. И. Ленин в ноябре 1918 г.: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином— ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту...»³⁶ Директивно подтверждалась политика прочного союза с середняцким крестьянством. В речи на VIII съезде партии В. И. Ленин отмечал, что «сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем. Вот задача, которая стоит перед нами не теоретически, а практически»³⁷. Ленинская установка съезда на прочный союз с середняком при опоре на бедноту имела первостепенное значение для завоевания на сторону пролетариата трудящихся масс крестьянства и казачества.

8 апреля 1919 г. РВС Южного фронта передал политотделам всех армий, а также ревкомам Дона указания ЦК РКП (б) по выполнению решений мартовского Пленума об изменении политики партии по

148

отношению к казачеству. В соответствии с указаниями ЦК отменялись приказы РВС Южфронта об организации полковых ревтрибуналов, о конфискации повозок с лошадьми, фуража и седел. Предлагалось практиковать реквизиции со своевременной оплатой³⁸.

25 апреля Казачий отдел ВЦИК по предложению М. И. Калинина принял постановление об упорядочении деятельности ревкомов, о четком разграничении функций гражданских и военных властей. Для оказания помощи в исправлении допущенных ошибок на Дон были направлены из Москвы, Петрограда, Царицына опытные партийные работники. Однако вопреки партийным требованиям некоторые руководители Донбюро и областного ревкома не торопились проводить в жизнь эти указания. Столкнувшись с ожесточенным сопротивлением кулацких верхов, за которыми шла часть обманутого трудового казачества, они продолжали проводить линию «расказачивания», т. е. немедленной насильственной ломки всего хозяйственного и бытового уклада жизни казаков³⁹. Подобные перегибы наблюдались также в решениях Астраханского и Саратовского губисполкомов. По их требованию казачьи станицы переименовывались в села, а округа — в волости. Казакам, «как контрреволюционным элементам», не разрешалось проводить собрания и избирать станичные Советы. Подобные извращения в проведении в жизнь решений VIII съезда партии о союзе со средними слоями деревни оживляли сословную рознь, толкали трудовое казачество в лагерь контрреволюции. «Начиная с марта положение стало заметно меняться в невыгодную для нас сторону,— писал весной 1919 г. в ЦК РКП (б) И. Ходоровский.— Разложение в рядах казачества сменилось его спайкой и организованностью. Казачество стало переходить от нас к противнику»⁴⁰.

В. И. Ленин внимательно следил за происходившими событиями в казачьих областях, помогал исправлять ошибки, допускаемые местными работниками. В этом отношении принципиальное значение имела телеграмма В. И. Ленина, направленная 3 июня 1919 г. Реввоенсовету Южного фронта. В ней обращалось внимание на перегибы, допущенные работниками Котельниковского ревкома Донской области, проводившими политику «расказачивания». В. И. Ленин потребовал немедленно отменить распоряжения тех ревкомов на Дону, которые

149

являлись грубым вмешательством в бытовой уклад казаков, раздражали и настраивали их против Советской власти. «Обращаем внимание,— говорилось в телеграмме В. И. Ленина,— на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население»⁴¹.

Однако довести до сведения партийных и советских работников казачьих районов юго-востока Европейской России указание В. И. Ленина было уже невозможно. Обстановка в этом регионе страны к тому времени резко ухудшилась. Летом 1919 г. силы южной контрреволюции, используя свое численное превосходство, особенно в коннице, захватили всю Донскую область, Крым и значительную часть Левобережной Украины. 24 июня деникинцы заняли Харьков, а 30 июня — Царицын. Фронт вплотную

подошел к центральным районам Советской страны.

Агония контрреволюции

В обстановке активизации контрреволюции и обострения положения на фронтах большинство местных органов советских казачьих областей и районов творчески подошли к осуществлению директив ЦК РКП (б). Выполняя указание В. И. Ленина о необходимости полной ликвидации белоказачьих мятежей и укреплении войск Красной Армии кавалерийскими частями, Оренбургский губком, губисполком и воисполком 5 июня 1919 г. приняли решение мобилизовать в ее ряды всех казаков в возрасте от 18 до 30 лет⁴². Проводившийся до этого добровольческий принцип мобилизации не давал нужного результата, так как в Красную Армию вступала лишь небольшая часть казаков, в основном фронтовики, стоявшие на революционных позициях. Колеблющиеся середняцкие элементы казачества оставались в станицах, и их поголовно мобилизовывали дутовцы, подвергая политической обработке в контрреволюционном духе.

Принимая решение о мобилизации в Красную Армию молодежи, оренбургские большевики учитывали, что именно среди этого возраста находилась лучшая часть казаков-фронтовиков, уже накопивших определенный политический опыт и занимавших если не

150

благожелательную, то нейтральную позицию по отношению к Советской власти. Принятие такого решения способствовало укреплению обороны Оренбурга, лишало Дутова резервов. Кроме того, оно содействовало политическому просвещению казачества, мобилизованного в Красную Армию, прочному переходу его на сторону Советской власти.

Казаков в возрасте 30—45 лет решено было привлечь к тыловым работам, а старше 45 лет, лояльно или нейтрально относившихся к Советской власти, оставляли в станицах⁴³.

Совещание определило и меры борьбы с кулацкими кругами казачества. Решено было выселить семьи контрреволюционного казачества, конфисковать их имущество в пользу пострадавших от белогвардейцев. Кроме того, ненадежные элементы казачества выселялись из 50-верстной полосы вдоль линии железной дороги.

Смысл этого постановления состоял в том, что большевики Оренбуржья главное направление своей работы усматривали в дальнейшем расширении классового раскола в казачестве, в отрыве новых его слоев от контрреволюционеров и завоевании их на сторону Советской власти.

В конце мая 1919 г., когда необходимо было закрепить наступательный успех, достигнутый ударной группировкой Южной группы и добить Колчака, В. И. Ленин в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта

предлагал обратить «сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков»⁴⁴. 3 июня 1919 г., подтверждая это указание, он потребовал мобилизацию провести спешно, для чего послать «толкового, спокойного, знающего, опытного человека». В период наступления Красной Армии зимой 1918/19 г., указывал В. И. Ленин в телеграмме, была допущена ошибка: не провели мобилизацию оренбургских казаков, не использовали эту силу для борьбы с Колчаком⁴⁵.

Откликаясь на указание В. И. Ленина, Реввоенсовет Восточного фронта разработал план мобилизации оренбургских казаков. Он сообщил, что на Южном Урале «имеется отряд оренбургских казаков под командованием популярного И. Д. Каширина... Этот отряд будет направлен на Верхнеуральск, и вокруг него сгруппируются все революционные казаки». План, доложенный В. И. Ленину, проводился в жизнь по мере

151

освобождения летом 1919 г. станиц Верхне-Уральского и Троицкого округов от дутовцев⁴⁶. Оренбургская партийная организация совместно с политотделом 1-й армии руководила мобилизацией казаков Оренбургского уезда.

4 июня 1919 г. по решению губкома РКП (б) для проведения мобилизационной работы в станицах 1-го округа были командированы его председатель И. Акулов, заведующий губземотделом Б. Филонов, казак М. Карташов и др.⁴⁷ 14 июня при обсуждении военного положения в районе Оренбурга и мобилизации трудовых казаков Реввоенсовет 1-й армии поставил вопрос о создании укрепленного района. Губком партии принял в этом самое активное участие, направив туда ряд опытных коммунистов. Оренбургский укрепрайон являлся не только военно-административным, но и политическим органом. Под его руководством организовывалась политическая работа в станицах, в них создавались ревкомы, укреплялись партийные ячейки. Работой в станицах ведал специальный орган — казачий отдел штаба укрепрайона⁴⁸. Создание Оренбургского укрепрайона и станичных ревкомов наряду с решительными боевыми действиями позволило ликвидировать белоказачий мятеж и выполнить указание В. И. Ленина об укреплении тыла Южной группы войск Восточного фронта.

Для оказания помощи советским работникам Южного Урала в проведении мобилизации казаков Казачий отдел ВЦИК направил туда опытных агитаторов, уроженцев оренбургских станиц, И. Ружейникова, А. Нагаева, И. Скворцова, Ф. Свешникова⁴⁹. Летом 1919 г. завершилось формирование 3-й Оренбургской кавалерийской дивизии. 21 июня член РВС Туркестанской армии Ф. И. Голощекин писал в Реввоенсовет Южной группы, что наиболее боеспособными и дисциплинированными, способными на героический подвиг являются части 3-й кавалерийской дивизии, в особенности бригада И. Д. Каширина⁵⁰. Мобилизация оренбургских казаков позволила пополнить опытными кавалеристами

конные части Красной Армии в период решающих боев за Урал. Идеино-политическая работа партийных организаций Южного Урала, политотделов армий Восточного фронта среди казачьих масс явилась одной из причин успешной обороны Оренбурга, длившейся с апреля по июль 1919 г.

152

Моральное разложение, охватившее белоказачью армию, снижало ее боеспособность, не позволяло колчаковскому командованию осуществить захват города, хотя оно имело военное преимущество в живой силе и вооружении. За героизм и мужество, проявленные оренбургскими рабочими при обороне города, ВЦИК наградил его Почетным революционным знаменем. Такой высокой награды удостоились за период гражданской войны еще только два города — Петроград и Царицын. Героическая оборона города явилась важным условием наступления Южной группы Восточного фронта. 25 июля 1919 г. части Красной Армии заняли Верхнеуральск, а 4 августа — Троицк — важные центры оренбургского казачества.

Агитационная работа большевистских организаций Южного Урала, политотделов Восточного фронта, в составе которых были казачьи секции, способствовала закреплению поворота трудового казачества в сторону Советской власти. К проведению агитации среди казачьих масс партийные организации старались привлечь как можно больше революционно настроенных казаков. Оренбургский губком партии и политотделы армий Восточного фронта направляли политически грамотных казаков на краткосрочные агитаторские курсы в Москву, Пермь и другие города. Например, в мае 1919 г. по разверстке Казачьего отдела ВЦИК губернский комитет РКП (б) направил в Москву на инструкторско-агитационные курсы 36 казаков 4-го Оренбургского казачьего полка. Из Оренбурга, Троицка и Верхнеуральска в августе в Москву прибыли от каждой станицы «по 2 казака... окончивших курс не ниже станичной школы»⁵¹. По указанию Казачьего отдела ВЦИК и лично М. И. Калинина уже в первой половине июля на кавалерийские курсы красных командиров в Москву с Восточного фронта было командировано 15 оренбургских казаков. Подготовка офицеров из рядовых казаков убеждала станичников, что частями Красной Армии командуют не классово чуждые им лица, не атаманы и старшины, а трудовые представители казачества. Против генералов Дутова, Белова, Акулинина, адмирала Колчака вели успешные бои отряды под командованием братьев Николая и Ивана Кашириных, Николая Томина, Ивана Киселева, Семена Галунова и многих других. Это вызывало симпатии трудовых казаков к Красной Армии, ускоряло их переход на ее сторону.

153

Большое влияние на переориентацию рядовых дутовцев оказывали

письма тех, кто уже перешел на сторону Красной Армии. Вот характерное содержание одного из них: «В настоящее время нахожусь в Советской свободной России и вам от души желаю скорее... прийти к сознанию и встать на сторону своих братьев рабочих, крестьян и трудового казачества... Знайте, что мозолистые руки красноармейцев, к которым я теперь принадлежу, вам не разбить.

Казак (перебежчик) *Николай Лужков*»⁵².

Партийные организации казачьих воинских частей и политотделы Красной Армии Восточного фронта развернули работу по распространению в белоказачьих войсках таких писем перебежчиков, а также обращений к одностаничникам, находившимся в дутовской армии. Так, 28 июля 1919 г. казаки станицы Крутоярской на своем собрании приняли резолюцию, в которой говорилось: «Мы, матери, жены, отцы и братья, обращаемся к вам, казаки, убежавшие с офицерско-помещичьей бандой, призываем вас вернуться в свои родные станицы и защищать их от посягательства на них не большевиков, а буржуазных банд, в рядах которых вы находитесь...»⁵³ Как правило, после таких митингов в станицах шла запись добровольцев в Красную Армию. «Трудовые казаки,— писала «Правда» 6 мая 1919 г.,— в особенности тех станиц, где свирепствовал Дутов... становятся под ружье для защиты Советской власти. Из одной станицы прибыло 400 человек казаков со своими лошадьми и полным обмундированием».

Трудовые казаки, познав тяготы дутовского режима, поворачивали в сторону той власти, которая выражала их интересы. Агитационная и организаторская работа большевиков в станицах и белоказачьих частях ускоряла этот поворот. Только из Оренбургской городской партийной организации в начале мая на фронте и в станицах работали 800 коммунистов. Из них 160 человек были направлены в Туркармию, примерно столько же — в 1-ю армию, более 500 человек находилось в боевых полках, обороняющих непосредственно Оренбург⁵⁴.

Из работников губкома РКП (б) были сформированы политотделы Туркестанской армии и штабов обороны Оренбурга. В частях, обороняющих город, и в учреждениях, обслуживающих эти части, работали

154
А. Коростелев, А. Киселев, И. Акулов, М. Башилов, Г. Занузданов, А. Здобнов, М. Терехов, А. Шереметьев и др. Огромный размах агитационной работы в станицах и среди казаков белой армии, которую проводил политотдел Туркестанского фронта, позволил только за период с 1 августа по 1 сентября распространить в оренбургских станицах и среди казаков белой армии 65 тыс. экземпляров листовок, 10 тыс. воззваний, 25 тыс. плакатов. Листовочная агитация стала более дифференцированной, направленной конкретно к казачьей молодежи, казакам-фронтовикам, дутовским офицерам и т. д.⁵⁵

Среди белого трудового казачества в 1919 г. были очень популярны брошюры политотдела Туркфронта «Чем победить?» и И. И. Ульянова «Казачи и Советская Республика», излагавшие отношение Советской власти к трудовому казачеству. Листовка, изданная политотделом Туркфронта, «Как обманутые рабочие, крестьяне и казаки должны кончить войну?» объясняла, что они должны вместе выступить против Деникина и Колчака и восстановить Советскую власть.

В Центральном и партийном архивах Оренбурга хранится ряд интересных документов, рассказывающих о разложении дутовской армии под влиянием большевистской агитации и пропаганды. В одном из них — «В стане белых» — говорится, что, «по словам перебежчиков, большевистские воззвания сильно подействовали на молодых казаков. Между ними и старыми казаками произошли раздоры: молодые требовали немедленного прекращения войны, угрожая в противном случае расправиться со стариками и комсоставом». При первом же удобном случае «они переходят пачками на сторону Красной Армии»⁵⁶. В своем отчете в ЦК РКП (б) Оренбургский губком партии сообщал, что осенью 1919 г. им было выпущено свыше 400 тыс. листовок, воззваний, плакатов⁵⁷.

Успехи Красной Армии, агитация большевиков, кровавый опыт хозяйничанья белогвардейцев подвели трудовое казачество к осознанию необходимости разрыва с контрреволюцией. Политика Коммунистической партии всемерно подготавливала и ускоряла этот разрыв. Чтобы завоевать доверие трудовых казаков, необходимо было показать им на деле преимущества и выгоды власти Советов — власти народной, отстаивающей также их, казачьи, интересы. 16 августа 1919 г. в «Известиях ВЦИК»
155

было опубликовано обращение ВЦИК и Совета Народных Комиссаров к трудовым казакам всех казачьих войск. В нем излагались основы политики Советской власти в казачьих районах. «Трудовые казаки, трудовые крестьяне и рабочие — это одна братская семья, — разъясняло обращение, — Советское правительство одинаково заботится о казаке, крестьянине и рабочем». Специально отмечалось, что рабоче-крестьянское правительство «не собирается никого расказачивать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)».

Обращение Советского правительства, провозглашенное накануне завершающего разгрома Оренбургской армии Дутова, сыграло большую роль в распространении среди казаков правды о советской политике, содействовало перелому в настроении масс трудового казачества.

В конце августа — первых числах сентября армии Туркестанского фронта заняли Орск, Актюбинск — последние опорные пункты дутовцев. Белоказачья армия Дутова, считавшаяся на неплохом счету в составе войск Колчака, окончательно распадалась: казаки сдавались в плен или

расходились по домам. Не случайно один из пленных колчаковских офицеров признавался, что в последних боях «в районе казачьего Оренбургского войска... армия была уничтожена не пулями и снарядами, а умелой Советской политикой»⁵⁸. 9 сентября в районе Актюбинска 26-й Оренбургский казачий полк и казачья бригада во главе с полковником Богдановым сдалась войскам Красной Армии. Через несколько дней в штаб Туркестанского фронта прибыли делегаты от 20 тыс. колчаковцев и изъявили желание сложить оружие. «Южная армия противника, преграждавшая путь в Туркестан, — сообщил М. В. Фрунзе в штаб фронта 19 сентября 1919 г., — разгромлена окончательно, нами взято свыше 45 тысяч пленных и масса трофеев»⁵⁹. Разложение и массовая сдача белоказачьих частей свидетельствовали о том, что «оренбургские казаки перешли прямо на сторону Советской власти». Этот переход, указывал В. И. Ленин, в значительной степени обусловил разгром Колчака⁶⁰.

Общая обстановка на фронтах, в особенности на Южном, требовала ускорить окончательный разгром уральских белоказаков. 18 октября 1919 г. 156

В. И. Ленин телеграфировал М. В. Фрунзе: «Все внимание уделите не Туркестану, а полной ликвидации уральских казаков всяческими, хотя бы и дипломатическими мерами»⁶¹. Выполняя директиву В. И. Ленина, части 4-й армии Туркестанского фронта перешли в наступление против белоказачьей армии генерала Толстова. Успехи Красной Армии, политическая работа по расслоению рядов казачества убеждали их в противоположности своих интересов устремлениям офицерско-кулацкой верхушки, в безнадежности борьбы против Советской власти. «Настроение уральского казачества подавленное, — сообщал член Казачьего отдела ВЦИК И. С. Ружейников. — Трудовые казаки агитируют за переход на нашу сторону»⁶². Об этом же писала «Правда» 21 сентября 1919 г.: «На Уральском фронте среди казачьих частей дезертирство приняло настолько большие размеры, что помогло образованию из дезертиров особых отрядов, задачей которых является борьба со старым казачеством и восстановление Советской власти». 5 января 1920 г. был занят последний опорный пункт белоказаков — Гурьев. Это привело к ликвидации Уральского фронта.

Летом 1919 г., когда войска Красной Армии, развивая контрнаступление на Восточном фронте, наносили колчаковцам одно поражение за другим, империалисты Антанты в качестве главной ударной силы избирают Деникина. Центр тяжести вооруженной борьбы стал постепенно перемещаться с востока на юг, где белогвардейцам впервые в ходе гражданской войны удалось прорваться к центральным районам России. Зажиточное казачество Дона, Кубани и Терека составляло важную социальную опору деникинских войск. Осенью 1919 г. В. И. Ленин отмечал, что одно только казачество «давало и дает возможность Деникину создавать серьезную силу»⁶³. В октябре 1919 г. Донская казачья армия

составляла, по сведениям генерала Деникина, 32 % всех сил южной контрреволюции, а к январю 1920 г. — 46 %⁶⁴. 3 июля 1919 г. в Царицыне Деникин отдал так называемую московскую директиву, провозгласив конечной целью захват столицы Советской Республики. Над страной нависла смертельная опасность. В. И. Ленин писал: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»⁶⁵. Пленум ЦК РКП (б), состоявшийся 3—4 июля, наметил мероприятия по мобилизации всех сил страны на

157

разгром деникинщины. Они были изложены в письме ЦК «Все на борьбу с Деникиным!», написанном В. И. Лениным. Основную задачу момента — разгром армий южной контрреволюции — ЦК рассматривал как часть общей борьбы против вооруженного вмешательства иностранных интервентов, тесно увязывая ее решение с требованием окончательной победы над Колчаком. В письме подчеркивалось: «Колчак и Деникин — главные и единственно серьезные враги Советской республики. Не будь помощи им со стороны Антанты (Англия, Франция, Америка), они бы давно развалились. Только помощь Антанты делает их силой»⁶⁶.

В письме «Все на борьбу с Деникиным!» получили дальнейшее всестороннее развитие выработанные партией ранее и уже частично проверенные на практике способы ведения войны по-революционному. ЦК РКП (б) давал важные указания о постановке военно-организационной и агитационно-пропагандистской работы по революционному разложению вражеского лагеря. Обращаясь к подпольным организациям, действующим в тылу Деникина, ЦК партии требовал: «Использовать любые средства борьбы, лишь бы задержать продвижение противника на север, к Москве. Особенно важно усилить организаторскую работу в массах»⁶⁷.

В сентябре 1919 г. Донбюро реорганизуется в Донской комитет РКП (б). В октябре, обратившись с циркулярным письмом к окружным комитетам, Донком ставит задачу — во что бы то ни стало добиться разложения Донской казачьей армии. Подпольные организации Ростова и Таганрога для проведения агитационной работы в белоказачьих частях направили 30 агитаторов. В сентябре большевистское подполье Дона распространило среди белых войск свыше 10 тыс. экз. обращения ВЦИК и Совнаркома к казакам Дона, Кубани, Терека и других казачьих войск. В октябре Донком отпечатал 10 тыс. экз. открытого письма к солдатам деникинской армии, а также перепечатал 5 тыс. экз. писем красноармейцев Южного фронта «К донским казакам», «За что борется Красная Армия?» и др.⁶⁸ Правдивое большевистское слово, пламенные листовки помогали трудовому казачеству, обманутому атаманско-офицерскими кругами, становиться на сторону Советской власти. Тысячи трудовых казаков, порвав с контрреволюцией, сражались в рядах Красной Армии.

Большевики Кубани в своей агитационно-пропагандистской работе в станицах и тыловых казачьих частях продолжали широко использовать противоречия Деникина с Кубанской радой, требовавшей областной автономии. Большевистское подполье Кубани обратилось к казакам с рядом воззваний. В одном из них говорилось: «Товарищи казаки! Разнузданность деникинцев и издевательства их над казачеством Кубани все возрастают. Для разгрома Кубанской рады и уничтожения инакомыслящих Деникин прислал в Екатеринодар палачей генералов Врангеля и Покровского. Бросайте служить белым! Уходите домой и в ряды повстанцев! Громите деникинцев всюду! Красная Армия бьет их везде. Чем активнее мы будем помогать ей с тыла, тем скорее кончатся все кошмары, которые принесены нам Деникиным, Покровским, Шкуро и всей прочей царской сворой...»⁶⁹

С обострением разногласий в стане белогвардейцев значительная часть кубанского казачества постепенно отходит от Деникина и начинает выступать против Добровольческой армии. Это вело к разложению деникинского тыла, к усилению дезертирства из казачьих частей. «С фронта началось повальное дезертирство, — писал впоследствии Деникин, — не преследуемое кубанской властью. Дезертиры свободно проживали в станицах, увеличивали собою кадры «зеленых» или, наконец, находили покойный приют в екатеринодарских запасных частях — настоящей опричнине, которую путем соответствующей обработки рада готовила для своей защиты и к вооруженной борьбе против главного командования»⁷⁰.

Во второй половине 1919 г. белоказачьи части стали отказываться от выступления на фронт. Осенью в партизанские отряды ушли многие казаки из Марьинской, Елизаветинской, Полтавской, Славянской и других станиц Кубани⁷¹. К концу 1919 г. дезертирство из армии Деникина приняло угрожающие размеры и среди терского казачества. Оно начинало носить характер организованного массового отказа от войны. Из 2-й Терской пластунской бригады дезертировало одновременно 270 казаков. Казаки двух сотен 1-го Сунженского Владикавказского полка, находящегося в Грозном, разбежались по станицам. Разложение охватило большинство казачьих частей на Тереке. В ноябре 1919 г. атаман Терского войска Вдовенко с горечью констатировал: «В станицах
159

замечается большой процент мобилизованных казаков, уклоняющихся от фронта, борьба с которыми со стороны станичной администрации ведется очень слабо... Только этим и объясняется наличие в одной Змейской станице 159 казаков, уклоняющихся от службы»⁷².

Тыл Деникина разваливался. Указывая на это, В. И. Ленин в статье «К товарищам красноармейцам» отмечал: «На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина. Кубанские казаки ропщут и волнуются, недовольные деникинскими насилиями и грабежом в пользу помещиков и

англичан»⁷³. Коммунистическая партия подрывала силы деникинцев и внешнеполитическими акциями. Осенью ЦК РКП (б) дал указание наркому иностранных дел Г. В. Чичерину начать переговоры с парижскими представителями Донского и Кубанского белоказачьих правительств, которые обратились к СНК с предложением о мире⁷⁴. Все это создавало необходимые предпосылки для разгрома войск Деникина.

В начале октября 1919 г. на Южном и Юго-Восточном фронтах продолжались еще тяжелые бои. На Московском направлении противник 6 октября занял Воронеж. 13 октября деникинцы захватили Орел и стали продвигаться к Туле — арсеналу Красной Армии и последнему крупному городу на пути к Москве. Неделя с 10 по 17 октября была самой тревожной и трудной. «Более сложной обстановки я за весь период гражданской войны не помню»⁷⁵, — вспоминал позднее С. С. Каменев.

В такой обстановке ЦК РКП (б) наметил конкретные меры для усиления обороны Советской Республики, и прежде всего укрепления Южного фронта, на котором разворачивались решающие события. Особое внимание уделялось формированию конницы, способной вести успешные бои с кавалерией Деникина. 13 октября Центральный Комитет РКП (б) обратился ко всем партийным организациям со специальным письмом об укреплении кавалерийских частей Красной Армии. «Всем ясно, — говорилось в нем, — что для успешной борьбы с конными частями Деникина нам необходимо создание красных кавалерийских частей, которые, если и будут первое время несколько уступать врагам по своей численности, то по качеству и по своей готовности и способности защищать Советскую Россию должны быть неизмеримо выше их»⁷⁶.

160

Партийные организации советских казачьих областей и районов приступили к формированию из казаков кавалерийских частей Красной Армии. В первых числах октября 1919 г. в адрес Оренбургского губкома, губис- полкома и укрепрайона пришла ленинская телеграмма: «Напрягите силы помочь Южфронту седлами, конями, солдатами. Телеграфируйте, что делаете и что сделаете». Через несколько дней в телеграмме на имя М. В. Фрунзе В. И. Ленин спрашивал: «Нельзя ли взять оренбургских казаков под Питер или на иной фронт?»⁷⁷ Оренбургское трудовое казачество активно откликнулось на призыв партии. Формирование красноказачьих частей проходило в обстановке огромного политического подъема. Станицы отдавали в Красную Армию своих лучших сыновей, а также оказывали помощь лошадьми, седлами, хлебом. Так, станица Сакмарская дала 59 казаков при полном обмундировании и строевых лошадях. Казаки станицы Ветлянской на общем собрании приняли решение передать в фонд Красной Армии 41300 руб. Во всех станицах шла запись добровольцев в ряды Красной Армии⁷⁸. В конце октября 1919 г. для борьбы с деникинской конницей в Челябинской губернии был сформирован и отправлен на

Южный фронт добровольческий кавалерийский отряд⁷⁹. В дни «недели кавалерии», приуроченной ко второй годовщине социалистической революции, из оренбургских казаков-добровольцев было сформировано два кавалерийских полка⁸⁰, которые вошли в состав 4-й армии, действующей против белогвардейской армии Толстова в районе Уральска. Укрепление войск этой армии Красной конницей в определенной мере способствовало тому, что уральские белоказаки не смогли соединиться с Деникиным. Успешная мобилизация казаков на Южном Урале объяснялась тем, что к осени 1919 г. основные силы Колчака были разгромлены.

Мобилизация трудовых казаков в северных округах Донской области на борьбу с Деникиным проходила в сложной обстановке. Успехи деникинцев и вспыхнувшие в связи с этим восстания кулацких элементов резко повлияли на поведение казачества. Почти половина казаков, подлежащих мобилизации, не явились на призывные пункты, боясь репрессий к своим семьям со стороны восставших. Определенную роль в неявке сыграли и колебания казачества, их выжидательная позиция по

161

отношению к Советской власти. Тем не менее на 1 июля 1919 г. из северных округов было отправлено в Красную Армию 5,5 тыс. казаков⁸¹. В августе 1919 г. численность конницы составляла 44 500 человек, а в ноябре возросла до 55 тыс., или 12 % к общему числу активных бойцов Красной Армии⁸². По данным Казачьего отдела ВЦИК, осенью на Южном и Юго-Восточном фронтах в частях Красной Армии насчитывалось до 30 тыс. казаков⁸³. Это позволило создать крупные кавалерийские соединения. На Южном фронте кроме конного корпуса С. М. Буденного, усиленного конной группой 8-й армии и 56-й кавалерийской бригадой, а в конце октября — и 11-й кавалерийской дивизией, была создана в составе 14-й армии 8-я кавалерийская дивизия. На Юго-Восточном фронте в составе 10-й армии героически сражался с войсками Деникина конный корпус Б. М. Думенко.

В стране происходило дальнейшее упрочение союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, в том числе и с трудовым казачеством. 30 сентября 1919 г. ЦК РКП (б) опубликовал «Тезисы о работе на Дону». Хотя тезисы касались только Дона, они содержали принципиальные установки по отношению ко всему казачеству. В этом документе говорилось, что казачьи верхи первыми подняли мятеж против социалистической революции и стали главной опорой буржуазно-помещичьей контрреволюции. Трудовое же казачество «до последнего времени оставалось связанным тисками казачьей сословности и предрассудков общности интересов всего казачества, что приводило его к колебаниям в выборе окончательной политической линии»⁸⁴. Эта часть населения, даже порвав с Красновым и Деникиным, продолжала колебаться: то восставала против белогвардейских генералов, то поднимала мятежи против

Советской власти, питая иллюзии устроить свою жизнь посредством демократического всеказацкого круга и всеказацких Советов.

Типичным выразителем такого направления явился бывший войсковой старшина (подполковник) Ф. К. Миронов. Храбрый командир, хороший специалист военного дела, умелый организатор, пользующийся большим авторитетом у казачества, искренне преданный революции, он не всегда правильно разбирался в политических вопросах. Отстаивая «особый» казачий путь, он выступал за немедленную замену всех ревкомов на Дону выборными всеказацкими Советами, открыто выражал недовольство

162

продразверсткой. Такая позиция могла породить антисоветские настроения среди определенной части казаков-красноармейцев. Поэтому в марте 1919 г. по просьбе командования Южного фронта Миронов был переведен на Западный фронт. В июне 1919 г. он назначается командиром Особого Донского казачьего корпуса, формирование которого началось в Саранске. Формирование корпуса проходило в трудных условиях: слишком медленно поступали пополнения, не хватало боеприпасов, обмундирования, другого снаряжения. Положение осложнилось еще и тем, что РВС Южного фронта направил сюда группу политработников, которые, в свое время, будучи членами ревкомов в северных округах Донской области, участвовали в «расказачивании». Казаки, призванные из северных округов, питали недоверие к таким политработникам.

Политотдел Донкорпуса оказался не в состоянии повлиять на Миронова и даже высказался за прекращение формирования корпуса. Чувствуя недоверие со стороны членов РВС корпуса и Южного фронта, Ф. К. Миронов 16 августа обратился за помощью в Казачий отдел ВЦИК. Не дождавшись ответа на свое письмо, он решил выступить на фронт самостоятельно. В телеграмме от 23 августа в штаб 9-й армии Миронов объяснял свой поступок так: «Прошу передать Южному фронту, что я, видя гибель революции и открытый саботаж с формированием корпуса, не могу дальше находиться в бездействии, зная из полученных с фронта писем, что он меня ждет, выступаю с имеющимися у меня силами на жестокую борьбу с Деникиным и буржуазией»⁸⁵. 24 августа 4-тысячный Донкорпус выступил из Саранска на фронт. Реввоенсовет Южного фронта обвинил комкора в мятеже и в намерении перейти корпусом на сторону Деникина. 13 сентября 1919 г. части Миронова были окружены конницей С. М. Буденного и разоружены в районе станицы Старо-Анненской. Приказ о сдаче оружия бойцы корпуса выполнили без сопротивления. Большинство мирно- новцев влились в ряды корпуса Буденного, а также в части 9-й армии. 430 бойцов и командиров во главе с Ф. К. Мироновым были привлечены к суду военного трибунала. 7 октября по его решению Миронов и десять его ближайших помощников были приговорены к расстрелу. Однако на следующий день по ходатайству самого ревтрибунала Президиум ВЦИК помиловал

мироновцев.

163

«Так поступает Советская власть с теми, кто заблуждается, — писала «Правда» 10 октября 1919 г. — Нигде в мире немислим был бы такой приговор в военное время, в военной обстановке, когда на нас наступает враг. Пусть же учтет этот шаг трудовое казачество». Узнав о помиловании, Ф. К. Миронов писал: «Дарованная мне Президиумом ВЦИК жизнь будет мною отдана до последней капли крови делу коммунистического строительства, а в дальнейшем, если Президиум вернет мне доверие, я стану в ряды Коммунистической партии, чтобы отдать все свои силы на укрепление ее позиций в трудящихся массах, особенно среди казачества»⁸⁶.

Необходимо было осторожно и тактично вести борьбу с мелкобуржуазными и сословными предрассудками трудового казачества, досконально изучать и учитывать особенности жизни и быта казаков.

В дальнейшем Ф. К. Миронов сдержал свое слово. В январе 1920 г. он вступил в ряды Коммунистической партии, а 30 августа был назначен командующим 2-й Конной армией, созданной в составе Юго-Западного фронта для борьбы с Врангелем. В дни решающих боев с врангелевцами, 13—16 октября, 2-я Конная, захватив плацдарм на левом берегу Днепра в районе Никополя, помешала белогвардейцам прорваться на Правобережную Украину и своим ударом создала перелом на фронте. За блестящие боевые операции 2-й Конной армии Ф. К. Миронов был награжден орденом Красного Знамени.

Учитывая, что большая часть трудового казачества уже порвала или порывает с контрреволюцией, ЦК РКП (б) считал необходимым разъяснять казачеству словом и доказывать делом, «что наша политика не есть политика мести за прошлое. Мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим. Дальнейшие взаимоотношения определяются в зависимости от поведения различных групп самого казачества», от отношения его к Красной Армии. «Мы возьмем под свое решительное покровительство и вооруженную защиту те элементы казачества, которые делом пойдут нам навстречу. Мы дадим возможность оглядеться и разобраться тем слоям и группам казачества, которые настроены выжидательно, не спуская в то же время с них глаз». Но те элементы, подчеркивалось в тезисах ЦК РКП (б), которые прямо или косвенно будут продолжать поддерживать врага,

164

подлежат самому строгому наказанию. Красной Армии предписывалось оказывать бедноте и наименее зажиточной части середняков поддержку, особенно тем, кто пострадал от белогвардейцев. Наряду с проведением всех этих мер, направленных на беспощадную борьбу за выкорчевывание белогвардейских гнезд в казачестве, «необходима систематическая пропаганда идей и задач Коммунистической партии в низах казачества, — указывал ЦК РКП (б), — вовлечение их в сферу идей и работы партии,

проведение на деле товарищеской политики по отношению к ним, подготовка в союзе с ними выборов в донские советские учреждения на основе Советской Конституции»⁸⁷. Сформулированный ЦК РКП (б) четкий классовый подход к различным слоям казачества и выдвинутая в них задача привлечения трудовых казаков к социалистическому строительству легли в основу работы всех партийных и советских органов казачьих районов страны.

Героические усилия Коммунистической партии, всех трудящихся и воинов Красной Армии увенчались успехом. 20 октября войска Южного фронта освободили Орел. Конный корпус С. М. Буденного и дивизии 8-й армии нанесли тяжкое поражение коннице Шкуро и Мамонтова и 24 октября заняли Воронеж. Победа под Орлом и Воронежем знаменовала перелом в борьбе с Деникиным. «Но нам надо, — говорил В. И. Ленин 24 октября 1919 г., — чтобы наше наступление из мелкого и частичного было превращено в массовое, огромное, доводящее победу до конца»⁸⁸.

Выполняя указание В. И. Ленина, войска Южного фронта к исходу 1919 г., освободив Харьков, Киев, Донбас, предрешили окончательное поражение деникинцев. В начале 1920 г. воины Южного и Юго-Восточного фронтов одержали блестящие победы. 3 января был освобожден от белогвардейцев Царицын, 7-го — Таганрог. Поздно вечером 7 января прославленные кавалерийские полки корпуса Б. М. Думенко ворвались в Новочеркасск. 8 января героическая 1-я Конная армия заняла Ростов-на-Дону. Войска Деникина были рассечены на три изолированные группировки, которые поспешно отступали на Северный Кавказ, в Крым и к западным границам Украины.

В целях быстрейшего завершения разгрома деникинщины в соответствии с указаниями ЦК партии произошла перегруппировка
165

войск Красной Армии. Юго-Восточный фронт, пополненный 8-й, 9-й, а также 1-й Конными армиями, был преобразован в Кавказский и получил задачу ликвидировать белогвардейскую группировку на Северном Кавказе. Южный фронт, получивший наименование Юго-Западного (12, 13 и 14-я армии), должен был завершить освобождение Украины и Крыма.

Войска Кавказского фронта под командованием М. Н. Тухачевского в течение февраля—марта 1920 г. успешно выполнили поставленные перед ними задачи. В ожесточенных сражениях у Торговой, Белой Глины и особенно у станицы Егорлыкской 1-я Конная армия вместе с ударной группой 10-й армии нанесла новые тяжелые поражения коннице Деникина, вынудив ее повсеместно начать отступление.

Деникинская армия распадалась. Верховный круг Дона, Кубани и Терека (заседал в Екатеринодаре с 4 по 30 января 1920 г.) постановил: «Изъять немедленно казачьи войска из подчинения генерала Деникина в оперативном отношении»⁸⁹. В начале марта 1920 г. части кубанских

белоказаков перекрыли дорогу на Екатеринодар, преградив офицерским полкам путь отхода. Трудовые казаки кубанских станиц Апшеронской, Дагестанской, Линейной, Тверской, Ширванской и многих других выступили с оружием против ненавистного деникинского режима⁹⁰. 20 марта временный Кубанский исполнительный комитет обратился к трудовому казачеству с воззванием активно выступить на борьбу с остатками Добровольческой армии. Комитет призывал всех обманутых казаков оставить Деникина, вернуться в свои станицы и заняться мирным трудом. Это обращение способствовало дальнейшему разложению казачьих частей деникинской армии. Большинство казачьих частей, не желая больше воевать, сложили оружие⁹¹. Это ускорило отступление и разгром деникинских войск.

Армии Кавказского фронта при активном содействии партизан в конце марта — начале апреля 1920 г. их или полностью уничтожили, или взяли в плен. Лишь часть деникинцев была переправлена на кораблях интервентов в Крым, а часть — за границу.

На территории Дона и Северного Кавказа была восстановлена Советская власть.

Войска Юго-Западного фронта в феврале завершили освобождение Южной Украины. Однако взять Крым и

166

ликвидировать засевшую там белогвардейскую группировку тогда не удалось.

К весне 1920 г. Красная Армия закончила разгром главных сил внутренней и внешней контрреволюции не только на юге, но также на юго-востоке, востоке и севере страны. Решающие победы на фронтах гражданской войны привели к массовой сдаче белоказачьих частей. Многие тысячи казаков возвращались в родные станицы и хутора. Вместе с оставшимися здесь казаками и крестьянами они приступили к строительству новых государственных органов.

Поворот широких масс трудового крестьянства и казачества — итог длительных колебаний и мучительных раздумий — определил, по словам В. И. Ленина, победу пролетарской революции в России: «...если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу... так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу»⁹².

Глава VI

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ — ОРГАНИЗАТОР ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПЕРЕХОДА КАЗАЧЬИХ МАСС НА СТОРОНУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Восстановление Советской власти в казачьих областях

Разгром белоказачьих контрреволюционных сил, восстановление Советской власти в различных регионах страны обусловили окончательный поворот трудовых масс казачества на позиции пролетарской революции. Однако для успешного перехода к мирному хозяйственному строительству необходимо было сплотить усилия рабочего класса, крестьянства, трудового казачества, помочь ему освободиться от сословных предрассудков. Политика Коммунистической партии в казачьем вопросе основывалась на ленинской теории о необходимости прочного союза пролетариата со средним крестьянством для полной победы социалистической революции ¹.

Намечая принципы деятельности партийных, советских и военных органов в освобожденных казачьих областях, Коммунистическая партия исходила из указаний В. И. Ленина о необходимости учитывать специфику таких регионов России, как Северный Кавказ, Урал, Сибирь. Выступая на VIII съезде РКП (б), В. И. Ленин предупреждал, что было бы ошибкой, если бы правительственные декреты без разбора, огулом распространялись на все области страны. «Придется, — говорил он, — пережить не мало своеобразности, мы ни в коем случае не связываем себя единообразным шаблоном, не решаем раз навсегда, что наш опыт, опыт центральной России, можно целиком перенести на все окраины» ².

Непосредственные задачи партийных и советских организаций по установлению союза рабочего класса с середняцкими массами казачества были изложены в обращении ВЦИК и СНК к трудовым казакам от 16 августа 1919 г., в тезисах ЦК РКП (б) о работе на Дону, в решениях VII Всероссийского съезда Советов. Эти документы подчеркивали, что Коммунистическая партия и Советская власть не отделяют бедняцко-середняцкие массы казачества от таких же трудящихся — рабочих и крестьян; решительно осуждалась политика «расказачивания». Главным направлением деятельности партийных и советских органов в казачьих областях объявлялось содействие классовому расслоению, привлечению трудовых казаков к участию в советском строительстве. VII Всероссийский съезд Советов (декабрь 1919 г.) обратился к трудовому казачеству со специальным воззванием. В нем торжественно подтверждался твердый курс Советского правительства на предоставление казакам равноправного положения в братской семье трудящихся, на сохранение казачьего быта и свободы вероисповедания. Съезд высказался

за неприкосновенность земель бедняцко-середняцких слоев казачества, за передачу нуждающимся казакам тех земель, «которые будут отобраны у помещиков и кулаков». При этом специально подчеркивалось, что «трудовым низам казачества, разоренным вконец кровавыми насилиями Каледина, Краснова, Деникина, Дутова, Колчака, Советская власть окажет всемерную помощь». Съезд вынес решение о наделении казачек землею наравне с мужчинами. Обращение заканчивалось словами: «Бросайте ряды белогвардейских банд, переходите на сторону красных войск — и Советская власть протянет вам руку примирения, встретит вас как раскаявшихся братьев... И тогда мир, спокойствие и благоденствие наступят на Дону, на Тереке, на Кубани, на Урале, в Сибири и во всей стране»³.

Указания Коммунистической партии и Советского правительства определили направление деятельности партийных и советских организаций казачьих областей по привлечению трудового казачества к участию в советском строительстве.

Восстановление Советской власти в казачьих областях происходило в чрезвычайно сложной политической обстановке. В. И. Ленин в речи на III Всероссийском съезде профсоюзов 7 апреля 1920 г. говорил: «Мы победили Сибирь, Дон, Кубань. Там пролетариата в процентном отношении ничтожное количество, меньше, чем здесь у нас. Наша обязанность прямо идти к рабочему и открыто сказать ему об усложнении обстановки работы»⁴. Из-за немногочисленного слоя промышленного пролетариата перед партийными и советскими органами этих районов осенью 1919 — весной 1920 г. особенно остро стоял вопрос о привлечении трудящихся

169
казаков и крестьян, большинство которых составляли середняки, к активной политической жизни, к восстановлению народного хозяйства.

В борьбе против объединенных сил интервентов и белогвардейцев окреп военно-политический союз рабочего класса с трудовым крестьянством и казачеством. Однако значительная часть середняцкого казачества, боясь расплаты за участие в вооруженной борьбе против рабочих и крестьян, сомневаясь в утверждении Советской власти, проявляла колебания. Под влиянием контрреволюционной пропаганды офицерско-кулацкой верхушки многие рядовые казаки при приближении частей Красной Армии покидали станицы и уходили с белогвардейцами.

Станицы и хутора обезлюдели. Весной 1920 г. инструктор Донисполкома сообщал, что население Усть-Медведицкого, Сальского, Верхне-Донского округов сократилось чуть ли не наполовину⁵. По данным переписи 1920г., в пяти уездах Уральской области численность населения уменьшилась по сравнению с 1917 г. на 917 тыс. человек. Особенно сократилась численность мужского населения уральских станиц.⁶ Подобная ситуация сложилась и в других казачьих областях.

Позиция оставшихся станичников продолжала быть неопределенной и выжидательной. Каждое мероприятие новой власти казачество воспринимало с осторожностью, иногда с недоверием. Инструктор Донисполкома, оценивая обстановку, в которой приходилось начинать работу среди казачества 1-го Донского округа, писал: «Население станиц не оказывает сопротивления Советской власти, но, не веря в ее устойчивость, боится активно участвовать в проводимых мероприятиях по организации советских органов управления»⁷. В этих условиях, как совершенно точно подчеркнули авторы «Очерков истории партийных организаций Дона», особую важность приобретал вопрос об укреплении союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и установлении союза с трудовым казачеством⁸.

Между тем в некоторых партийных организациях казачьих областей появились разногласия при определении тактики по отношению к трудовому казачеству. На уездной конференции Челябинской партийной организации, состоявшейся в конце августа 1919 г., высказывалось даже

170

мнение, что казачество нужно просто уничтожить как сословие, так как «среди них социализма не построить». Это была типично троцкистская программа, рассчитанная на разрыв рабочего класса с трудовым казачеством. Данное положение было проникнуто неверием в способность рабочего класса Советской страны повести за собой трудовые массы крестьянства и казачества, неверием в их революционные возможности. Требование уничтожить казачество как сословие неизбежно привело бы к отрыву казаков от Советской власти, могло ликвидировать усилия партии по привлечению их на свою сторону. Большевики дали отпор троцкистским предложениям. Конференция постановила: усилить агитационно-пропагандистскую работу в станицах, создать там большевистские ячейки⁹.

Вопрос об отношении к трудовому казачеству в новых условиях, о его более широком привлечении к советскому строительству на Южном Урале был центральным в работе третьей Оренбургской губернской партийной конференции, которая состоялась в ноябре 1919 г. Председатель губисполкома А. А. Коростелев в докладе отметил, что победы Красной Армии на Восточном фронте ускорили переход на сторону Советской власти середняцкого казачества, которое стоит перед выбором своего пути, большевики должны облегчить ему этот путь и перетянуть его на свою сторону. Оренбургские казаки первыми из всех казачьих войск страны перешли на сторону Советской власти. Большевики губернии тактично и последовательно вели работу среди казачества, что способствовало закреплению окончательного перехода казачьих масс на сторону Советской власти. Политика оренбургских большевиков по отношению к казачеству, отмечалось на конференции, служит громадным агитационным средством

и для других казачьих войск. В дальнейшем, проводя государственную политику, нужно бороться лишь с некоторыми отдельными лицами, широко пропагандируя идеи коммунизма и культуры в трудовых массах казачества¹⁰.

Отдельные делегаты съезда поставили под сомнение возможность вовлечения трудового казачества в социалистическое строительство, считая, что казачество перешло на сторону Советской власти лишь благодаря успехам Красной Армии¹¹. Но при этом они не учитывали, что сами успехи Красной Армии в определенной мере

171

явились результатом серьезнейших сдвигов в сознании масс трудового казачества.

Конференция взяла твердый курс на вовлечение трудовых казаков в советское и культурное строительство. В связи с этим губернская конференция предложила партийным организациям проводить по отношению к трудовой части казачества вдумчивую и внимательную политику и вести суровую борьбу с теми элементами как из среды самого казачества, так и вне его, которые пытаются использовать это военное сословие в интересах восстановления буржуазно-монархического государства¹².

Левацкие перегибы в казачьем вопросе осудила первая Донская областная конференция РКП (б), состоявшаяся 2—5 июня 1920 г. Она дала отпор группе работников Ростово-Нахичеванского комитета, считавших все казачество в своей массе кулаками, врагами рабочего класса, предлагавших отстранить казаков от участия в советских органах и установить такую форму власти, которая действовала бы по отношению к ним «огнем и мечом»¹³.

В своей резолюции «О текущем моменте и задачах партии на Дону» конференция указала, что рабочий класс под руководством Коммунистической партии, опираясь на бедноту, должен укрепить союз со средним крестьянством и вовлечь среднее казачество в советское строительство¹⁴.

Принятые партийными конференциями казачьих областей решения строго соответствовали ленинским установкам VIII съезда РКП (б) в отношении середняка и дали местным коммунистам ясную, политически верную перспективу работы с трудовым казачеством.

Решение политических и хозяйственных задач в казачьих областях шло в обстановке упорного сопротивления офицерско-кулацких элементов, под руководством которых свирепствовал политический бандитизм, организовывались саботаж и антисоветские мятежи. Банды зверски расправлялись с партийными и советскими работниками, терроризировали бедноту, распространяли среди населения антисоветские листовки, слухи о «расказачивании», искажали сущность продовольственной и земельной

политики Советской власти, подстрекали трудовых крестьян и казаков к мятежам. Это чрезвычайно усложняло работу партийно-советских органов, отвлекало их от решения задач мирного строительства.

172

Наиболее крупные и активные банды орудовали на Кубани. Бандитизм здесь имел казачью окраску в значительно большей степени, чем в других казачьих областях. Это объяснялось тем, что в результате борьбы между радой и руководством Добровольческой армии (о чем говорилось выше) «федералисты» стремились свести до минимума помощь Деникину. В конце 1918 г. кубанское казачество составляло 68,7 % всех сил южной контрреволюции, весной 1919 г. — около 40 %, летом эта «доля» дошла до 15 %, а к январю 1920 г. упала до 10 %¹⁵. Поэтому кубанской контрреволюции к концу гражданской войны удалось сохранить свои силы и экономические ресурсы.

Реввоенсовет 9-й Кубанской армии в телеграмме на имя командующего Кавказским фронтом 19 июля 1920 г. докладывал: «В настоящее время численность банд по отделам доходит... до 10 000 человек...»¹⁶. Наиболее крупные и активные банды действовали в горных районах Кубани. Именно здесь во второй половине июня 1920 г. из разрозненных банд создается так называемая армия возрождения России. В августе она насчитывала уже около 6 тыс. штыков и сабель и была сведена в отдельные части и соединения по типу регулярных¹⁷. Борьба с мятежниками носила упорный характер. Но и здесь белобандитское движение, как и в других регионах страны, не находя поддержки со стороны широких слоев трудового крестьянства и казачества, было обречено на поражение. А. И. Микоян, характеризуя отношение основных масс казачества к белобандитскому движению на Северном Кавказе, указывал: «Деятельность контрреволюционных банд мешала Советской власти подойти ближе к большинству хлеборобов-казаков, которые уже давно примирились с Советской властью и не мечтали больше о борьбе с ней, а желали одного: возможности мирной жизни и усиленного восстановления своего хозяйства»¹⁸.

В этих сложных условиях важное значение в осуществлении поворота середняцких масс казачества на сторону Советской власти в масштабе страны имели решения 1 Всероссийского съезда трудового казачества.

Придавая большое значение съезду казаков, ЦК РКП (б) обязал местные партийные организации возглавить работу по его подготовке и проведению. Выборы на съезд проходили под идейным и организационным влиянием партийных органов, подготовка к съезду использовалась для

173

проведения широкой политической работы среди трудовых казаков¹⁹. Усилилась политическая работа местных партийных, советских и военных органов. Губкомы партии, губисполкомы, политотделы укрепрайонов

направили на места сотни своих агитаторов для проведения в станицах собраний по выборам делегатов на съезд. Так, по заданию Оренбургского губкома РКП (б) в станицы выехало 15 инструкторов. Они были снабжены обращением VII Всероссийского съезда Советов к трудовому казачеству (5 тыс. экз.), специальным обращением губисполкома и другой политической литературой²⁰.

Во всех станицах и поселках казачьих областей в январе 1920 г. прошли собрания по избранию делегатов на съезд. На митингах и предвыборных собраниях большевики вели непримиримую борьбу с кулацкими элементами среди казачества, которые стремились настроить трудовых казаков против разверстки и аграрных мероприятий Советского правительства. Выборы везде прошли успешно. Подавляющее большинство казаков поддержало политику и мероприятия Коммунистической партии. Преодолению сословной замкнутости казачества способствовала и норма представительства: каждая воинская часть посылала по одному делегату, каждая станица — одного-двух делегатов.

I Всероссийский съезд трудовых казаков состоялся в Москве 29 февраля — 6 марта 1920 г. На нем от Оренбургской области присутствовало 169 делегатов, от Донской — 122, от сибирского казачества — 79, от Уральской области — 21, от воинских частей — 51 и от иногородних — 11²¹. Это были лучшие представители трудового казачества, среди них — активные борцы за власть Советов Д. Полуян, И. Ульянов, Л. Коробов, Н. Каширин, И. Киселев, А. Кайгородов, И. Ружейников, Ф. Козюбердин и многие другие.

На съезде выступили В. И. Ленин и М. И. Калинин. Опровергая существующее мнение о казаках как сплошной контрреволюционной массе, М. И. Калинин, открывая съезд, говорил: «Двухлетняя война, происходящая в казачьих областях с верхами казачества, с буржуазией, с офицерами и генералами, внушила мысль широким кругам рабочих и крестьян, что все казачество или огромное большинство его действует против Российской Советской республики. Но кто бывал в казачьих станицах, тот найдет там ожесточенную гражданскую борьбу,

174

найдет огромное число жертв молодых казаков, которые пали в борьбе за коммунистический строй и за Советскую власть». Задачи Советской власти в казачьих областях, подчеркивал он, сводятся к тому, чтобы «задавленную и в культурном отношении отставшую даже от нашей крестьянской массы среду приобщить к Российской Советской республике, развить все те творческие силы, которые таятся в казачьей массе»²². М. И. Калинин выразил уверенность, что трудовые казаки в союзе с рабочими и крестьянами, не жалея своих сил, будут и дальше бороться за укрепление Российской Советской республики.

Подводя итоги ожесточенной кровавой борьбы с интервентами и

белогвардейцами, В. И. Ленин в докладе на I Всероссийском съезде трудовых казаков подчеркнул решающую роль объединения трудящихся в победе над врагом: «И трудящимся крестьянам, и казакам после борьбы против Колчака и Деникина стала ясна та правда, что необходимо сплочение, и они становятся вместе с рабочими и в рабочем классе видят своих руководителей»²³. Он призвал казаков закрепить это единство на новом фронте — фронте созидания и восстановления промышленности и сельского хозяйства, разрушенного войной и интервенцией.

Делегаты съезда горячо приветствовали речи В. И. Ленина и М. И. Калинина, изложивших основные направления политики Советского правительства в отношении казачьих областей, единодушно поддерживали мероприятия Советской власти. Делегат от Оренбургской области Н. Д. Каширин, обращаясь к съезду, говорил: «Мы, казаки, преданы власти Советов, всеми мерами восстановим разрушенное хозяйство... будем жить дружно со всем трудовым народом России...»²⁴ В решении съезда особо подчеркивалось, что земледельческие хозяйства трудового казачества и местного крестьянства не должны подлежать никаким урезкам. Было принято решение о необходимости скорейшего преодоления сословной замкнутости казачества, которое, подчеркивалось в резолюции, является неотъемлемой частью русского народа. Исходя из этого положения, съезд определил и главную задачу — укрепление союза трудового казачества с рабочим классом и крестьянством. Принимается решение послать лучших сынов на защиту Советской Республики, осуществлять советское строительство

175

в казачьих областях на основании Конституции РСФСР, при этом отказаться от сугубо казачьих Советов, создать при облизполкомах и губисполкомах казачьи секции, в которые входили бы только казаки — члены исполкомов²⁵.

Решения съезда были учтены в специальных декретах Советского правительства, закрепивших в законодательном порядке волеизъявление трудового казачества. Так, 25 марта 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома «О строительстве Советской власти в казачьих областях», на основании которого во всех казачьих областях, округах, станицах и хуторах устанавливались общие органы власти, предусмотренные Конституцией РСФСР и положениями ВЦИК. Декрет же Совнаркома от 1 июня 1918 г. упразднялся. В то же время учитывались особые бытовые условия жизни казачества. В целях усиления политической работы областным и губернским исполкомам разрешалось создавать по их усмотрению казачьи секции, которые, не являясь органами власти, должны были носить агитационный и информационно-справочный характер.

В соответствии с декретом казачьи станицы и хутора должны входить в состав тех губерний, на территории которых находились. В результате

ликвидировалась искусственно созданная царским правительством военно-административная надстройка в виде отдельных казачьих войск, которая обособляла казаков от остальной части населения. В декрете указывалось также, что «традиционные для казачества названия «станция», «хутор», «округ», «область» могут быть изменены лишь по желанию местного трудового казачества»²⁶. Земля казаков, подчеркивалось в специальном постановлении Совнаркома и ВЦИК, не подлежит конфискации независимо от размера надела, если она обрабатывается без применения наемной силы.

Декреты Советского правительства, изданные в согласии с решениями Всероссийского съезда трудового казачества, ознаменовали собой начало крутого поворота трудовых казаков в сторону Советской власти. На их основе партийные и советские органы казачьих районов развернули большую политическую и организаторскую работу по привлечению казачьих масс к восстановлению разрушенного белогвардейцами хозяйства, к организации производства на социалистических началах.

176

Большую помощь в упрочении Советской власти в казачьих областях местным партийным и советским органам оказал председатель ВЦИК М. И. Калинин. В. И. Ленин на одном из заседаний ВЦИК говорил, что главной задачей является обеспечение нерушимого союза рабочих и среднего крестьянства. Но для того чтобы среднему крестьянину показать на деле, что решения VIII съезда партии будут твердо проводиться в жизнь, необходимо «практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством...»²⁷. Выполняя это решение, ВЦИК организует поездки по стране агитпоезда «Октябрьская революция» во главе с М. И. Калининым. С апреля 1919 по декабрь 1920 г. было сделано 12 рейсов по важнейшим фронтам и районам страны.

Выступая на митингах и собраниях, всесоюзный староста непосредственно обращался к рабочим, крестьянам, казакам. М. И. Калинин побывал во многих селах и станицах. Беседы со станичниками, с бывшими рядовыми и офицерами белой армии, перешедшими на сторону Советской власти, содействовали окончательному перелому в настроении трудового казачества. Помощь местным органам и разъяснение продовольственной политики способствовали также поступлению из богатых хлебом казачьих областей продовольствия в промышленные центры страны.

Агитаторы стремились донести до сознания каждого казака мысль, что интересы трудового казачества совпадают с интересами рабочих и крестьян Советской России. «Товарищи казаки, — говорил на одном из митингов М. И. Калинин, — вы наши братья... Ваши отцы так же, как и наши отцы, были рабами, они когда-то давно вышли из нашей коренной России, не перенеся

гнета, насилия и помещичьего произвола». Обращаясь к бывшим мятежникам, он разъяснял: «...теперь мы, рабочие и крестьяне России, приветствуем вас, как братьев, и принимаем вас в свои объятия»²⁸.

19 сентября 1919 г. агитпоезд «Октябрьская революция» прибыл в Оренбург. В этот же день М. И. Калинин провел совещание членов губкома партии, губисполкома, высшего командования Туркестанского фронта и 1-й армии.

Совещание подвело итоги двухлетней борьбы за трудовое казачество.

177

В принятой совещанием резолюции по казачьему вопросу все сдавшиеся казаки подразделялись на три категории. Казаков в возрасте от 38 лет и старше, как наиболее консервативную часть казачества, решено было изолировать и использовать на общественных работах. Казаков среднего возраста (от 28 до 38 лет) отпускали домой для проведения полевых работ, за их политической благонадежностью наблюдали ревкомы. Третью категорию составляли казаки в возрасте 18—28 лет, которых мобилизовывали в Красную Армию. Соблюдая меры предосторожности, их направляли служить в различные воинские части. Офицеров и рядовых с антисоветскими настроениями независимо от возраста решили также изолировать²⁹. В резолюции подчеркивалось, что партийные организации Оренбуржья должны проводить советскую политику, опираясь главным образом на красное казачество, хорошо знакомое с бытом и особенностями казачьей жизни.

Совещание приняло решение оплатить пленным казакам стоимость лошадей и экипировки, а также оказать помощь казачьим хозяйствам, разоренным дутовцами. Это решение оренбургских большевиков явилось серьезным шагом в выработке тактики в казачьем вопросе на основе указаний ЦК РКП (б) и СНК. Совещание, как и предшествующий актив, отбросило бытовавший еще взгляд на казачество как на сплошную реакционную массу, дало указание большевикам Оренбуржья дифференцированно относиться к казачеству в зависимости от его лояльности к Советской власти и отношения к воинской службе. М. И. Калинин, закрывая совещание, предупредил, что институт ревкомов должен быть мероприятием временным, напомнил, что «Советы как форма управления лучше, чем ревкомы».

Указания М. И. Калинина о переносе всей тяжести организационно-хозяйственной работы на местные Советы стали программой действий коммунистов Южного Урала. Учитывая ликвидацию фронтов, рост авторитета Советской власти, обусловленный хозяйственно-организаторской и агитационно-пропагандистской работой, проведенной ревкомами, Реввоенсовет Туркестанского фронта совместно с губкомом и губисполкомом принял 14 октября 1919 г. решение о замене революционных комитетов Советами на всей территории бывшего войска

Оренбургского³⁰. В станичные Советы, созданные вместо ревкомов, 178

в большинстве избирались казаки бедняки и середняки. И только в отдаленных станицах, где еще были сильны позиции казачьих верхов, продолжали существовать ревкомы. В некоторых станицах и поселках ревкомы действовали параллельно с Советами. Но ревкомы в них действовали под контролем местных партийных и советских органов и выполняли функции чрезвычайной комиссии.

Переход от ревкомов к Советам завершился созывом уездных съездов Советов рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов. Все съезды в своих резолюциях отметили бережное отношение Советской власти к интересам трудового казачества. Делегаты единодушно одобрили земельную и продовольственную политику Советского правительства и заявили о готовности оказать помощь рабочим и крестьянам Центральной России хлебом.

Процесс избрания Советов в Оренбуржье завершился возобновлением деятельности губернского исполкома, избранного первым губернским съездом Советов еще в марте 1918 г. С декабря 1919 г. казачий отдел стал функционировать как отдел губисполкома³¹.

В течение марта 1920 г. вся Донская область была очищена от белогвардейцев. На Дону повсюду стала восстанавливаться Советская власть. Восстановлением Советов в области руководил Донской комитет РКП (б) и Донисполком. В основу строительства Советской власти был положен принцип выборности хуторских и станичных исполкомов и назначения окружных³².

В первые недели наступления Красной Армии, до прибытия в освобожденные районы представителей Дон- исполкома, организацией революционного порядка и власти в станицах и хуторах занимались ее политотделы. Одна только 9-я армия организовала свыше 500 ревкомов и исполкомов. Станичные ревкомы, созданные армейскими политорганами в северных округах области, к началу 1920 г. были реорганизованы во временные исполкомы. Так по мере освобождения территории Донской области повсюду восстанавливались органы Советской власти.

Партия принимала энергичные меры для укрепления советских органов на местах, организуя массы трудового казачества вокруг рабочего класса. Для строительства новых органов государственной власти в округах и 179

станциях Донком направил 275 коммунистов. В циркулярных письмах окружным исполкомам Донком указывал на «необходимость учитывать специфику области, привлекать к активному участию в политической жизни трудовых казаков»³³. Большую помощь Донскому комитету РКП (б) оказывал Центральный Комитет партии. Только в течение января — мая 1920 г. ЦК послал для работы на Дон 82 коммуниста³⁴. Организаторская и

агитационная работа дала свои результаты. Отношение трудового казачества к революционной власти стало меняться. На митингах и сходах оно приветствовало установление власти Советов. В резолюции общего собрания станицы Михайловской Хоперского округа, состоявшегося 12 января 1920 г., говорилось: «Мы теперь убеждены, что Советская власть есть единственная защитница трудящихся. Мы клянемся защищать Советскую власть и готовы исполнять беспрекословно все ее распоряжения»³⁵. Резолюции в поддержку Советской власти в феврале — марте 1920 г. были приняты казаками многих станиц Верхне-Донского, 2-го Донского, Усть-Медведицкого округов. По инициативе трудового казачества Советы нередко создавались в самых отдаленных станицах и хуторах. Отдел управления Сальского округа сообщал в Донисполком, что «некоторые станичные и волостные исполкомы были организованы стихийно»³⁶. Эти факты свидетельствовали о стремлении широких масс трудового казачества к активному участию в советском строительстве.

В начале мая 1920 г. Донисполком принял решение о проведении выборов в Советы по всей области. С 20 мая по 12 июня на территории Донской области были избраны окружные исполкомы Советов. Советы на Дону, так же как и в других казачьих областях, создавались в соответствии с декретом Совнаркома от 25 марта 1920 г. «О строительстве Советской власти в казачьих областях» по классовому, а не по сословному принципу. Но если в некоторых казачьих областях (Оренбургская) при губисполкоме функционировала казачья секция, то Донком РКП (б) решил не создавать такую секцию, считая, что ее образование осложнит борьбу с сословными предрассудками казачества.

Сложная военная и политическая обстановка на Кубани весной 1920 г. не позволила сразу перейти к выборным органам власти — Советам.

180

Первоочередные задачи советского строительства в области и условия их реализации вызвали необходимость образования революционных комитетов. 27 марта 1920 г. приступил к работе назначенный РВС Кавказского фронта Кубано-Черноморский областной ревком во главе с Я. Полуяном. В марте — апреле на Кубани создаются 320 волостных и станичных, 199 хуторских и аульных ревкомов. В области было организовано 239 коммунистических ячеек, в которых состояло 5220 членов и кандидатов в члены РКП(б). 120 союзов молодежи объединяли 4800 человек³⁷.

На Кубани переходной формой от ревкомов к Советам были съезды трудящихся. Такие съезды состоялись в ряде кубанских отделов в апреле — мае 1920 г. С 20 по 26 мая проходил первый областной съезд представителей рабочих, трудового казачества, крестьянства и горцев. Основная цель съезда — сплочение всех трудящихся Кубани в деле советского строительства — была достигнута. В принятой делегатами съезда резолюции говорилось, что трудовое казачество области всецело

одобряет решения 1 Всероссийского съезда казаков, «обязуется неуклонно проводить их в жизнь и верит, что созданный Советской властью союз трудовых казаков, горцев и рабочих будет вечно крепким и нерасторжимым»³⁸.

25 мая 1920 г. Кубано-Черноморский комитет РКП (б) принял решение провести в июле выборы в станичные Советы и отдельские исполкомы, а в августе, после окончания полевых работ, созвать областной съезд. Но выборы в Советы пришлось отложить. Лишь после разгрома десантов Врангеля Кавказское бюро ЦК РКП (б) издало 20 октября 1920 г. директиву о замене в Кубано-Черноморской области революционных комитетов Советами. Успешному переходу от системы ревкомов к выборным Советам способствовало создание 15 сентября казачьей секции при Кубано-Черноморском ревкоме. Члены секции регулярно посещали отделы и станицы, вели агитационную и разъяснительную работу среди казачества. В течение ноября — декабря 1920 г. под руководством специальных инструкторских отрядов, созданных по решению обкома РКП (б), на Кубани проходили выборы в отдельские, станичные и хуторские Советы. В исполкомы местных Советов было избрано около 55 % коммунистов³⁹.

На Тереке подготовка к выборам в Советы началась весной 1920 г. Руководство советским строительством осуществляла областная

181

комиссия по выборам в Советы во главе с С. Такоевым, созданная при Терском ревкоме. По решению комиссии при окружных и отдельских ревкомах были образованы низовые комиссии, проводившие всю подготовительную работу на местах. «Ввиду наступления выборов в Советы, — отмечалось в воззвании областного ревкома от 21 июня 1920 г., — необходимо мобилизовать всех партийных работников и направить их на места, наиболее нуждающиеся в пропаганде и агитационной подготовке населения»⁴⁰. К предвыборной кампании среди казачьего населения были привлечены лучшие партийные силы. Благодаря их деятельности выборы в Советы превратились в массовую школу политического воспитания казачьих масс. Свидетельством тому являлось доверие, которое они выражали коммунистам на выборах в Советы. Из 20 членов Сунженского отдельного исполкома 16 человек были коммунистами⁴¹. Такое же положение было и в других местных Советах и исполкомах Терской области.

Проведение выборов в Советы на местах создало условия для созыва первого областного съезда Советов всех народов Терека, который открылся 4 августа 1920 г. во Владикавказе. Съезд избрал исполнительный комитет, в состав которого вошли активные организаторы борьбы за власть Советов на Тереке — В. Квиркелия, И. Элердов, Н. Ф. Гикало, Д. Тогоев и др.

Первые месяцы работы станичных исполкомов показали, что в наиболее богатых и отдаленных районах казачьих областей во многие из них

проникли кулацкие ставленники. Чуждые Советской власти элементы оказались в ряде исполкомов низовых станиц Илекского района Оренбуржья: Михайловской, Ключевской, Звериноголовской и др.⁴² В одном из хуторов верхнедонской станицы Казанской председателем Совета оказался казак, в прошлом доброволец отряда Мамонтова; в другом хуторе председателем Совета был избран член следственной комиссии белых. Кулаки проникли также во многие волисполкомы 2-го Донского, Ростовского и Донецкого округов⁴³. Используя политическую отсталость и сословные предрассудки казаков, они пытались настроить их против исполкомов, демагогически выступали против советской продовольственной политики, стремились подорвать укрепляющийся союз рабочего класса с трудовым казачеством. Такое явление отражало новые

182
формы классовой борьбы между трудовыми казаками и кулацкими элементами.

В этих условиях необходимо было провести в ряде районов казачьих областей перевыборы Советов, расширить их социальную опору путем сплочения бедноты и привлечения на свою сторону середняцких слоев казачества и крестьянства. Для решения этой задачи требовалось большое количество подготовленных работников. Важное место в деятельности партийных и советских органов казачьих областей занимала подготовка кадров пропагандистов, агитаторов для работы в станицах. Чтобы ускорить подготовку местных кадров, Оренбургский губком РКП (б) и губисполком в августе 1919 г. приняли решение о создании в крае партийных и советских курсов, ибо гражданская война призвала в армию из деревень и станиц лучшие силы, а оставшиеся на местах неподготовленные работники не всегда удовлетворяли предъявляемым требованиям и своими действиями зачастую дискредитировали советские органы власти⁴⁴. Осуществляя это постановление, губком РКП (б), уездные комитеты партии создают целую сеть партийных школ и курсов. 29 августа 1919 г. открылась партийная школа в Оренбурге, в которой занималось 110 человек⁴⁵. Впоследствии советско-партийные школы стали функционировать в уездных центрах Орске, Илецке, Троицке.

С целью укрепления местных Советов Донком РКП (б) командировал для работы в округа группу политработников. В апреле 1920 г. Донисполком принял решение организовать месячные курсы советских работников.

После окончания учебы выпускники школ направлялись на работу в партийные и советские органы, работали в продовольственных отрядах, возглавляли станичные ревкомы и Советы. Большое значение имело и то обстоятельство, что на руководящую партийную и советскую работу в станицах выдвигались казаки, хорошо знакомые с местными условиями, укладом и бытом казачества. Это значительно облегчало решение

организационных, хозяйственных и прочих вопросов. Как правило, на курсы, готовившие кадры для работы в станицах, направлялись казаки, но немалую долю в числе курсантов занимали и рабочие.

Огромную помощь местным партийным и советским органам в подготовке кадров для работы в станицах оказывал Казачий отдел ВЦИК.

183

В октябре — ноябре 1919 г. в Москву на курсы партийной и советской работы ВЦИК прибыли 25 казаков из станиц Оренбургского и Верхнеуральского отделов и 46 казаков из станиц Троицкого отдела⁴⁶. С 13 октября 1919 по 1 января 1920 г. Казачий отдел подготовил и направил в распоряжение Донисполкома 51 выпускника своих курсов. Кроме того он регулярно командировал десятки своих работников для оказания помощи на местах в налаживании работы среди казачества.

В отчете Казачьего отдела за 1920 г. говорилось: «10 и 11 октября Казачий отдел ВЦИК командировал для работы по организации Советской власти в Оренбургском войске членов Казачьего отдела оренбуржцев Т. Седельникова, А. Кайгородова, А. Нагаева». Только с октября по декабрь 1919 г. в станицы Оренбуржья было командировано для советской работы более 30 агитаторов Казачьего отдела. Для налаживания работы среди женщин станиц Казачий отдел в декабре 1919 г. направил в Оренбург А. Помещикову⁴⁷.

Политико-воспитательная и организаторская деятельность партийных и советских органов позволила успешно провести пере выборы Советов, в которые проникли чуждые элементы. В политической сводке по Моздокскому отделу за ноябрь 1920 г. сообщалось, что «общее впечатление от пере выборов в Советы довольно удовлетворительное. Во многих пунктах с беспартийными в Советы и исполкомы избраны коммунисты». Так, в Моздокском горсовете из 56 членов Совета $\frac{2}{3}$ были коммунистами⁴⁸. В 1-м, 2-м Донских и Верхнедонском округах партийные комиссии самым тщательным образом проверили полномочия местных Советов, очистили их от антисоветских элементов. Решительная борьба по разоблачению кулачества проводилась коммунистами и в других казачьих районах страны. В результате кулаки были изгнаны из окружных и станичных исполкомов.

Завершение советского строительства на конституционных основах означало укрепление позиций диктатуры пролетариата в казачьих областях, свидетельствовало о складывании союза рабочего класса с середняцкими массами казачества.

Укрепление союза рабочего класса с трудовым казачеством

Одним из важнейших условий привлечения казачьих масс на сторону Советской власти являлось правильное решение вопроса о землеустройстве. В его решении партийные и советские органы казачьих областей исходили из постановлений I Всероссийского съезда трудового казачества, предусматривающих отмену частной собственности на землю, ликвидацию сословных ограничений в землепользовании, передачу всех земель в руки трудящихся. Постановление казачьего съезда по земельному вопросу было утверждено ВЦИК и СНК, и явилось директивой местным органам власти казачьих районов страны.

Первостепенное значение для ликвидации специфики дореволюционных земельных отношений в казачьих областях и дальнейшего осуществления аграрной революции имела национализация земли. Земля стала всенародным достоянием и переходила без всякого выкупа в распоряжение трудового населения. Различия сельского населения по разрядам (казаки, коренные, иногородние, старожилы, переселенцы, инородцы) уничтожались, а связанные с ними податные обязательства перед государством и недоимки по платежам отменялись.

Статистические материалы Всероссийской переписи 1920 г., архивные документы и другие источники свидетельствуют, что массового уравнительного передела земли в казачьих областях в 1920 г., как утверждают некоторые исследователи⁴⁹, не проводилось. В столь короткий срок невозможно было решить такую сложную проблему полностью. Для этого надо было, чтобы созрели необходимые экономические условия, поднялось классовое самосознание трудового казачества и крестьянства, чтобы сломлено было влияние кулачества, укреплены Советы. Как считают В. И. Иванов и П. Г. Чернопицкий, немедленное проведение передела земли на Дону «в условиях отсутствия достаточного количества рабочих рук, живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря могло помешать весенней посевной кампании, а в условиях продовольственного кризиса, когда борьба за хлеб была тождественна борьбе за социализм, надо было прежде всего обеспечить организованное проведение посевов, не допустить сокращения посевных площадей»⁵⁰. Выступая в сентябре 1920 г. на губернском съезде Советов, председатель Омского губревкома

185

Е. В. Полудов объяснял постепенность и осторожность советских земельных преобразований наличием сложившихся реальных условий. «...Нельзя было, — говорил он, — определенный хозяйственный уклад и взаимоотношения между казахским, казачьим и крестьянским населением разрубить одним росчерком пера»⁵¹. Советская власть реально оценивала соотношение социальных сил, стоявших за этими укладами, и, учитывая это, еще не могла весной 1920 г. решительно ликвидировать сословные

границ в землепользовании.

Тем не менее, уже в 1920 г. в казачьих областях происходило некоторое перераспределение земли в пользу крестьянской, казачьей бедноты и трудящихся национальных меньшинств. Конфискации подлежали в основном лишь помещичьи, войсковые, частновладельческие и другие нетрудовые земли. Земли фактического пользования в пределах трудовой нормы (независимо от вида землепользования — юртовое, общинное, единоличное, заимочное, аульное) оставались в неприкосновенности и не подлежали урезкам. Земельная политика, проводимая органами Советской власти, позволила бедноте Оренбуржья уже в 1920 г. получить 1118 тыс. дес. земли. По Семиреченской области весной 1920 г. 17 101 хозяйство получило 274 180 дес. удобной земли⁵². В результате аграрной политики Коммунистической партии и Советского правительства безземельное и малоземельное в прошлом крестьянство и казачество получили на Дону 3920 тыс. дес. земли, на Кубани — 1 682 223 дес.⁵³

Партийные и советские органы искали наиболее эффективных и безболезненных методов проведения земельной политики среди казачества. Однако на местах порой допускались ошибки. Так, в апреле 1920 г. Терский областной ревком принял неправильное решение о переселении 18 казачьих станиц с Терека в Ставропольскую губернию, причем переселение осуществлялось без всякого классового подхода. Такое решение ревкома противоречило постановлению Политбюро ЦК партии от 14 октября 1920 г. «О задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами». Политбюро указывало: «По вопросу аграрному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них великорусами, за счет кулацкой части казачьего населения...»⁵⁴ На Терек в декабре 1920 г. была направлена выездная комиссия ВЦИК.

186

На основании ее доклада Президиум ВЦИК 27 января 1921 г. принял решение немедленно приостановить переселение станиц и организовать на месте комиссию из представителей горских народов и казаков под председательством члена Президиума ВЦИК В. И. Невского⁵⁵. 1 марта 1921 г. комиссия приступила к работе. ВЦИК осуществлял постоянный контроль. 14 апреля 1921 г. на заседании Президиума был заслушан доклад В. И. Невского о работе комиссии на Тереке и принято постановление «удовлетворить земельную нужду горцев путем уплотнения казачьих станиц Горской республики в порядке соглашения между казачьими исполкомами и исполкомами горцев...»⁵⁶.

Социалистическая аграрная политика способствовала закреплению перехода трудовых казаков на сторону Советской власти, подводи́ла их к принятию «правды большевиков», о которой говорил В. И. Ленин в докладе на I Всероссийском съезде трудового казачества.

Коммунистическая партия и Советское правительство аграрные

преобразования совмещали с мерами по восстановлению и подъему сельского хозяйства в казачьих областях. Гражданская война сильно подорвала хозяйство казаков. Особенно нагляден был упадок сельского хозяйства в Донской области. К концу гражданской войны на Дону посевная площадь хлебов и поголовье скота сократились в 4 раза⁵⁷. В Уральской области в 1917 г. засевалось 447 375 га, а в 1920 г. — 179 470 га. Поголовье скота за этот период сократилось с 3 789 236 голов до 1 061 481⁵⁸. Примерно в таком же состоянии находилось сельское хозяйство и в других казачьих районах страны. Большая часть сельскохозяйственного инвентаря и машин в станицах была уничтожена или приведена в негодность их прежними владельцами — казачьей верхушкой после установления Советской власти. Председатель Мухрановского станичного Совета сообщал в Оренбургский губисполком, что «казачество станицы пострадало от насилия казачьих банд, которые забрали весь скот, движимый инвентарь, бросив на произвол судьбы жен, детей, стариков»⁵⁹. Подобное происходило в любой станице, где хозяйничали белогвардейцы. В результате материально-техническая база казачьих хозяйств оказалась сильно подорванной, что тормозило расширение посевных площадей. Поэтому вопрос о снабжении трудовых станичников машинами и

187

инвентарем стал одним из основных вопросов в деятельности местных партийных и советских органов. Большую роль в поднятии хозяйства казаков сыграла организация прокатных пунктов и ремонтных мастерских, которые ставили задачу полнее использовать имевшиеся у крестьян и казаков старые орудия и машины, а также стремились провести в жизнь классовый принцип снабжения их сельскохозяйственным инвентарем, обеспечивая в первую очередь потребности бедноты. В 1920 г. в Оренбуржье действовало 103, а на Дону — 70 прокатных пунктов⁶⁰. Десятки таких пунктов функционировали на Кубани, Тереке, в Семиречье и в других казачьих районах страны.

К весенним полевым работам необходимо было организовать ремонт сельскохозяйственного инвентаря. С этой целью в отделах и округах уже летом 1919 г. были организованы ремонтные мастерские. 2 июля 1919 г. президиум Оренбургского губисполкома принял постановление о создании в губернии первых 30 ремонтных мастерских, а в 1920 г. их уже действовало в крае 129. Только за один рабочий сезон 1920 г. мастерские отремонтировали 10 228 пахотных машин и орудий, 3499 уборочных, отремонтировали и сделали вновь 26 670 всевозможных мелких орудий для крестьянских и казачьих хозяйств⁶¹. На Кубани, как сообщалось в газете «Коммунист» 23 декабря 1920 г., было отремонтировано около 12 тыс. плугов, 2680 борон, 1645 веялок, около 10 тыс. уборочных машин, 327 молотилок, 550 веялок и множество другой сельскохозяйственной техники⁶².

Ремонт сельхозинвентаря беднейших казачьих хозяйств производился чаще всего бесплатно или же по низким ценам. Невысокие цены на прокатных пунктах были установлены для них и за пользование сельхозмашинами. Некоторым станицам машины и инвентарь предоставлялись бесплатно. Созданные во многих казачьих областях особые комиссии по удовлетворению претензий граждан, пострадавших от реквизиции лошадей, упряжек, а также седел, скота для нужд Красной Армии, выплачивали казакам денежную компенсацию. Организуя расширение посевных площадей, Советская власть оказывала хозяйствам трудового крестьянства и казачества необходимую финансовую помощь. Так, Оренбургский губисполком 31 марта 1919 г. принимает постановление о выделении более 4 млн. руб. на «закупку скота для хозяйств, имеющих недостаточное количество его...

188

На ремонт и приведение в порядок локомотивов, сельскохозяйственных машин... и на закупку семян для посева». Для удовлетворения нужд сельского хозяйства Кубани государство в 1920 г. ассигновало 35 млн. руб.; на нужды посевной кампании 1920 г. Донской области — более 121 млн. руб.⁶³

Решающая роль в деле оказания помощи трудовым казакам машинами, инвентарем, ремонтом принадлежала рабочему классу. Интересны данные по Оренбургской губернии. Во второй половине июля 1920 г. в Оренбуржье партийные и советские органы, как и по всей стране, вели подготовку к «неделе помощи крестьянину». Цель этого мероприятия заключалась не только в широкой политической агитации среди крестьянства и казачества, но и в оказании им со стороны рабочего класса практической помощи в восстановлении сельского хозяйства. В газете «Коммунар» 8 августа 1920 г. было опубликовано постановление губкома РКП (б), в котором указывалось, что комячейки и отдельные члены партии, комсомольцы обязаны принять самое активное участие в работе, которая должна выражаться в реальной и непосредственной помощи крестьянству и казачеству по подъему их хозяйств; предлагалось вести устную и печатную агитацию по пропаганде коммунистических идей; читать лекции на политические и сельскохозяйственные темы, проводить митинги, беседы, собрания, организовывать спектакли и т. д. Претворению в жизнь этого постановления Оренбургского губкома партии предшествовала большая организационная подготовка. Для проведения «недели крестьянина» было отпущено 115 млн. руб., больше 1000 пудов стали, железа, угля, десятки пудов гвоздей и другие материалы⁶⁴. Рабочие Оренбурга и других городов губернии приняли решение об увеличении своего рабочего дня в «неделю помощи крестьянину» на один час, с тем, чтобы плата за него и вся произведенная продукция шли на нужды крестьянско-казацкого хозяйства, прежде всего в фонд красноармейских семей. Из своей среды рабочие

выделили бригады слесарей, кузнецов, плотников, сапожников и т. д., которых отправляли в села и станицы на помощь в восстановлении сельского хозяйства. Газета «Беднота» по этому поводу писала 26 августа 1920 г.: «В Оренбурге рабочие сапожной мастерской в связи с начавшейся «неделей крестьянина» решили увеличить свой рабочий день на один час и 189

выделили часть сапожников, шорников, плотников, кузнецов и слесарей для помощи по ремонту сельскохозяйственного инвентаря». Трудовой подъем пролетариата позволил партийным организациям Оренбуржья создать и послать в деревни и станицы 285 специализированных рабочих отрядов⁶⁵. Кроме практической и материальной помощи казачеству в период проведения «недели» была проделана большая агитационно-массовая работа в станицах, где прибывшие туда большевики проводили митинги, собеседования, лекции, помогали создавать партийные ячейки, культурно-просветительные кружки, открывали библиотеки.

В трудных условиях гражданской войны казачеству требовалась помощь и в уборке урожая. По решению Советского правительства на период уборочных работ в села и станицы направлялись рабочие уборочные отряды. В станицах, только что освобожденных от белогвардейцев, некому было убирать хлеб. 26 июля 1919 г. член ВЦИК казак И. Ульянов в телеграмме, посланной на имя В. И. Ленина, сообщал: «Казак, отступая, взяли все население, транспорт и сельскохозяйственные машины из земледельческих районов. Хлеба созрели и не убираются. Требуется колоссальное напряжение организационных сил и средств на уборку урожая»⁶⁶. На помощь трудовым казакам пришел рабочий класс Урала, Сибири, Дона, Северного Кавказа. Они создали сотни уборочных отрядов и направили их в станицы. Рабочие не только помогали казакам в уборке урожая, но и создавали в станицах ремонтные мастерские, строили хозяйственные и жилые помещения.

В условиях разрухи крестьянско-казацкая беднота не могла собственными силами освоить ту землю, которую она получила от Советского государства. Поэтому сама жизнь настоятельно требовала перехода к общественной обработке земли. На I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей В. И. Ленин говорил: «Лишь в том случае... если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу»⁶⁷. Исходя из этого указания, коммунисты казачьих областей выступили зачинателями в создании хозяйственных артелей.

190

Так, агитатор-большевик П. Шешилов сообщал в своем отчете

Оренбургскому губкому партии о том, как он помог казакам создать сельскохозяйственную артель. На общем собрании, которое он проводил в станице Мухрановской, казаки заявили о своем тяжелом положении. В период отступления дутовцы угнали за реку Урал все население станицы вместе с инвентарем, скотом и имуществом, где, обобрав их, бросили на произвол судьбы. Казаки вернулись в станицу совершенно разоренные. И вот на собрании они попросили у агитатора совета, что им делать. П. Шешиллов заявил, что Советская власть — власть трудового народа и она всегда готова помочь бедноте. Он посоветовал казакам объединиться в сельхозартель и попросить у губземотдела помощи инвентарем. Приняв предложение, казаки организовались в трудовой советский коллектив⁶⁸. Оренбургский губземотдел утвердил эту артель и выдал ей ордер на получение сельскохозяйственных машин и инвентаря.

Первые производственно-трудовые артели в станицах начали создаваться уже осенью 1919 г. 13 октября на собрании оренбургской станицы Верхне-Павловской для скорейшей уборки хлеба и подготовки земли на будущий 1920 г. было образовано 60 артелей, в которые входило около 500 дворов⁶⁹. Это позволило казакам станицы вовремя убрать и обмолотить хлеб, подготовиться к весеннему севу. В 1920 г. в Оренбургской губернии уже насчитывалось 136 коммун и артелей. Их общественный засев составлял 12 914 дес.⁷⁰ В июле 1920 г. в Уральской области насчитывалось 7 коммун и 98 артелей, объединявших 2552 семьи. Посевная площадь этих хозяйств составляла 5361 дес. На приобретение рабочего скота и сельскохозяйственных машин им была выдана ссуда более 35 млн. руб.⁷¹ К концу 1920 г. в 697 коллективных хозяйствах Донской области состояло 26257 работоспособных членов⁷². На Кубани к началу 1921 г. 448 коллективных хозяйств объединяли 10 999 семей⁷³. Во многих станицах казачьих областей были организованы кузнечные, портняжные, чеботарные и другие мастерские⁷⁴.

Артели и коммуны в казачьих областях, как и по всей стране, в своем большинстве были экономически слабыми. И все же опыт их работы показал, что путь к освобождению казачьей бедноты от кулацкой кабалы лежит через кооперацию сельского хозяйства.

В годы гражданской войны В. И. Ленин не раз подчеркивал, что борьба за хлеб — это борьба за социализм, что главным после военного фронта для нас является «голодный фронт»⁷⁵. В 1919—1920 гг. Украина, Урал, Северный Кавказ, Сибирь, несмотря на пагубные последствия войны, продолжали оставаться районами с большим избытком хлеба. Осуществляя заготовки хлеба в этих регионах, Советская власть столкнулась с рядом специфических трудностей. Прежде всего, ожесточенное сопротивление продразверстке оказало кулачество, которое здесь было сильнее и многочисленнее, чем в центральных губерниях страны. Трудности усугублялись тем, что не изжитые еще до конца сословные предрассудки

затрудняли казацкой и крестьянской бедноте пройти школу политической борьбы с кулачеством, как в центральных губерниях. Неизбежный политический процесс социального расслоения в казачьих областях еще только наметился. Значительная часть среднего казачества находилась под влиянием кулаков. Поэтому на Дону, Кубани и в некоторых других казачьих областях комбеды не создавались, ибо их организация могла противопоставить крестьянскую бедноту казачеству, представлявшему в основной своей массе середнячество, усилить сословные антагонизмы и сорвать заготовку продовольствия.

Партийные и советские органы казачьих областей развернули энергичную работу по разъяснению цели продразверстки и ее значения для молодой Советской Республики. В своей агитационно-пропагандистской деятельности по политическому просвещению коммунисты использовали не только такие формы идейного воздействия на казачьи массы, как митинги, собрания, индивидуальная агитация, печать и т. д., но и такие, как беспартийные конференции, агитационные пункты, «красные повозки», проведение различных «недель». Важное значение в деле политического воспитания казачества и укрепления связи с ним при малочисленности местных партийных организаций и массовой неграмотности казаков имели беспартийные конференции. Говоря об их значении в просвещении непролетарских масс, В. И. Ленин указывал: «Я не знаю иного средства, которое решало бы эту задачу глубочайшей исторической важности... На этих беспартийных конференциях мы должны уметь подойти к непролетарской среде, должны преодолеть предрассудки и мелкобуржуазные колебания — это одна из самых коренных и основных задач»⁷⁶. IX съезд РКП (б) обязал партийные организации широко проводить беспартийные конференции не только среди рабочих, но и среди крестьян, женщин, молодежи⁷⁷.

Руководствуясь этими указаниями, Оренбургский губком РКП (б) уже в апреле 1920 г. организовал первую беспартийную конференцию женщин — работниц, крестьянок, казачек. Она обсудила целый ряд актуальных вопросов и сыграла важную роль в сплочении женщин-казачек вокруг партии, в их вовлечении в активную общественную и хозяйственную жизнь.

По инициативе Оренбургского губкома РКП (б) летом и осенью 1920 г. беспартийные конференции состоялись в Шарлыкском, Исаево-Дедовском, Петровском и других районах губернии. На них обсуждались самые разнообразные вопросы. В своих резолюциях крестьяне и казаки выражали полное доверие Советской власти во главе с Коммунистической партией и заявляли, что Страна Советов с силами Красной Армии непобедима. Газета «Советский Дон» 18 мая 1920 г. в передовой статье писала, что цель конференций — «пробудить, расшевелить каждый глухой хуторок, каждую заброшенную деревушку, заинтересовать их работой Советской власти».

Конференции мобилизовывали трудовых казаков на успешное решение очередных хозяйственных задач, давали возможность выявлять лучших из них для привлечения к работе в органах Советской власти на местах.

По примеру агитпоездов ВЦИК партийные и советские органы казачьих областей, политотделы фронтов организуют свои передвижные агитпросветы, агитпоезда, агитвагоны, агитавтомобили и «красные повозки». Зимой 1920 г. большую агитационно-массовую работу среди оренбургского и уральского казачества провел агитпоезд «Красный Туркестан», сформированный политотделом Туркестанского фронта. По просьбе Оренбургского губкома РКП (б) работники агитпоезда выезжали в 11 казачьих станиц, где организовывали комячейки, проводили митинги, читали лекции, ставили спектакли⁷⁸. В конце апреля 1920 г. вверх по Дону отплыл агитационно-инструкторский пароход Донисполкома и в течение мая проводил агитационную и организаторскую работу в станицах и хуторах Черкасского, 1-го и 2-го Донских и Хоперского округов⁷⁹.

Важную роль в политическом просвещении казачества, в мобилизации 193 его на восстановление разрушенного народного хозяйства сыграли проводившиеся по инициативе и под руководством большевистских организаций массовые агитационно-пропагандистские кампании «партийная неделя», «неделя помощи фронту», «неделя крестьянина» и др. Во время таких «дней» и «недель» партийные организации усиливали всю агитационно-массовую работу среди казачества, широко используя при этом советскую печать, а также митинги, собрания и индивидуальную агитацию.

30 сентября 1919 г. Центральный Комитет партии, учитывая огромную тягу трудящихся к партии, принял решение провести «партийную неделю», которая имела большое значение для ознакомления казаков с целями и задачами РКП (б), для укрепления связи большевистских организаций с казачьими массами. Проведению мероприятия предшествовала серьезная подготовительная работа. Газета опубликовала статью В. И. Ленина «Государство рабочих и партийная неделя», а также целый ряд материалов, посвященных программе Коммунистической партии. В станицы выехали опытные инструкторы губкомов РКП (б) и Казачьего отдела ВЦИК. О размахе этой работы можно судить по тем сводкам-отчетам, которые, например, поступали в Оренбургский губком партии. Только за одну неделю, с 1 по 7 октября 1919 г., ячейки коммунистов были созданы в 1-й и 2-й Зубочистенских станицах, Чесноковской, Переволоцкой, Рассыпной, Белгородской и Нижнеозерной⁸⁰. В этих станицах были проведены митинги на тему «Что такое империалистическая и гражданская война», «Что такое Советская власть», прочитаны лекции «О международном положении», «Откуда произошло казачество», «Программа Коммунистической партии». Казакам разъяснялся приказ № 169

командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе «Об устройстве оренбургского казачества», в котором объявлялась амнистия трудовым казакам, сдавшимся Советской власти. Среди населения вышеперечисленных станиц было роздано 1431 газета-листочек и 486 экземпляров плакатов-брошюр⁸¹. Такая же работа под руководством коммунистов была проведена в станицах других казачьих областей. В результате почти во всех станицах в конце 1919 — начале 1920 г. были созданы партийные и комсомольские ячейки⁸².

Разносторонняя организаторская и массово-политическая работа
194

среди казачьих масс позволила организованно выполнить продразверстку. Этому во многом способствовал большой политический подъем в казачьих районах после изгнания белогвардейцев. В ноябре 1919 г. на третьей Оренбургской губернской партконференции отмечалось, что казачество подчиняется хлебной монополии, хлеб оно сдает по твердым ценам без применения вооруженной силы⁸³. Так, оренбургские станицы зоны Краснохолмского райпродкома вместо 3% годовой разверстки сдали от 4 до 15%⁸⁴. На Кубани к 15 августа 1920 г. на приемные пункты уже было доставлено 90 % общего количества причитающегося по разверстке хлеба⁸⁵.

Выступая 28 февраля 1921 г. на пленуме Московского Совета, В. И. Ленин констатировал, что в течение прошедшего года республика жила главным образом благодаря тем ресурсам, «которые давали Сибирь и Северный Кавказ»⁸⁶.

Завоеванная мирная передышка продолжалась недолго. Весной 1920 г. международный империализм предпринял против Советской Республики новый военный поход. На этот раз империалисты Антанты использовали в качестве ударной силы войска буржуазно-помещичьей Польши и белогвардейскую армию генерала Врангеля. В. И. Ленин в своей речи на широкой рабоче-красноармейской конференции 13 мая 1920 г. говорил: «В настоящий момент мы вынуждены опять бросить клич: «Все для войны»... все свои силы на помощь героической Красной Армии»⁸⁷.

В связи с нападением панской Польши Казачий отдел ВЦИК, руководствуясь указаниями Коммунистической партии, обратился с призывом к трудовым казакам Дона, Кубани, Оренбурга, Урала, Терека, Сибири, Семиречья и Астрахани «послать на польский фронт лучших своих сынов для того, чтобы совместно с рабочими и крестьянами указать свое место зарвавшимся польским панам»⁸⁸. Летом 1920 г. в казачьих областях проводится «неделя Западного фронта». На проводимых коммунистами собраниях, митингах казаки принимали решение о поддержке формирующихся полков Красной кавалерии.

Так, казаки станицы Буранной, заслушав на митинге доклад агитатора Оренбургского губкома партии А. Миронова «О внутреннем и внешнем

положении Советской Республики», приняли резолюцию: «Мы, красные казаки..., не остановимся ни перед чем для победы диктатуры

195

пролетариата»⁸⁹. В станице Кваркенской в фонд красноармейцев Западного фронта было собрано 21975 руб., 41 пуд пшеницы, 7 пудов сухарей и 128 пудов масла⁹⁰. Во всех станицах после митингов и собраний шла запись добровольцев в ряды Красной Армии. Проведение «недели Западного фронта» в Оренбуржье позволило сформировать и отправить на польский фронт 11-ю кавалерийскую дивизию. В значительной мере из оренбургских казаков состояла и 10-я кавдивизия, которой командовал Н. Д. Томин⁹¹.

28 июня 1920 г. была объявлена «неделя польского фронта» в Усть-Медведицком и 2-м Донском округах. По решению окружных комитетов РКП (б) началась запись добровольцев и сбор средств для Западного фронта. Успешно проходила мобилизация добровольцев на фронт в Верхне-Донском округе. В июле в округе был сформирован добровольческий отряд имени Подтелкова и Кривошлыкова из 340 человек⁹². Активно вступали в ряды Красной Армии казаки Донецкого, Сальского, Таганрогского округов. Всего трудящиеся Дона летом — осенью 1920 г. направили на польский и врангелевский фронты свыше 6 тыс. человек⁹³.

Воспользовавшись тем, что главные силы Красной Армии были заняты на польском фронте, Врангель в августе 1920 г. высадил десантные войска на Кубани — в районе Приморско-Ахтарской, под Новороссийском и на Таманском полуострове. Десанту ставилась задача — поднять кубанское казачество на борьбу с Советской властью и отвлечь силы Красной Армии от Северной Таврии. Один из врангелевских отрядов под командованием генерала Улагая настолько далеко продвинулся вперед, что под угрозой оказался Екатеринодар. Успех борьбы с белогвардейским десантом во многом зависел от того, на чьей стороне выступят середняцкие массы казачества. Поэтому крайне важно было воспрепятствовать связям штаба Врангеля с его ставленниками на Кубани. «Если мы получим восстание на Кубани, — писал В. И. Ленин в августе 1920 г. Ф. Э. Дзержинскому, — вся наша политика... крахнет. Надо во что бы то ни стало не допустить восстания, не пожалеть на это людей и сил»⁹⁴.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Коммунистическая партия активизировала свою работу по разъяснению казакам опасности, которую несет армия Врангеля. Одновременно принимались меры по мобилизации

196

трудовых казаков Кубани, Дона и Терека на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. 19 августа 1920 г. ЦК РКП (б) разослал всем партийным организациям циркулярное письмо, которое обязывало большевистские организации усилить агитацию и организовать добровольческие вооруженные отряды из коммунистов, рабочих, трудящегося крестьянства

и казачества для борьбы с врангелевской авантюрой.

В Кубано-Черноморской области с 15 по 22 августа была объявлена «неделя борьбы с Врангелем» (фактически она длилась до 29 августа)⁹⁵. Областной комитет РКП (б) мобилизовал и командировал на места ответственных руководителей в качестве уполномоченных по проведению «недели». В помощь станичным партиейкам обком партии направил из городов агитационно-пропагандистские бригады. Агитаторы стремились показать слушателям классовую природу и сущность врангелевского похода, разоблачали вдохновителей этой попытки международного империализма задушить Советскую Республику.

Под руководством коммунистов в городах и станицах Кубано-Черноморской области шла запись добровольцев на борьбу с Врангелем и бело-зелеными бандами. (Основное ядро бело-зеленых банд составляли кулацкая верхушка и бывшие офицеры, бежавшие в горы и плавни во время разгрома деникинской армии.) В ряды Красной Армии в дни проведения «недели» вступило более 2 тыс. казаков-добровольцев⁹⁶.

В тяжелые дни борьбы с врангелевскими десантами большую политическую работу на Дону и Кубани провел М. И. Калинин, вновь прибывший сюда с агитпоездом «Октябрьская революция». С 10 по 14 августа 1920 г. работа агитпоезда проходила на Дону, а к началу «недели борьбы с Врангелем» М. И. Калинин прибыл на Кубань. Перед выходом агитпоезда из Москвы М. И. Калинин так определил цель поездки на Кубань: «Ликвидация врангелевской авантюры, кампания за вывоз хлеба голодному центру и выпрямление советского строительства»⁹⁷. Председатель ВЦИК посетил около двадцати городов и станиц Кубани.

В горячих и душевных беседах М. И. Калинин и агитаторы поезда от Казачьего отдела ВЦИК И. В. Ружейников и М. Я. Макаров рассказывали казакам о причинах войны с белополяками и Врангелем, о хозяйственных

197

трудностях в стране и путях их преодоления, о необходимости братской дружбы казачества с крестьянами и рабочими, призывали их к активному участию в разгроме контрреволюции, к досрочному выполнению планов продразверстки. Призывы эти находили горячий отклик у трудового казачества. В течение августа 1920 г. в промышленные центры России казачество отправило более 3 млн. пудов хлеба и другого продовольствия⁹⁸.

Политико-массовая и организационная работа инструкторов агитпоезда «Октябрьская революция» сыграла существенную роль в ликвидации врангелевских десантов, а также в сплочении трудовых казаков Кубани и Дона вокруг Советской власти.

К концу августа 1920 г. становится ясным, что надежды Врангеля поднять контрреволюционное казачье восстание обречены на провал. Широкие массы казачества не хотели новой братоубийственной войны с рабочими и крестьянами Советской России. В сводке о политическом

положении на Кубани сообщалось, что казачество держало себя в основном пассивно⁹⁹. Казаки увидели, говорил В. И. Ленин по этому поводу, что «большевики хотя народ и строгий, но все-таки с ними лучше. В результате этого Врангель полетел с Кубани, а многие сотни и тысячи из его войск оказались расстрелянными»¹⁰⁰.

Политическое поражение врангелевских войск предопределило поражение военное, которое нанесли им части IX Кубанской армии и местные советские отряды. 4 сентября 1920 г. Г. К. Орджоникидзе телеграфировал в центр: «Десант на Таманском полуострове уничтожен, и полуостров совершенно очищен...»¹⁰¹

События лета 1920 г, на Дону и Северном Кавказе показали, что казачество перестало быть союзником и резервом белогвардейского лагеря. Колебания его некоторой части в отношении Советской власти в дальнейшем были еще неизбежны, но стать организованным оплотом контрреволюции казачество уже не могло. Тяжелый кровавый опыт трехлетней гражданской войны подводил казаков к необходимости порвать с атаманско-офицерскими кругами, убеждал их в правоте пролетарской диктатуры.

Вместе с населением всей Советской страны казачество приступило к мирной работе по восстановлению народного хозяйства, к осуществлению ленинского плана социалистического строительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало гибели капитализма и торжества коммунизма, всегда будет привлекать пристальное внимание советских и зарубежных историков. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» указывается: «Октябрьская революция является таким социально-политическим событием, величие которого раскрывается все глубже и рельефней с каждым новым шагом человечества по пути общественного прогресса»¹.

Одним из главных условий победы Великого Октября явилось активное участие в революции рабочего класса России во главе с партией коммунистов. Однако победа была бы невозможна без завоевания на сторону пролетариата многомиллионных мелкобуржуазных слоев населения, главным образом крестьянства. Без этого, подчеркивал В. И. Ленин, победа пролетарской революции в центральных районах была бы непрочной, временной.

Усилия Коммунистической партии по привлечению трудящихся масс казачества на сторону социалистической революции в годы гражданской войны являлись составной частью борьбы за создание и укрепление союза рабочего класса с трудящимися непролетарскими массами «в единую

армию революции»². Сложность и ожесточенность этой борьбы в казачьих областях объяснялись особенностями их социально-экономического развития, своеобразием всей жизни и быта казачества. Эти обстоятельства использовали главари белогвардейщины, сумевшие на известное время повести за собой часть трудовых казаков.

В ходе гражданской войны большевистские организации казачьих областей, получая указания и помощь Центрального Комитета партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина, вели борьбу с контрреволюционными верхами казачества, поддерживали казачью бедноту и последовательно осуществляли курс — сначала на нейтрализацию, потом на отрыв средних слоев казачества от офицерско-кулацких кругов, на установление с этими слоями прочного

199

союза. Средние слои казачества составляли основную массу трудовых казаков. Поэтому от их поведения в гражданской войне, как и от остальных средних слоев населения России, зависел исход революции. «...Именно эти колебания... мелкобуржуазной массы трудящихся, — указывал В. И. Ленин, — решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина»³.

В первые же дни после победы вооруженного восстания в Петрограде контрреволюция, опираясь главным образом на казачьи верхи, буржуазию города и деревни, буржуазных националистов, выступила против Советской власти. Контрреволюционные казачьи мятежи явились частью общего плана борьбы российской буржуазии и иностранных империалистов против Советской Республики. И хотя контрреволюции порой удавалось, используя сословные традиции и предрассудки, мелкобуржуазные устремления, обманом, подкупом, а главное насилием, временно вовлечь в активную борьбу против власти Советов часть средних слоев казачества, прежде всего казаков старших возрастов, это привело лишь к тому, что «движение к победе» сил революции в казачьих областях шло не так быстро, как в центре России⁴.

Трудовые казаки, втянутые путем обмана в контрреволюционную авантюру, осознавая происходящие события, под влиянием большевистской агитации и успехов Красной Армии переходили на сторону Советской власти.

Борьба партийных организаций Дона, Северного Кавказа, Южного Урала, Сибири, Дальнего Востока за привлечение трудовых слоев казачества на сторону власти Советов была связана с величайшими трудностями, но коммунисты прекрасно понимали, что для обеспечения победы социалистической революции «на чашу весов истории надо было бросить все»⁵. Расслоение в станицах проходило в особых условиях. Все казаки были связаны между собой военной организацией, дисциплиной и многими другими факторами казачьей жизни и быта.

Большевики сумели в сложной обстановке гражданской войны сплотить

беднейшие слои казаков вокруг рабочего класса, создать летом 1918 г. крупные боевые красноказачьи отряды. Сплочение казачьей бедноты вокруг пролетариата и их совместная успешная борьба против контрреволюционных сил явились одним из основных факторов, обусловивших завоевание казака-середняка на сторону Советской власти. Казак-середняк на практике убеждался в силе и прочности диктатуры

200

пролетариата. Это явилось серьезнейшим фактором, определившим исход его колебаний в пользу Советской власти. Опыт гражданской войны, белогвардейская политика колчаковского и деникинского режима подводили казаков к осознанию необходимости разрыва с казачьими верхами.

Успешному привлечению рядовых станичников на сторону революции способствовала аграрная политика, проводимая губернскими и уездными комитетами РКП (б). В первую очередь были урегулированы взаимоотношения между казаками и крестьянами, жившими в казачьих районах. Так как основные споры между ними были о земле, то партийные организации пришли к решению не отбирать земли у казаков-середняков, даже если их наделы были выше установленной нормы. Казаки-бедняки наделялись землей за счет запасных войсковых земель и конфискованных офицерских участков, а крестьяне — за счет казенных и кабинетских земель. Эта тактика способствовала отрыву казачьих низов от их верхов, ликвидировала земельные споры иногородних с казаками. Важное значение имело то обстоятельство, что партийные и советские органы свое решение земельного вопроса на практике осуществляли сразу, как только те или иные районы освобождались от белогвардейцев.

Огромную роль в привлечении трудовых казаков на сторону Советов сыграла большевистская агитация. Наиболее действенными формами агитационной работы большевиков стало распространение среди белоказачьих писем и обращений казаков-одностаничников, перешедших на сторону Красной Армии, а также посылка в станицы, в тыл врага агитаторов — казаков из этих станиц.

В основу агитационной работы партийных организаций среди рядовых казаков были положены Декрет о земле, пропаганда аграрной политики Советской власти и разоблачение земельной программы казачьих верхов, направленной на защиту и сохранение крупного частного землевладения.

Немаловажным фактором перехода трудовых масс казачества на сторону Советской власти явилась агитационная работа большевиков, направленная на разоблачение связей офицерско-кулацких кругов с иностранной интервенцией. Разоблачение на фактических примерах политики казачьих верхов, предававших целостность и национальную независимость России, привело к тому, что трудовой казак как

мелкобуржуазный патриот отворачивается от белогвардейцев.

В тяжелейших условиях периода господства белогвардейской диктатуры в ряде казачьих областей, несмотря на жестокий террор и насилия, были организованы подпольные большевистские группы, которые развернули широкую революционную деятельность среди трудового казачества. Большевистское подполье сыграло важную роль в разложении и дезорганизации белоказачьих частей, в организации партизанского движения, в мобилизации трудящихся казаков на борьбу с белогвардейцами.

После освобождения территории казачьих районов страны резко усиливается партийная работа в станицах и поселках. Губкомы и уездные комитеты РКП (б) организуют сеть курсов для подготовки кадров станичных Советов и добиваются преобладания в них большевиков. Во время проведения «партийной недели» почти во всех станицах создаются партийные ячейки. Рост численности большевиков в станицах создавал там прочную опору Коммунистической партии.

Экономическая помощь, оказанная Советским государством казакам в поднятии их хозяйств, разоренных гражданской войной, имела большое политическое значение. Трудовые казаки на практике убеждались, что Советская власть, несмотря на труднейшие условия, оказывает им помощь. Это позволило большевистским организациям закрепить окончательный переход трудовых масс казачества на сторону Советской власти.

Партийные организации накопили за годы гражданской войны громадный опыт агитационной работы среди казачьих масс (обращения, воззвания, митинги, доклады, лекции, создание специальных центров агитации, устройство беспартийных конференций и т. д.), что оказало позитивное воздействие на настроение казачества, помогло ему совершить исторический поворот на дорогу, открытую пролетарской революцией.

Политика Коммунистической партии и деятельность большевистских организаций казачьих областей России по завоеванию на свою сторону трудовых масс казачества в годы гражданской войны обогатили теорию и практику марксизма по вопросу о главных союзниках пролетариата в победе и защите социалистической революции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Введение

(с. 3—16)

- ¹ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977 с. 34.
- ² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 214.
- ³ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 302.
- ⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 16.
- ⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 128.
- ⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 219.
- ⁷ См. Киров С. М. Статьи, речи, документы, т. 1. М., 1936; Калинин М. И. За эти годы, кн. 2, 3. М., 1926, 1929; Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. 1. М., 1956; Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 2. М., 1959; т. 3. М., 1960; Микоян А. И. Партия и казачество. Ростов н/Д., 1926; Фрунзе М. В. Избранные произведения, т. 1. М., 1957; Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963; Буденный С. М. Из истории Красной конницы. — Гражданская война. 1918—1921, т. I. М., 1928; его же. Пройденный путь. М., 1958.
- ⁸ Гай Г. Д. Разгром IV корпуса Бакича. — Война и революция, № 23; его же. Первый удар по Колчаку. М., 1926; Карпов В. Казаки в Октябре. — Пролетарская революция, 1923, № 9, с. 21; Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне, т. I. М., 1924; т. II. М., 1928; т. III. М., 1932; т. IV. М., 1934; Белицкий С. М. В. Фрунзе — командующий Южной группой Восточного фронта. — Зоина и революция, 1925, № 7—8; Какурин Н. Е. Как сражалась революция, т. I. М.—Л., 1925; т. II. М.—Л., 1926; Свечников М. Борьба Красной Армии на Северном Кавказе. М.—Л., 1926; Гражданская война. 1918—1921, т. II. М., 1928; Ильин А. Казачество Северного Кавказа в революции 1917 г. — Пролетарская революция, 1928, № 2; Новицкий Ф. Против Колчака и на путях к Туркестану. — Гражданская война. 1918—1921, т. I.
- ⁹ Какурин Н. Е. Как сражалась революция, т. I, с. 154.
- ¹⁰ Добрынин Н. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 — март 1920. Прага, 1921; Денисов. Записки. Книга 1-я. Константинополь, 1921; Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское. — Архив русской революции, т. 5. Берлин, 1922; Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928; Енборисов Г. В. От Урала до Харбина (воспоминания полковника дутовской армии). Шанхай, 1932; Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1927—1920. Шанхай, 1937; Зуев А. В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом (1918—1922). Харбин, 1937.
- ¹¹ Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 — март 1919 гг.). Ростов н/Д., 1965, с. 6.
- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8, т. 3. М., 1970, с. 169—171.
- ¹³ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917—1918 гг. М., 1925; Цыбиков Г. Ц. Забайкальское бурятское казачье войско. — Жизнь Бурятии (Верхнеудинск), 1925, № 9—10; Калинин И. Русская Вандея. М.—Л., 1926; Кин Д. Деникинщина. М.—Л., 1927; Янчевский И. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе, т. 1—2. Ростов н/Д., 1927; Ратгаузер Я. А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928; Голубев А. В. Врангелевские десанты на Кубани. Август—сентябрь 1920 г. М.—Л., 1929; Борисенко И. П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году, т. 1. Ростов н/Д., 1930.
- ¹⁴ Евсеев Н. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929, с. 47
- ¹⁵ Янчевский Н. Л. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917—1920 гг.). Ростов н/Д., 1924, с. 6; Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краснодар, 1924, с. 31; Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923, с. 28.
- ¹⁶ Голубев А. В. Указ, соч., с. 144.
- ¹⁷ Кутяков И. Разгром Уральской белоказачьей армии. Октябрь 1918—апрель 1919 г. М., 1931; Шалунов Ф. К истории бурят-монгольского казачества. Улан-Удэ, 1936; Раенко Я. Н., Корчин М. Н. Борьба большевистских организаций Дона за Великую социалистическую революцию. Ростов н/Д., 1939; Семернин П. В., Корчин М. Н., Раенко Я. Н. Очерки истории большевистской организации на Дону. Ростов н/Д., 1948; Корчин М. Н. Донское казачество. Ростов н/Д., 1949.
- ¹⁸ Футорянский Л. И. За глубину, за справедливость. — Южный Урал, 1963, 24 октября; его же. Казачество в период Октября и гражданской войны в советской историографии. — В. И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР. М., 1969; Хмелевский К. А. Историография Октябрьской революции и

гражданской войны на Дону.— Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Сб. ст. Ростов н/Д., 1972.

³⁹ Огородников Ф. Е. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938, с. 57.

²⁰ Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931, с. 39.

²¹ Там же, с 62—63.

²² Борьба за власть Советов на Дону. 1919—1920 гг. Сб. док. Ростов н/Д, 1957; Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Краснодар, 1957; За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957; Борьба за Советскую власть на Южном Урале. 1917—1918 гг. Сб. док. и матер. Челябинск, 1957; В огне революции. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. Алма-Ата, 1957; Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию. Новосибирск, 1957; Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917—1918 гг.). Улан-Удэ, 1957; За власть Советов. Сб. док. Чита, 1957; Гражданская война в Оренбуржье. Сб. док. Оренбург, 1958; Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 — май 1918 г.). Омск, 1958; Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. Ташкент, 1959, и др.

²³ История КПСС, т. 3, кн. 1 (март 1917—март 1918 г.). М., 1967; т. 3, кн. 2 (март 1918—1920 г.). М., 1968.

²⁴ История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 357—358.

204

²⁵ Селивановская Л. А. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX в. — Ученые записки Оренбургского педагогического института, вып. 13, 1958; Золотов В. А. Аграрные отношения на Дону в 1907—1917 гг. — Очерки экономического развития Дона. Ростов, 1960; Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965; Иванова В. Н. Аграрные отношения на Дону в период Октябрьской революции и гражданской войны. Канд. дисс. М., 1965; Самосудов В. М. Социально-экономические предпосылки перехода сибирского казачества на позиции демократической революции. Омск, 1965; Долгих А. И. Землевладение и землепользование в Сибирском казачьем войске накануне Февральской революции. — Вопросы истории Сибири, вып. 3. Томск, 1967; Футорянский Л. И. К вопросу о земельной аренде в казачьих областях в конце XIX — начале XX в. — Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Сб. Курган, 1971, с. 442—452; его же. Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России. — Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972, с. 139—157; Щагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974; Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов, 1977.

²⁶ Шурыгин А. П. Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель разгрома иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1957; Чижов И. Г., Кондриков Б. В. Победа социалистической революции в Омской области. Омск, 1958; Малышев В. П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961; Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961; Крушанов А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962; Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963; Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964; Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (апрель — ноябрь 1920 г.) Новосибирск, 1966; Василевский В. И. и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Чита, 1967; Бисембаев С. Б. Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968; Батуев Б. Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ, 1977; Познанский В. С. В. И. Ленин и Советы Сибири (1917—1918). Новосибирск, 1977; Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978; Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 — февраль 1918). Новосибирск, 1978; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919—март 1921 г.). Новосибирск, 1978, и др.

²⁷ Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960, с. 215.

²⁸ Борисов А. Я. Большевики Оренбуржья в годы гражданской войны (1918—1919 гг.). — Годы борьбы. Сб. статей. Оренбург, 1959; Дударь Е. И. Из истории борьбы за Советскую власть в Оренбурге. — Из истории Урала. Сб. статей. Свердловск, 1960; Ермолин А. П. Борьба оренбургских большевиков за создание первых красноказачьих отрядов. — Жизненная сила ленинских идей. Сб. статей. М., 1970.

²⁹ Футорянский Л. И. Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Оренбург, 1968; его же. Казачество в период Октября и гражданской войны в советской историографии. — Проблемы аграрной

истории советского общества. Сб. М., 1971, с. 291—300; его же. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март — октябрь 1917 г.). Оренбург, 1972.

³⁰ Дьяков А. З. Борьба Сунженских казаков за Советскую власть в 1918—«1920 гг. Грозный, 1957; Малащенко Г. В., Берз Л. И. Разгром калединщины и установление Советской власти на Дону.— Октябрьская революция на Дону. Ростов н/Д., 1957; Спиридонов Н. Г. Подпольная деятельность большевиков Кубани в годы гражданской войны. Краснодар, 1960; Берз Л. И., Хмелевский К. А. Героические годы. Ростов н/Д., 1964; Екати Б. П. Большевики Терека во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции. Орджоникидзе, 1964; Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 — март 1919 г.). Ростов н/Д., 1965; Коренев Д. З. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967; Демешин Е. И., Золотов В. А., Хмелевский К. А. Вчитываясь в ленинские строки... Ростов н/Д., 1969; Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. Ростов н/Д., 1971; Этенко Л. А. Большевицкие организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д., 1972; Долунц Г. К. Киров на Северном Кавказе. М., 1973; Гугов Р. Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975; Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976; Седина А. М. На крутом повороте. М., 1976; Сергеев В. Н. Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов н/Д., 1979, и др.

³¹ Бабичев Д. С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д., 1969, с. 211.

³² Хмелевский К. А., Кириенко Ю. Л., Перехов Я. А. Освещать историю по-ленински. — Дон, 1970, № 7; Наумов В. П. Летопись героической борьбы (Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР). М., 1972, с. 432—433; Спирин Л. М. Российская Коммунистическая партия (большевиков) в годы гражданской войны и интервенции (историография 1917—1922 гг.). — Из истории гражданской войны и интервенции. 1917—1922 гг. Сб. статей. М., 1974, с. 49.

³³ Аргуненко Б. Председатель Донской республики. — Комиссары. Сб. М., 1964; Герасимов Л. М. Доблестный командарм. М., 1965; Плющев В. А. Николай Томин. М., 1966; Апрельков А. В. Советский командир и чекист И. Д. Каширин. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 9; Кочегин П. З. Томин. Челябинск, 1967; Седина А. Ян Полуян. Краснодар, 1968, и др.

Глава I (с. 17-53)

¹ Калинин М. И. Речь на первом Всероссийском съезде трудящихся казаков 20 февраля 1920 г. М., 1920, с. 16.

² См. Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 410.

³ Там же, с. 315.

⁴ См. там же, с. 314—316.

⁵ См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 219.

⁶ Фугорянский Л. И. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март — октябрь 1917 г.). Оренбург, 1972, с. 3.

⁷ Баталов А. И. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 — февраль 1918). Новосибирск, 1978, с. 20, 35—36.

⁸ Коренев Д. З. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967, с. 12.

⁹ Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. Под ред. А. И. Гозулова. Ростов н/Д., 1940, с. 143.

¹⁰ Отчет начальника Кубанской области за 1915 г. Екатеринодар, 1916, с. 25.

¹¹ Фугорянский Л. И. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России. Дисс. на соискание ученой степени докт. ист. наук. М., 1973, с. 174.

¹² Журнал совещания в Новочеркасске... Протокол заседания 10 сентября 1916 г.; Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе, т. 1. Ростов н/Д., 1927, с. 31; Оренбургский казачий вестник, 1917, 1 октября.

¹³ Отчет Высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища Главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1910, с. 78

¹⁴ Суров А. Материальное положение офицеров казачьих войск. — Военный сборник, 1900, №

3, с. 148.

¹⁵ Сашенков Л. А. Из истории создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства в первый период гражданской войны на Южном Урале. — Ученые записки Челябинского политехнического института, вып. 1, 1957, с. 45.

¹⁶ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 136—137.

¹⁷ Бабичев Д. С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д., 1969, с. 23; Борьба за власть Советов на Дону. Ростов н/Д., 1957, с. 175.

¹⁸ Корольков И. В. Борьба за власть Советов на Северном Кавказе. Чита, 1962, с. 13.

¹⁹ Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931, с. 9, 14.

²⁰ Стоимость производства главнейших хлебов, вып. 2. Пг., 1916, с. 206.

²¹ Казачья правда, 1918, 28 февраля.

²² Селивановская Л. А. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX в. — Ученые записки Оренбургского педагогического института, вып. 13, 1958, с. 68.

²³ См. Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 90—91.

²⁴ Ленин В. Я. ПСС, т. 34, с. 219.

²⁵ См. Ленин В. И. ПСС, т. 7, с. 380; Народное хозяйство СССР. Стад. сб. М., 1956, с. 98; Корнев Д. 3. Указ, соч., с. 14.

²⁶ Янчевский Н. Л. Разрушение легенды о казачестве. Ростов н/Д., 1931, с. 68.

²⁷ Борисенко И. П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году, т. 1. Ростов н/Д., 1930, с. 109.

²⁸ Лихницкий Н. Т. Указ, соч., с. 14; Бойков С., Буркин И., Кондюрина З. Октябрь на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1934, с. 27.

²⁹ Семернин П. В. Первые шаги Донской областной партийной организации в колхозном движении (1920 — начало 1921 г.). — Ученые записки Ростовского ун-та, т. XXXI (Труды кафедры марксизма-ленинизма, вып. 1). Харьков, 1955, с. 31; Зайцев В. П. Аграрные отношения на Дону накануне Великой Октябрьской социалистической

207

революции. — Сборник статей, посвященных 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов н/Д., 1957, с. 136.

³⁰ Футорянский Л. И. Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX — начале XX в. — Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Об. М., 1971, с. 190-193.

³¹ Партийный архив Ростовской области (ПАРО), ф. 7, оп. 1, д. 95, л. 11.

³² Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов н/Д., 1977, с. 114—115.

³³ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 434—435; Щагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974, с. 330, 341; Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978, с. 156—157.

³⁴ См. Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 88.

³⁵ Козлов А. И. Указ, соч., с. 117.

³⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 336.

³⁷ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925, с. 4—20; Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ф. 2007, оп. 1, д. 72, л. 6, 9-10.

³⁸ Гончаров А. Я. Коммунистическая партия во главе массовых революционных стачек в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демократической революции. Канд. дис. М., 1956, с. 146.

³⁹ Бабичев Д. С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д., 1969, с. 65—69.

⁴⁰ История революционного движения на Тереке. Пятигорск, 1924, с. 123.

⁴¹ Ефремов Е. Е. Из истории первых большевистских организаций на Дону. — Вопросы истории КПСС, 1965, № 5, с. 121; Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.). Сб. док., ч. 1. Астрахань, 1958, с. 407.

⁴² Сибирская советская энциклопедия, т. II. Новосибирск, 1931, с. 427; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 54, оп. 3, д. I, л. 45, 72.

⁴³ Чеботарев В. А. Иван Ружейников. Алма-Ата, 1971, с. 24; Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.), ч. 1, с. 407; Филатова Л. Казак-большевик. — Революцией призванные. Сб. Челябинск, с. 97; Партийный архив Читинской области, ф. 6495, оп. 3, д. 45, л. 1.

⁴⁴ Правда, 1917, 23 марта.

- 45 Известия ВЦИК, 1919, 16 августа.
 46 Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 10—11.
 47 Минц И. И. Образование Советов (февраль—март 1917 г.).— История СССР, 1967, № 1, с. 8;
 Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1. М.—Л., 1930, с. 211.
 48 Футорянский Л. И. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания
 буржуазно-демократической революции в социалистическую (март—октябрь 1917 г.), с. 12.
 49 Хайруллин Н. Б. Большевики Омска в период Октябрьской революции. Омск, 1957, с. 16.
 50 Партийный архив Челябинской области (ПАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 210, л. 15,
 208
 51 Бабичев Д. С. Указ, соч., с. 91—96; Футорянский Л. И. Указ, соч., с. 10—20.
 52 Герасимов П. М. Доблестный командарм. М., 1965, с. 17.
 53 Футорянский Л. И. Указ, соч., с. 22.
 54 Чеботарев В. А. Указ, соч., с. 28—32.
 55 Бабичев Д. С. Указ, соч., с. 76.
 56 Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 26.
 57 Там же, с. 21—22.
 58 КПСС в борьбе за победу социалистической революции в 1917 г. М., 1957, с. 29. Герасимов
 П. М. Указ, соч., с. 20.
 59 Баталов А. И. Указ, соч., с. 123.
 60 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 139.
 61 Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961, с. 82, Там же.
 63 Футорянский Л. И. Указ, соч., с. 41.
 64 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. М., 1958, с. 113.
 65 Плюшев В. А. Николай Томин. М., 1966, с. 23.
 66 Футорянский Л. И. Указ, соч., с. 44—46.
 67 Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 11.
 68 Краткий исторический очерк и отчет казачьего отдела ВЦИК по октябрь 1919 г. М., 1919, с.
 4—6.
 69 Известия ВЦИК, 1917, 10 июня.
 70 Речь, 1917, 8, 9 и 10 июня; Вестник Союза казачьих войск, 1917, 27 июня.
 71 Речь 1917, 15 июня.
 72 Вестник Союза казачьих войск, 1917, 16 июня.
 73 См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 12, 14.
 74 Шестой съезд РСДРП (б). Протоколы. М., 1958, с. 255—257.
 75 Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий, т. 2. М., 1959, с. 590.
 76 Покровский С. Н. Указ, соч., с. 88—89.
 77 Футорянский Л. И. Указ, соч., с. 98.
 78 Известия ВЦИК, 1917, 18 августа.
 79 Речь, 1917, 18 июня.
 80 ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 146, л. 65—67.
 81 Забайкальская новь, 1917, 24 июня.
 82 ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 567, л. 152.
 83 Шагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974, с. 133.
 84 Гирченко В. П. Этапы революционного движения в Бурятии (1917—1918). Хроника.
 Верхнеудинск, 1927, с. 14.
 85 Амурское эхо, 1917, 17 августа.
 86 Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 66.
 87 Футорянский Л. И. Указ, соч., с. 91—92.
 88 Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. М., 1978, с. 615.
 89 Государственное совещание. Стенограф, отчет. М.—Л., 1930, с. 74-75
 90 Заря, 1917, 22 августа.
 91 Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП (б) в 1917 году (хроника событий). М., 1969, с. 270,
 280.
 92 Рабочий, 1917, 31 августа.
 98 ЦГАОР СССР, ф. 683, оп. 3, д. 44, л. 119.
 94 Мятёж Корнилова. Из белых мемуаров. Л., 1928, с. 93.
 209
 95 Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий, т. 3. М., 1960, с.
 305—483.
 96 Бабичев Д. С. Указ, соч., с. 129—132.

- 97 Футорянский Л. И. Указ соч., с. 116—117.
 98 Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 220.
 99 Заря, 1917, 2, 3 сентября; Оренбургский край, 1917, 2 сентября.
 100 Чижев И. Г. Солдаты Омского гарнизона в Октябрьской революции. — Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968, с. 54.
 101 Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 220.
 102 Там же, с. 219.
 103 Аникеев В. В. Указ, соч., с. 445—446, 449, 453, 466.
 104 Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.). Сб. док., т. 1. М., 1957, с. 294.
 103 См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 266.
 106 Там же, с. 285.
 107 Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957, с. 272—278; Рабочий путь, 1917, 13 октября.
 108 Голуб П. Партия, армия и революция. М., 1967, с. 169.
 109 Футорянский Л. Я. Указ. соч., с. 135—136.
 110 Оренбургский казачий вестник, 1917, 2 октября; Партийный архив Свердловской области (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 428, л. 91.
 111 Оренбургский казачий вестник, 1917, 5 октября.
 112 Революционная мысль, 1917, 3 октября.
 1,3 См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 205.
 114 Цит. по: Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники. М., 1968, с. 47.
 115 Солдат, 1917, 20 октября.
 116 Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947, с. 20—21.
 117 Цит. по: Баталов А. Н. Указ, соч., с. 180.
 118 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 48, л. 52.
 119 Цагин Э. М. Указ, соч., с. 189.
 120 Большевики Западной Сибири в период подготовки и проведения социалистической революции. Новосибирск, 1957, с. 185—186.
 121 Уральский рабочий, 1917, 5 декабря.
 122 Оренбургский казачий вестник, 1917, 5 декабря, ПАСО, ф. 41, оп. 4, д. 428, л. 195.
 123 Астраханский рабочий, 1917, 4 октября.
 124 Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923, с. 53.
 123 Вольный Дон, 1917, 10 сентября.
 120 См. Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 316.
 127 Бабичев Д. С. Указ, соч., с. 134.
 128 См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 217.
 129 См. Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 190.
 130 Там же.
 131 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 428, л. 100.
 139 См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 393, 404, 410.
 133 См. там же, с. 223.
 134 Там же, с. 390.
 135 Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 10.
 136 Омские большевики в период Октябрьской революции и

210

упрочения Советской власти (март 1917—май 1918 г.). Омск, 1958, с. 71—72.

- 137 Оренбургский казачий вестник, 1917, 8 октября.
 138 Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.), т. 1, с. 336.

Глава II (с. 54—85)

- 1 Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 94.
 2 Борьба за власть Советов на Дону. 1919—1920 гг. Сб. док. Ростов н/Д., 1957, с. 144—145.
 3 Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2. М., 1963, с. 139—140.
 4 Листок войны, 1917, 31 октября.

- История Северо-Осетинской АССР. Советский период. Орджоникидзе, 1966, с. 30.
 Покровский С. И. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961, с. 103—104.
 Малышев В. П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961, с. 66.
 Пролетарская резолюция на Дону. Сб. 4. Ростов н/Д., 1922, с. 227.
 Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 211.
 Берз Л. И., Хмелевский К. А. Героические годы. Ростов н/Д., 1964, с. 81.
 Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. М., 1976, с. 67—68.
 См. Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 164.
 Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 165—166.
 См. Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 340, 349.
 Morley U. The Japanese Thrust into Siberia, 1919. New York, 1957, p. 325—327.
 Bradley U. The Allies and Russia in the Light of French Archives.—Soviet Studies. October 1964, p. 177.
 Ullman R. H. Intervention and the War. Anglo-Soviet Relations. 1917—1921, vol. 1. Princeton, 1961, p. 43—46; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Изд. 2. М., [б./г.], с. 294
 Niessel H. Le triumphe des bolcheviks et la paix Je Brest-Li- tovs. Souvenirs 1917—1918. Paris, 1940, p. 105—107; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia, vol. 2. Washington, 1932, p. 609.
 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers 1914—1920, vol. 2. Washington, 1940, p. 343)—344, 345—346.
 Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1964, с. 112.
 Foreign Relations. 1918. Russia, vol. 2, p. 614.
 Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.). Док. и матер. Оренбург, 1958, с. 4.
 Вольность, 1917, 19 октября.
 Гулыга А.; Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США. М., 1952. с. 34.
 Покровский С. Н. Указ, соч., с. 105—106.
 Вегман В. Областные иллюзии, рассеянные революцией.— Сибирские огни, 1923, JSfe 3, с. 112.
- 211
- Morley I. Op. cit., p. 87.
 Ullman R. H. Op. cit., p. 138.
 Грэвс У. Американская авантюра в Сибири. М., 1932, с. 63.
 Допрос Колчака. Л_м 1923, с. 113.
 См. Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 393.
 Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 127—128.
 Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 230.
 Декреты Советской власти, т. I, с. 154—155.
 Очерки истории партийных организаций Дона. 1898—1920, ч. 1. Ростов н/Д., 1973, с. 387.
 Наше знамя, 1917, 26 ноября.
 Борьба за власть Советов на Дону, с. 188.
 Пролетарская революция на Дону. Сб. 2. Ростов н/Д., 1922, с. 105.
 Начало гражданской войны. Мемуары. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев, т. III. М.—Л., 1926, с. 17.
 Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. М., 1976, с. 342.
 Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966, с. 191.
 Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927, с. 170—172.
 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 544, л. 10.
 Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 26.
 Краткий исторический очерк и отчет Казачьего отдела ВЦИК по октябрю 1919 г. М., 1919, с. 19—20.
 Декреты Советской власти, т. I, с. 157.
 Там же, с. 170.
 Там же, с. 198—199.
 Luckett R. Op. cit., p. 107; Longworth Ph. The Cossacks. London, 1969, p. 295.
 Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 283.
 Поликарпов В. Д. Указ, соч., с. 127—128.
 Известия Кубано-Черноморского обкома РКП (б), 1921, № 15, с. 26—27.
 Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931, с. 22.

- 54 Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. Шанхай, 1937, с. 44.
- 55 Longworth Ph. Op. cit., p. 296.
- 56 Бабичев Д. С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д., 1969, с. 154—155, 169—170.
- 57 Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976, с. 187.
- 58 Известия Челябинского ВРК, 1918, 18 января.
- 59 Пятигорское эхо, 1918, 23 января.
- 60 Южный Урал, 1917, 17 декабря.
- 61 Оренбургский казачий вестник, 1917, 12 декабря.
- 62 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 544, л. 77, 14, 19.
- 63 Известия Оренбургского ВРК, 1918, 29 января.
- 64 Енборисов Г. В. От Урала до Харбина (Воспоминания полковника дutowской армии). Шанхай, 1932, с. 27.
- 65 Триумфальное шествие Советской власти, ч. 2, с. 177.
- 66 Известия ВЦИК, 1917, 29 декабря.
- 212
- 67 История гражданской войны в СССР, т. 3. М., 1957, с. 48.
- 68 Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 211.
- 69 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне, т. 1. М., 1924, с. 50—52.
- 70 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 10.
- 71 Гражданская война в Оренбуржье, с. 37—39.
- 72 См. Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 159.
- 73 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 361.
- 74 Гончаренко Н. Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе. Луганск, 1963, с. 92.
- 75 Український історичний журнал, 1965, № 4, с. 82.
- 76 Кириенко Ю. К. Указ. соч., с. 163.
- 77 Голиков Г. Н. Очерки истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959, с. 331.
- 78 Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Краснодар, 1957, с. 170—171.
- 79 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 81, д. 7, л. 13.
- 80 Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, с. 104.
- 81 Ленин о Доне и Северном Кавказе. Ростов, 1969, с. 459; Борьба за власть Советов на Дону, с. 169—172, 236—237; Очерки истории Краснодарской организации КПСС, с. 191—192; Южный Урал, 1917, 14 декабря.
- 82 Клопов Э. В. Ленин в Смольном. М., 1965, с. 161.
- 83 Бабичев Д. С. Указ, соч., с. 176—204; Кириенко Ю. К. Указ, соч., с. 172—187.
- 84 Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 296.
- 85 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне, т. 1, с. 201.
- 86 Вольный Дон, 1918, 1 февраля.
- 87 Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 580; т. 50, с. 46, 365.
- 88 Осадчий И. П. Октябрь на Кубани. Краснодар, 1977, с. 188.
- 89 Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. с. 177.
- 90 Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. 1. М., 1956, с. 75.
- 91 Коренев Д. З. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967, с. 78.
- 92 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 544, л. 81.
- 93 Правда, 1918, 11 января; Оренбургский казачий вестник, 1917, 13 декабря.
- 94 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 544, л. 28.
- 95 См. Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 322.
- 96 Покровский С. Н. Указ, соч., с. 119.
- 97 ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 734, л. 8.
- 98 Пролетарская революция, 1924, № 6, с. 267.
- 99 Власть труда, 1918, 25 января.
- 103 Правда, 1918, 10 марта.
- 101 Агалаков В. Г. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978, с. 158.
- 102 ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 39, л. 40.
- 103 Щагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974, с. 224—226.

- 104 Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 128.
 105 Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 144.
 106 См. Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 128, 402—403; т. 38, с. 143.
 107 Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 95.

213

Глава III (с, 86—105)

- 1 Борьба за власть Советов на Дону. 1919—1920 гг. Сб. док. Ростов н/Д., 1957, с. 240.
 2 Там же, с. 263.
 3 Известия Оренбургского ВРК, 1918, 24 февраля.
 4 Известия Челябинского ВРК, 1918, 3, 4 января.
 5 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 117, л. 22; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 636, л. 6, 11, 22—24.
 6 Казачья правда, 1918, 26, 28 февраля.
 7 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 16-17.
 8 Незабываемые годы. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. Ростов н/Д., 1957, с. 348—350.
 9 Борьба за власть Советов на Дону, с. 274—275.
 10 Алма-Атинский областной государственный архив (АОГА), ф. 489, оп. 1, д. 8, л. 109; Центральный государственный архив Казахской ССР (ЦГА КазССР), ф. 1415, оп. 1, д. 16, л. 13.
 11 Власть труда, 1918, 19 февраля.
 12 Центросибирь (№ 18), 4918, 26 июля.
 13 Октябрь на Амуре. Благовещенск, 1961, с. 42; Дальневосточные известия, 1918, 24 марта, 3 апреля.
 14 Забайкальский рабочий (№ 295), 1918, 23 апреля.
 15 Центросибирь (№ 13), 1918, 19 июля.
 16 Донские известия, 1918, 9 апреля.
 17 Известия Челябинского ВРК, 1918, 20 января.
 18 Борьба за власть Советов на Дону, с. 293.
 19 Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Краснодар, 1957, с. 153.
 20 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 81, д. 7, л. 13.
 21 Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1977, с. 261.
 22 См. Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 418.
 21 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 365.
 24 Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону. Ростов н/Д., 1965, с. 27.
 25 ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 18, л. 8
 26 Буденный С. М. Пройденный путь. М., 1958, с. 45.
 27 См. Ленин В. И. ПСС, т. 13, с. 405.
 28 Хмелевский К. А. Указ. соч., с. 27.
 29 Буденный С. М. Указ. соч., с. 43—44.
 30 Известия Оренбургского ВРК, 1918, 22 марта.
 31 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 117, л. 22.
 32 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 22—49.
 33 Лисовский Н. К. Разгром дутовщины (1917—1919). М., 1964, с. 37—38.
 34 ГАОО, ф. 284, оп. 1, д. 41, л. 86.
 35 За власть Советов. Сб. док. Чита, 1957, с. 129—130.
 36 Щагин Э. М. Указ, соч., с. 282—283.
 37 АОГА, ф. 489, оп. 1, д. 20, л. 22.
 38 Дальневосточные известия, 1918, 7 июня.
 39 Донецкий М. Донское казачество. Ростов н/Д., 1926, с. 4 (предисловие).
 40 ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 4, д. 26, л. 358—359.

214

- 41 Берз Л. И., Хмелевский /С. Л. Героические годы. Ростов н/Д., 1964, с. 163.
 42 Гражданская война в Оренбуржье. Об. док. Оренбург, 1958, с. 122.
 43 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 902, л. 106.
 44 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 903, л. 13.

- 45 ЦГАСА, ф. 28129, оп. 1, д. 1, л. 71—79, 82.
 46 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 81, д. 2, л. 42; Известия Оренбургского губисполкома, 1918, 16
 апреля
 47 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 221, л. 100; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 636, л. 28—32.
 48 Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и армейских депутатов,
 1918, 11 апреля.
 49 ЦГАСА, ф. 5, оп. 3, д. 91, л. 430—431.
 50 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 295, л. 59.
 51 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 789, л. 8.
 52 Известия Оренбургского губисполкома, 1918, 12 мая.
 53 Известия Оренбургского губисполкома, 1918, 14 июня.
 54 ЦГСА, ф. 25933, оп. 1, д. 19, л. 41.
 55 Известия Новочеркасского Совета рабочих и казачьих депутатов, 1918, 10 марта.
 53 Донские известия. 1918, 22 марта.
 57 ПАРО, ф. 12, оп. 1, д. 267, л. 222.
 58 ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 72, л. 13.
 59 Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с.

235.

- 60 См. Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 365—366.

Глава IV **(С. 106—137)**

- 1 Вильямс А. Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, с. 58.
 2 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 343.
 3 Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 460.
 4 См. Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 39.
 5 Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 16 — 17.
 6 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 428, л. 124.
 7 Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 213.
 8 Известия Оренбургского губисполкома, 1918, 11 апреля.
 9 Партийный архив Оренбургской области (ПАОО), ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 31.
 10 Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, с. 87.
 11 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 11(1), л. 75.
 12 Ульянов И. Думы вольного казака. М., 1918, с. 14—16.
 13 Декреты Советской власти, т. II, М., 1959, с. 378, 379.
 14 Там же, с. 376—377.
 15 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 81, д. 2, л. 132.
 16 См. Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 707.
 17 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 10, л. 95.
 18 ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 100, л. 51.
 19 ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 2, л. 13.
 20 ГАОО, ф. 2418, оп. 1, д. 3, л. 55.
- 215
- 21 Народная власть, 1918, 8 декабря.
 22 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 81, д. 7, л. 43 об., 44, 80—81.
 23 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 133.
 24 Оренбургский казачий вестник, 1918, 19 июля.
 25 ГАОО, ф. 1912, оп. 1, д. 101, л. 30.
 26 Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 27—28.,
 27 Декреты Советской власти, т. II, с. 408—411.
 28 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 97.
 29 Там же, с. 99.
 30 См. Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 14.
 31 Декреты Советской власти, т. II, с. 377—378.
 32 Страницы героического прошлого. Сб. воспоминаний Челябинск, 1958, с. 92—93.

- 33 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 11(1), л. 89-91.
 34 ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 100, л. 65.
 35 Известия Оренбургского губисполкома, 1913, 14 июня.
 36 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 223, л. 44, 152.
 37 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 428, л. 241.
 38 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 354, л. 3—7.
 39 Там же, л. 4.
 40 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 428, л. 239.
 41 ЦП А ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 55, л. 4.
 42 Легендарный рейд. Сб. док. и матер. М., 1959, с. 20.
 43 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 234, л. 15.
 44 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 350, л. 141.
 45 Спирин Л. М. Указ, соч., с. 237.
 46 Гражданская война в Оренбуржье. Сб. док. Оренбург, 1958, с. 143.
 47 Кузнецов Г. Варвары. Оренбург, 1938, с. 11—16.
 48 ПАОО, ф. 266, оп. 1, д. 53, л. 11, 14, 27—30.
 49 ГАОО, ф. 1912, оп. 2, д. 75, л. 15, 16, 17, 18.
 50 Цит. по Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966, с. 372.
 51 Коренев Д. 3. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967, с. 261 -262.
 52 Дьяков А. 3. Борьба Сунженских казаков за Советскую власть в 1918—1920 гг. Грозный, 1957, с. 14—16, 28.
 53 Стодневные бои в Грозном. Сб. исторических очерков и воспоминаний. Грозный, 1959, с. 22.
 54 Центральный государственный архив Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (ЦГА ЧИАССР), ф. 627, оп. 1, д. 2, л. 15.
 55 Центральный государственный архив Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики (ЦГА СОАССР), ф. Р-5, оп. 1, д. 8, л. 31.
 56 Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 —март 1919 г.). Ростов н/Д., 1965, с. 32.
 57 Там же, с. 34—60.
 58 Начало гражданской войны. Мемуары. М.—Л., 1927, с. 132, 141.
 59 История гражданской войны, т. 3. М., 1957, с. 252; Берз Л., Хмелевский К. Героические годы. Ростов н/Д., 1964, с. 185.
 60 Спирин Л. М. Указ, соч., с. 272—281.
 81 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 60.
 62 Gwettenham J. Op. cit., p. 85; Kenez P. Op. cit., p. 37; Brink-ley G. Op oil., p. X—XI; Luckett R. Op. cit., p. 98.
 63 См. Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 168.
- 216
- 64 Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 400—401.
 65 См. Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 36; т. 37, с. 109.
 66 Очерки истории партийных организаций Дона, 1898—1920, ч. 1. Ростов н/Д., 1973, с. 459.
 67 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, т. V. М., 1970, с. 275.
 68 Борьба за власть Советов на Дону. 1919—1920 гг. Сб. док. Ростов н/Д., 1957, с. 370, 400.
 69 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, т. VI. М., 1971, с. 439.
 70 История гражданской войны в СССР, т. 4. М., 1959, с. 305.
 71 Вопросы истории, 1947, № 7, с. 12.
 72 ЦГА СОАССР, ф. Р-6, оп. 1, д. 19, л. 1—3.
 73 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, т. VI, с. 34.
 74 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, т. V, с. 379—380.
 75 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 7, л. 275.
 76 Военно-исторический журнал, 1969, № 6, с. 6, 8.
 77 Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями, т. V, с. 274.
 78 Южный фронт (май 1918 —март 1919). Сб. док. Ростов н/Д., 1962, с. 340.
 79 Коммунар, 1919, 29 января.
 80 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 55, л. 14.

- 81 Гражданская война в Оренбуржье, с. 161—162.
 82 Уральский маяк, 1918, 13 октября.
 83 ГАОО, ф. 717, д. 14, л. 234.
 84 Революцией призванные. Оренбург, 1961, с. 84.
 85 Оренбургский казачий вестник, 1918, 4, 6 августа.
 86 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 3(1), л. 100; д. 4, л. 28.
 87 Оренбургский казачий вестник, 1918, 10 августа.
 88 Оренбургский казачий вестник, 1918, 25, 29 сентября.
 89 Оренбургский казачий вестник, 1918, 24 августа.
 90 За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов,
 1957, с. 264—265.
 91 Декреты Советской власти, т. IV. М., 1968, с. 15—18.
 92 Коммуна, 1919, 22 января.
 93 История КПСС, т. 3, кн. 2 (март 1918—1920 г.). М., 1968, с. 357.
 94 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 15, л. 172—176.
 95 Литературное наследство, 1963, т. 70, с. 690.
 96 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 84, д. 9, л. 2—4.
 97 Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 17.
 98 Боевой путь Первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов (июнь
 1918 — февраль 1921 г.). Сб. док. и матер. Ашхабад, 1972, с. 81—82.
 99 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 83, д. 5, л. 146.
 100 Коммунар, 1919, 9 февраля.
 101 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 95, л. 38—39.
 102 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 122, л. 64, 76—78, 84—88, 120, 125.
 103 Коммунар, 1919, 25 февраля.
 104 Коммунар, 1919, 16 февраля.
 105 Коммунар, 1919, 7 марта.

217

Глава V (с. 138—167)

- 1 Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док. и матер. М., 1960, т. 2, с. 7.
 2 Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 278.
 3 Там же, с. 280.
 4 Там же, с. 317.
 5 Оренбургский казачий вестник, 1919, 21 ноября.
 6 Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 278.
 7 См. там же, с. 274.
 8 Правда, 1919, 16 апреля; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. М., 1941, с. 86—87.
 9 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 195, л. 52.
 10 Красный казак, 1919, 12 апреля.
 11 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 195, л. 74.
 12 Гражданская война в Оренбуржье. Сб. док. Оренбург, 1958, с. 291-292.
 13 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 160, л. 8 об.
 14 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 237, л. 6—8, 34; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2268, л. 1.
 15 ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 237, л. 34-35, 56—58; д. 294, л. 34.
 16 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2268, л. 1, 3.
 17 Там же, л. 2.
 18 Там же.
 19 Протоколы 3-го очередного Войскового круга войска Оренбургского. Троицк, 1919, с. 132.
 20 Берз Л., Хмелевский К. Героические годы. Ростов н/Д., 1964, с. 261—266.
 21 ЦГА СОАССР, ф. Р-1, оп. 1, д. 60, л. 45.
 22 Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 215—216.
 23 Там же, с. 217.
 24 Коммунар, 1919, 11 февраля.
 25 Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 217—218.
 26 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 244.
 27 Правда, 1919, 23, 27 апреля, 6 мая.

- 28 Гражданская война в Оренбуржье, с. 307—308.
 29 Там же, с. 163.
 30 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 31.
 31 См. Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 345; ЦГАСА, ф. 106, оп. 1, д. 32, л. 2.
 32 ЦГАСА, ф. 100, оп. 2, д. 201, л. 393.
 33 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 67 об.
 34 Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 277.
 35 История КПСС, т. 3, кн. 2 (март 1918—1920 г.). М., 1968, с. 357—358.
 36 Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 195.
 37 Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 146.
 38 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 153, л. 61.
 39 Берз Л., Хмелевский К. Указ соч. , с 246—247.
 40 Цит. по: Владимирцев В. С. Партия — организатор разгрома контрреволюции на юге. М.,
 1971, с. 57.
 41 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 387.
 42 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 215.
 43 Там же.
- 218
- 44 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 328.
 45 См. там же, с. 336.
 46 ЦГАСА, ф. 106, оп. 1, д. 32, л. 1, 2; оп 2, д. 120, л 38.
 47 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 47.
 48 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 58.
 49 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 116, л. 97.
 50 ЦГАСА, ф. 238, оп. 1, д. 7, л. 92.
 51 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 83, д. 27, л. 54; д 28, л. 62, 182.
 52 ГАОО, ф. 25, оп. 1, д 100, л. 60.
 53 Казак, 1919, 22 ноября.
 54 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д 195, л. 77 об.
 55 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 160, л. 9—18.
 56 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 40.
 57 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 195, л. 86.
 58 ПАОО, ф. 6002, оп. 1, д. 325, л. 12.
 59 М. В Фрунзе на фронтах гражданской войны. М., 1941, с. 208.
 60 См. Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 232.
 61 Ленин В. И. ПСС, т. 51, с. 62.
 62 Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, т. 2.
 Алма-Ата, 1964, с. 130.
 63 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 206.
 64 Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. V. Берлин, 1926, с. 191, 268.
 65 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 44.
 66 Там же, с. 46.
 67 Некоторые вопросы истории КПСС. М., 1961, с. 88.
 68 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 82, л. 12.
 69 Героическое подполье. В тылу деникинской армии. М., 1975, с 97.
 70 Деникин А. Я. Очерки русской смуты, т. V, с. 197.
 71 ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 3, д. 4, л. 128, 128 об.
 72 Терский казак, 1920, 13 февраля.
 73 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 232.
 74 История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 359.
 75 Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963, с. 43.
 76 Известия ЦК РКП (б), 1919, 22 октября.
 77 Ленин В. И. ПСС, т. 51, с. 55, 62.
 78 Коммунар, 1919, 28 октября; ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 13; оп. 3, д. 52, л. 4; д. 28, л. 15; д. 38,
 л. 11.
 79 Челябинская губерния в период военного коммунизма. Челябинск, 1960, с. 106.
 80 ПАОО, ф. 1, оп. 3, д. 28, л. 15.
 81 ЦГАСА, ф. 100, оп. 3, д. 1050, л. 99, 100, 104, 119, 122, 129, 130.

- 82 Кузьмин Г. В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917— 1922 гг. М, 1977, с. 276.
 83 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 15, л. 123.
 84 Известия ЦК РКП (б), 1919, 30 сентября.
 85 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 109—110, 120.
 86 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 84, д. 31, л. 34.
 87 История КПСС, т. 3, кн. 2, с. 353—359.
 88 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 245.
 89 ЦГАСА, ф. 911, оп. 1, д. 72, л. 1.
 90 Спиридонов Н. Г. Подпольная деятельность большевиков Кубани в годы гражданской войны.
 Краснодар, 1960, с. 82. г\а
 91 Владимирцев В. С. Указ. соч., с. 206.
 92 Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 183.

Глава VI (с. 168—198)

- 1 См. Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 101, 129, 145-146, 413-414.
 2 Там же, с. 144.
 3 VII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих
 депутатов. М., 1920, с. 55.
 4 Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 312.
 5 Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 97, оп. I, д. 622, л. 4; д. 771, л. 14.
 6 Отчет Уральского губернского экономического совещания за период с 1X1921 г. по 1.X.1922
 г. Уральск, 1922, с. 8—9.
 7 Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на
 Дону. Ростов н/Д., 1971, с. 9.
 8 Очерки истории партийных организаций Дона. 1898 -1920, ч. 1. Ростов н/Д., 1973, с. 509.
 9 ПАЧО, ф. 77, оп. 1, д. 6, л. 8, 12—13.
 10 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 195, л. 7, 7 об.
 11 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 8.
 12 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 23, л. 43.
 13 Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Указ, соч., с. 20.
 14 Очерки истории партийных организаций Дона. 1898—1920, ч. 1, с. 510.
 15 Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931, с. 56.
 16 Кондаков А. Разгром десантов Врангеля на Кубани. Краснодар, 1960, с. 39.
 17 Там же, с. 40.
 18 Донецкий М. Донское казачество. Ростов н/Д., 1926, с. 5 (предисловие).
 19 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. П, л. 226.
 20 Советская власть, 1920, № 1—3, с. 18.
 21 Постановления и резолюции I Всероссийского съезда трудовых казаков. М., 1920, с. 3.
 22 Там же, с. 3, 16.
 23 Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 185.
 24 Герасимов П. М. Доблестный командарм. М., 1965, с. 49—50.
 25 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 84, д. 2, л. 25, 26.
 26 Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, 1920, № 24,
 с. 120.
 27 Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 226.
 28 Гражданская война в Оренбуржье. Сб. док. Оренбург, 1958, с. 330.
 29 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 32, 33.
 30 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 365, л. 6.
 31 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 83, д. 4, л. 85; ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 90, л. 83а.
 32 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 105.
 33 Берз Л., Хмелевский К. Героические годы, Ростов н/Д., 1964, с. 328.
 34 Советский Дон, 1918, 4 июня.
 220
 35 ЦГАОР СССР, ф. 1252, оп. 1, д. 66, л. 222.
 36 Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Указ, соч., с. И.
 37 Кондаков А. Указ, соч., с. 29.
 38 Красное знамя, 1920, 25 мая.

- 39 Гелдыш А. А. Кубано-Черноморская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921 — 1924 гг.). Автореф. канд. дис. Ростов н/Д., 1960, с. 6.
- 40 Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1968, с. 124
- 41 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 95, д. 517, л. 63.
- 42 ГАОО, ф. 434, оп. 1, д. 8, л. 5; д. 146, л. 37.
- 43 Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Указ, соч., с. 12.
- 44 ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 100, л. 77—78.
- 45 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 195, л. 72 об.
- 46 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 47(4), л. 728, 828.
- 47 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 116, л. 105; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 82, д. 47(4), л. 726—730, 829—831; д. 47(3), л. 608.
- 48 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 629, л. 21.
- 49 Семернин П. Первые шаги Донской областной партийной организации в колхозном движении (1920 — начало 1921 г.). — Ученые записки Ростовского ун-та, т. 31, вып. 1, 1955; Иванова В. Земельная политика Советской власти на Дону в 1920 г. — Труды МГИАИ, т. 18, 1963, с. 223; Исаков М. К. Земельные отношения и землеустройство в первые годы Советской власти в Западной Сибири (1920— 1921 гг.). — Труды Омского сельскохозяйственного института, т. 29, вып. 1, 1958, с. 7.
- 50 Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Указ, соч., с. 32.
- 51 Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1978, с. 253.
- 52 Елагин А. С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Алма-Ата, 1966, с. 180.
- 53 Перехов Я. А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920—1925 гг.). Канд дис. Ростов н/Д., 1966, с. 117.
- 54 Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 342, 534.
- 55 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 296, л. 43.
- 56 ЦГАСА, ф. 109, оп. 1, д. 46, л. 298.
- 57 Донской статистический вестник, кн. III. Ростов н/Д., 1924, с. 52; Донской статистический ежегодник. Ростов н/Д., 1922, с. 107, 131.
- 58 Елагин А. С. Указ, соч., с. 178.
- 59 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 224, л. 4.
- 60 Отчет Оренбургско-Тургайского губернского исполкома Советов РК и К депутатов. Оренбург, 1921, с. 31; Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Указ, соч., с. 32.
- 61 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 30—31.
- 62 ЦГАСА, ф. 25896, оп. 3, д. 972, л. 302.
- 63 ГАОО, ф. I, оп. 1, д. 28, л. 38; Красное знамя, 1920, 7 апреля; Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Указ, соч., с. 32.
- 64 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 116, л. 1-2.
- 65 Там же, л. 1.
- 66 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 23, л. 73.
- 67 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 372—373. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 224, л. 4.
- 221
- 69 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 182, л. 12.
- 70 ГАОО, ф. 261, оп. 1, д. 1041, л. 14.
- 71 Красный Урал, 1920, 16 июля, 6 августа.
- 72 Донской областной исполком. Отчет III съезду Советов. Ростов н/Д., 1921, с. 24.
- 73 Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. Сб. док. Краснодар, 1959, с. 57.
- 74 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 182, л. 12 об.; ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 48, 78.
- 75 См. Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 154.
- 76 Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 361—362.
- 77 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8, т. 2. М., 1970, с. 178.
- 78 Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, т. 2. Алма-Ата, 1964, с. 634.
- 79 Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Указ, соч., с. 15—16.
- 83 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 1.
- 81 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 32.

- 82 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 84, д. 8, л. 333.
 83 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 120, л. 13.
 84 Коммунар, 1919, 15 декабря.
 85 Кондаков А. Указ, соч., с. 32.
 88 См. Ленин В. И. ПСС, т. 42, с. 364.
 87 Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 121.
 88 Трудовая жизнь, 1920, 12 мая.
 89 ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 14.
 90 Там же, л. 13.
 91 Вельмякин М. Комиссары Трегубовы. — Южный Урал, 1970, 22 февраля.
 92 Красный Дон, 1920, 1 июля.
 93 ЦГАСА, ф. 109, оп. 2, д. 87, л. 4, 11, 20—25, 58, 157—158.
 94 Ленин В. И. ПСС, т. 51, с. 271.
 95 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 281, л. 93.
 96 ГАРО, ф. 3758, оп. 1, д. 55, л. 5 (об.).
 97 ЦГАОР СССР, ф. 1252, оп. 1, д. 69, л. 138.
 98 Максакова Л. В. Агитпоезд «Октябрьская революция» (1919— 1920 гг.). М., 1956, с. 82.
 99 ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 11, д. 150, л. 6. См. Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 358.
 101 ГАРО, ф. 3758, оп. 1, д. 55, л. 6.

Заключение (с. 199—203)

- 1 О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 23.
 2 Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1973, с. 79.
 3 Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 17.
 4 См. Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 302.
 5 Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, с. 559.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I</i> УСИЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В	
ОБЛАСТЯХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД СВЕРШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ	
РЕВОЛЮЦИИ	17
Социально-экономическое положение казачества накануне Октября —	
Казачество на пути к социалистической революции	25
<i>Глава II</i> МЕРОПРИЯТИЯ ПАРТИИ И СОВЕТСКО	
ГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ЛИКВИДАЦИИ ПЕРВЫХ ОЧАГОВ КАЗАЧЬЕЙ	
КОНТРРЕВОЛЮЦИИ	54
Пособничество Антанты в развязывании белоказачьих мятежей.....	—
Провал кадетско-калединской авантюры в казачьих областях в период триумфального шествия Советской	
власти	61
<i>Глава III</i> РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КАЗАЧЬИХ РЕГИОНАХ.	
НОВЫЙ ЭТАП КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ	86
Установление власти Советов в казачьих	
областях	—
Первые аграрные преобразования в станице	92
<i>Глава IV</i> БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА СПЛОЧЕНИЕ БЕДНЯЦКО-СЕРЕДНЯЦКИХ	
СЛОЕВ КАЗАЧЕСТВА ВОКРУГ ПРОЛЕТАРИАТА	106
Усиление классовой борьбы казачества	—
Идейно-политическая работа большевиков в белоказачьем лагере ..	123
<i>Глава V</i> РЕШАЮЩИЕ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ. КРАХ КАЗАЧЬЕЙ КОНТРРЕВО-	
ЛЮЦИИ	138
Социальное размежевание в стане белоказаков	—
Агония контрреволюции.....	150
Глава VI КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ — ОРГАНИЗАТОР ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПЕРЕХОДА -	

КАЗАЧЬИХ МАСС НА СТОРОНУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ....	168
Восстановление Советской власти в казачьих областях	—
Укрепление союза рабочего класса с трудовым казачеством	185
Заключение.....	199
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	203

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ЕРМОЛИН

РЕВОЛЮЦИЯ И КАЗАЧЕСТВО (1917—1920 гг.)

Заведующий редакцией В. С. Антонов
 Редактор Г. И. Пылаева
 Младший редактор Е. Р. Зазульская
 Оформление художника К. А. Рудова
 Художественный редактор И. А. Дутов
 Технический редактор Н. Ф. Кубракова
 Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 1626

Сдано в набор 22.07.82. Подписано в печать 04.11.82. А04920. Формат 84X10в'». Бумага типогр. № 1. Литер, гарн. Высокая печать. Уел. печатных листов 11,76. Учетно-издательских листов 12,88. Уел. кр.-отт. 11,98. Тираж 14 000 экз. Заказ № 570. Цена 85 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
 при Государственном комитете СССР
 по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
 Хохловский пер., 7.